
ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бригадир пути Узловской дистанции И. С. Корякин — лучший бригадир Московско-Донбасской железной дороги. Он первым выдал гарантийный паспорт на отличное состояние пути и постоянную безопасность движения поездов.

Фото О. Кнорринга

На первой странице обложки: Знатные машинисты Октябрьской железной дороги, водители пассажирских поездов (слева направо): М. А. Игнатьев, К. К. Перфильев и Герой Социалистического Труда В. И. Виноградов.

Фото Н. Петрова

На последней странице обложки: После удачной охоты.

Фотоэтюд Н. Козловского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 31 (1156) 31 июля 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ДЕПО

Фото О. Кнорринга

СТАЛИНСКИЙ ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

В. Е. ЦАРЕГОРОДЦЕВ,
начальник Политического управления Министерства путей сообщения СССР

Всесоюзный день железнодорожного транспорта является в нашей стране традиционным всенародным праздником. Ежегодно мы отмечаем этот праздник, установленный в ознаменование состоявшегося 30 июля 1935 года исторического приема работников транспорта в Кремле товарищем Сталиным, руководителями партии и правительства. Голосом миллионов людей день этот назван сталинским.

В нынешнем году этот праздник отмечается в обстановке, когда советский народ достиг решающих успехов в осуществлении великой программы послевоенной сталинской пятилетки.

Речь товарища Сталина на приеме железнодорожников в Кремле ознаменовала новый этап в жизни советского транспорта, в его развитии и техническом перевооружении. Большевистская партия и советское правительство не жалели сил и средств, чтобы оснастить железные дороги первоклассной техникой. В годы сталинских пятилеток были построены тысячи километров новых линий и вторых путей, а многие тысячи километров старого пути реконструированы. Социалистическая индустрия дала транспорту огромное количество мощных паровозов «ФД», «ИС», «СО» с конденсацией пара. По личному заданию товарища Сталина промышленность изготовила за один только 1936 год 80 тысяч вагонов. Была создана мощная индустриальная база для ремонта подвижного состава, построены сотни вагоноремонтных пунктов, по существу, заводов, способных производить все виды ремонта. Товарные вагоны были оборудованы автоматическими тормозами и автосцепкой. Путевое хозяйство также получило мощную материально-техническую базу: машинно-путевые станции, оснащенные усовершенствованными механизмами — баластерами, стругами, путеукладчиками. Железнодорожная сеть обогатилась большим количеством механизированных горок, дающих возможность ускорить обработку и формирование составов, ускорить продвижение поездов. Все это коренным образом изменило облик нашего транспорта.

Неузнаваемо изменились сами железнодорожники. Проникновенные сталинские слова о великой чести для каждого работать на транспорте, о значимости всех на транспорте, начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками, вплоть до стрелочника, до смазчика, до уборщицы, вдохновили всю армию железнодорожников на новые славные дела во имя Родины. Широкий размах получило стахановское движение. Появились сотни, тысячи выдающихся вожаков социалистического соревнования, новаторов производства, смело ломающих старые, отжившие нормы и показавших образцы высокой производительности труда. Разоблачение и разгром контрреволюционного предельчества на транспорте расчистили путь для мощного развития творческой инициативы масс.

Плоды огромной работы, проделанной партией на транспорте, проявились в полную меру в годы Великой Отечественной войны, когда советские железные дороги выдержали нагрузку, с которой, как отметил товарищ Сталин, едва ли справился бы транспорт любой другой страны.

Ныне железнодорожники, как и весь советский народ, самоотверженно борются под руководством партии за новый расцвет хозяйства и культуры социалистической Родины, за досрочное завершение послевоенной сталинской пятилетки.

Одновременно с процессом восстановления идет процесс дальнейшего развития и совершенствования железных дорог. Строятся новые дороги к растущим очагам индустрии, к источникам сырья, к новым природным богатствам. Электрифицируются многие важнейшие линии. Реконструирован ряд узлов на особенно грузонапряженных дорогах Урала и Сибири. Проведены крупные работы по усилению путевого хозяйства, строительству автоблокировки, применению автостопов, контрольно-маршрутных устройств. Внедряется радиосвязь. Локомотивный парк непрерывно пополняется мощными паровозами, тепловозами, электровозами. Дороги получают во все возрастающем количестве новые грузовые и пассажирские вагоны.

В нынешней пятилетке ассигновано 40,1 миллиарда рублей на восстановление и развитие железнодорожного транспорта. С осуществлением строительных и реконструктивных работ, предусмотренных пятилетним планом, решаются крупнейшие технико-экономические задачи. Резко увеличивается пропускная способность самых важных и грузонапряженных направлений, прежде всего дорог Урала и Сибири, Донбасса и Криворожья. Прокладываются линии, усиливающие экономические связи с новыми очагами промышленности, индустриальными и сельскохозяйственными районами. Создаются условия для устойчивой работы дорог в наиболее трудные, зимние месяцы. Широкое развитие получают самые экономичные и совершенные виды тяги — электрическая и тепловозная. Продолжается в огромных масштабах процесс технического оснащения и перевооружения транспорта во всех его областях: в паровозном, вагонном, путевом, станционном хозяйстве, на ремонтных заводах и т. д.

Благодаря исключительной заботе партии и правительства, неустанной личной заботе товарища Сталина о транспорте и его людях железные дороги неуклонно набирают все более высокие темпы в своем развитии. В 1948 году грузооборот железнодорожного транспорта увеличился по сравнению с 1947 годом на 27 процентов и превзошел довоенный уровень. В первом квартале 1949 года общая среднесуточная погрузка по сети возросла на 16,5 процента против того же периода прошлого года.

Свыше двух миллионов индивидуальных договоров социалистического соревнования заключили и выполняют работники самых разнообразных профессий транспорта. И каждый из этих договоров неразрывно связан с общими обязательствами железнодорожников, которые они дали в своем письме великому Сталину. Каждый из этих договоров в отдельности и все они вместе свидетельствуют о решимости железнодорожников досрочно выполнить пятилетку.

Железнодорожники, выполняя обещание, данное товарищу Сталину, значительно улучшили технико-экономические показатели и добились большей рентабельности предприятий транспорта.

Выросло много передовых коллективов, замечательных людей — вожаков соревнования, активных борцов за высокую производительность труда, за высокое качество продукции. Работники Московско-Донбасской дороги в прошлом году перевыполнили обязательство по сверхплановой погрузке и продолжают наращивать темпы: в этом году задание первого квартала по погрузке угля реализовано со значительным превышением. Отлично выполнил свое обязательство, записанное в письме товарищу Сталину, коллектив паровозного депо Москва-Сортировочная, Московско-Рязанской дороги. Работники этого депо — родины первого коммунистического субботника — сберегли около 44 тысяч тонн топлива, сэкономили больше 2 миллионов рублей.

С честью выполнили свои личные обязательства перед вождем стахановцы — новаторы транспорта. Машинист депо Зилово тов. Соловьев за первые три года послевоенной пятилетки перевез сверх нормы 34 тысячи тонн груза и сэкономил 1200 тонн топлива. Он значительно перевыполнил обязательство по увеличению среднесуточного пробега паровоза. 1250 тысяч километров без капитального ремонта и 450 тысяч километров без среднего ремонта пробежал локомотив машиниста депо Всполье тов. Папавина. Более чем на 30 процентов, как и обещала, ускорила оборот паровозов участковый диспетчер Московского отделения Московско-Рязанской дороги тов. Королева. Достойно сдержали слово диспетчеры тт. Костырко, Лощинина, составитель тов. Катаев, дорожный мастер тов. Юшкин, бригадир грузчиков тов. Васюк, рессорщик тов. Хабаров и многие другие.

Особо важную роль играет развивающееся сейчас движение машинистов-пятисотников. Немного времени прошло с тех пор, как группа передовых машинистов депо Россошь — тт. Гульшин, Сова, Ковалев, Морозов и Фоменко — выступила против устаревших норм эксплоатации локомотивов, и соревнование за высокие среднесуточные пробеги, за подлинно стахановское использование тяговых средств уже приняло массовый характер. Теперь уже не одиночки, а сотни паровозных бригад, и не в ограниченной группе депо, а во многих местах, на различных дорогах достигают пробега в 500, а иногда 600 и 700 километров в сутки. Сегодня пятисотниками являются уже более 800 машинистов, а еще 800 достигают пробегов от 400 до 500 километров. На дорогах создано более 200 колонн, и в них включено 1250 паровозов, работающих по уплотненному графику. То, что совсем еще недавно считалось рекордом, постепенно становится каждодневным показателем для все большего числа локомотивных бригад. Паровоз старшего машиниста депо Шилка тов. Шулыгина прошел за месяц 16 233 километра, паровоз старшего машиниста депо Вологда тов. Паутова — 15 254, паровоз машиниста тов. Баженова из того же депо — 15 050 километров.

Движение пятисотников является мощным рычагом дальнейшего подъема транспорта. Пятисоткилометровые пробеги позволяют не только значительно поднять полезную работу локомотивов, ускорить оборот вагонов, но еще и сберечь колоссальное количество топлива, сэкономить огромные суммы денежных средств. Потому так и велико народнохозяйственное значение этой патриотической инициативы паровозников, идущих в авангарде соревнования, в первых рядах борцов за досрочное выполнение пятилетки.

Совершенствование эксплоатационной культуры предполагает особую заботу о ритмичности перевозок — о равномерности в погрузке и выгрузке, в формировании поездов на станциях и продвижении их по участку. Хорошо организовали соревнование за ритмичность на Московско-Донбасской дороге: успех плана обеспечивали здесь изо дня в день общими силами железнодорожники и угольщики, и опыт их поучителен. В ночные часы здесь выполняют до 40 процентов суточного плана погрузки, а по углю — до 42 процентов.

Теперь в соревновании занимают все большее место качественные показатели производства, вопросы финансов, себестоимости, забота о высокой рентабельности каждого предприятия. Железнодорожники горячо подхватили начатое в прошлом году по почину москвичей движение за сверхплановые накопления, а затем и за ускорение оборачиваемости средств, развили это движение применительно к своеобразным условиям транспорта, и оно уже дало свои результаты.

В прошлом году железные дороги снизили себестоимость перевозок по сравнению с 1947 годом на 8,8 процента и сэкономили на этом около 850 миллионов рублей. В первом квартале нынешнего года себестоимость была на 4 процента ниже плановой. Есть уже первые результаты борьбы за ускорение оборачиваемости средств. За короткий срок передовые предприятия транспорта сумели высвободить и передать государству более 70 миллионов рублей, а самое главное — железные дороги быстрейшей доставкой грузов помогают высвобождению средств в других отраслях народного хозяйства.

Транспорт — самый крупный потребитель топлива в стране, и естественно, что передовые наши люди обращают особое внимание на экономию угля. В самый разгар зимних перевозок, в феврале, паровозники Южной дороги выступили с предложением значительно сократить расход топлива и сами взялись передать в государственный запас 40 тысяч тонн угля. Примеру Южной последовали многие дороги, и в итоге транспорт в целом сберег за 5 месяцев 1956 тысяч тонн топлива в натурном исчислении. Наибольших успехов достигли Московско-Рязанская дорога, сэкономившая 123 тысячи тонн, Ок-

тябрьская — 97 тысяч, Свердловская — 95 тысяч и Южная дорога — 79 тысяч тонн.

Железнодорожники горячо подхватили инициативу Александра Чуткиx и развернули соревнование за высокое качество продукции. Уже больше 50 тысяч бригад отличного качества насчитывается сейчас на предприятиях транспорта, и число их непрерывно увеличивается. Железнодорожники — последователи Александра Чуткиx — борются за честь узловой гарантийной марки, введенной по почину стахановцев станции Брянск почти на всех крупных узлах сети. Узловая марка — коллективный документ, она как бы подытоживает результаты труда большой группы людей, работников разных служб и профессий. Это коллективная гарантия высокого качества, и потому она приобретает особое значение. Можно сказать, что узловая марка в определенной степени есть выражение слаженности и дисциплины на узле.

Развивая на новом этапе соревнования тимашевское движение, железнодорожники в нынешнем году проводят по инициативе Приморской магистрали большую работу по восстановлению негодных к эксплоатации вагонов. Уже в строю 6211 таких вагонов, и нет сомнения, что с каждым месяцем их будет все больше.

В ходе соревнования ширится и крепнет плодотворный союз передовой советской науки и производства. Призыв ленинградских ученых теснее связаться с жизнью, с практикой встретил живейший отклик в институтах транспорта, среди всей нашей технической интеллигенции. Ученые начали энергичнее включаться в производственную жизнь, чаще бывать на предприятиях, непосредственно там помогать практическим работникам. Это окажет свое влияние не только на дальнейший технический прогресс, на повышение производственной культуры, но и вольет новую живительную струю в деятельность самих научных учреждений.

Политотделы помогают первичным партийным организациям транспорта всемерно усиливать работу в массах, всячески повышать уровень агитационной и пропагандистской деятельности. За последнее время наметился серьезный поворот к нуждам полевых станций. Политотделы организуют и направляют шефство узлов, развивают движение за электрификацию и радиофикацию линии, налаживают культурное обслуживание полевых станций и разъездов, путевых будок и общежитий.

Нельзя закрывать глаза на то, что среди железнодорожников встречаются еще отсталые люди, с привычками, унаследованными от старого, капиталистического строя. У нас еще есть работники, нарушающие дисциплину, нерадиво относящиеся к своим обязанностям, к доверенному им народному добру. Некоторые руководители свыклись со случаями хищений, порчи грузов и не ведут беспощадной борьбы с этим. Между тем каждый случай разгильдяйства, в результате которого происходит порча или хищение, свидетельствует прежде всего об ослаблении бдительности, ослаблении воспитательной работы. Ведь речь идет здесь о народном добре, об общественной собственности, составляющей священную основу нашего строя.

В центре всей нашей партийно-политической работы должна всегда быть забота о насаждении во всех звеньях транспорта подлинно большевистской, крепкой, сознательной дисциплины. Этому учил нас Ленин, этому постоянно учит нас товарищ Сталин.

Всякое нарушение работниками железнодорожного транспорта своих обязанностей, говорится в Уставе о дисциплине, влечет за собой угрозу для жизни перевозимых железными дорогами людей, для своевременной и аккуратной доставки грузов социалистической промышленности и сельского хозяйства, для сохранности доверенной транспорту социалистической собственности и для обороноспособности Союза ССР. Поэтому на железнодорожном транспорте «железная трудовая дисциплина» необходима «вдвойне и втройне» (Ленин).

Нарушителей дисциплины надо строго карать. Но главное состоит в том, чтобы организовать воспитательную работу. Нельзя забывать, что с точки зрения внутренних задач советского государства все большее значение имеет метод убеждения. Основная масса железнодорожников — сознательные строители коммунистического общества. Следовательно, у нас есть все условия, все возможности быстрее покончить со всякими проявлениями распущенности и недисциплинированности.

Размах агитационно-пропагандистской работы, ее успех определяются не только количеством проведенных мероприятий, числом слушателей, но прежде всего действенностью. Там, где уровень дисциплины выше, где слаженность лучше, где перевыполняется государственный план, где создана обстановка нетерпимости к малейшим фактам недисциплинированности и аварийности, там, следовательно, по-настоящему развернута большевистская пропаганда и агитация.

Все содержание политической работы партийных организаций должно быть направлено на то, чтобы воспитывать железнодорожников в духе преданности Родине, великому делу Ленина — Сталина.

Плоды великой сталинской заботы о людях каждодневно ощущают и советские железнодорожники. В нынешнем году на культурно-бытовые нужды тружеников транспорта отпускается свыше шести с половиной миллиардов рублей. Шесть с половиной миллиардов! А ведь сюда еще не входят сотни миллионов рублей из премиального фонда министерства и фондов директоров предприятий. В эту сумму не входят сотни миллионов рублей, которые государство выплачивает железнодорожникам в виде пособий по многодетности, пенсий и т. д.

В последнем довоенном году расходы на социально-культурные мероприятия составили на транспорте около трех миллиардов рублей, а ныне ассигновано больше чем вдвое. И это вскоре, всего лишь через четыре года после небывалых разрушений и гигантского материального ущерба, принесенных самой кровопролитной и самой опустошительной войной из всех войн, известных в мировой истории. Этот факт еще раз свидетельствует о непреоборимой силе и жизненности советского строя, о его неиссякаемых источниках дальнейшего расцвета.

МУЗЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Первый русский паровоз, как известно, построили отец и сын Черепановы, демидовские крепостные. В Ленинградском музее железнодорожного транспорта модель паровоза Черепановых стоит в центре зала. Но прежде чем говорить о ней, нужно назвать еще два имени: Ивана Ползунова и Петра Фролова. В шестидесятых годах восемнадцатого века, на двадцать с лишним лет раньше Уатта, Ползунов построил заводскую паровую машину. В начале девятнадцатого века Фролов построил на Алтае первую чугунную дорогу, между рудником и заводом. Только вместо паровоза груз везли по рельсам лошади.

Экскурсовод музея М. М. Машнев у модели паровоза Черепановых.

Фото Д. Трахтенберга

Дорога работала успешно, но развитие горнозаводской и машиностроительной промышленности требовало более скорых и грузоподъемных средств сообщения. На смену лошади пришла машина. Соединение творческих замыслов Ползунова, Фролова, Ефима и Мирона Черепановых привело к сооружению в Тагиле железной дороги. 115 лет назад, в августе 1834 года, по этой дороге пошел «дилижанец» с первым русским паровозом Черепановых, несравненно более совершенным, чем «Ракета» Стефенсона. Хозяев царской России мало интересовала судьба замечательных машин, созданных на Урале крепостными мастеровыми. Пассажирская дорога Петербург — Царское Село не использовала опыта Тагильской дороги — одной из первых в мире железных дорог с паровой тягой: вагоны с царской семьей возили не русские, а английские паровозы. Немцы Ирман и Меллер — управители алтайских рудников — уничтожили паровую машину Ползунова. Когда машина Черепановых, нарушая тишину уральских лесов, двигалась по чугунным рельсам, немец Фридрих Фик писал главноуправляющему путями сообщения Российской империи: «Я занялся изысканиями над движением посредством сил человеческих, и результаты меня крайне удивили, потому что в настоящем случае эти силы оказались средством двигательным самым дешевым...»

Экспонаты ленинградского музея рассказывают не только о прошлом. Они наглядно показывают, как работает железнодорожный транспорт нашей страны.

Вот паровозы-красавцы, выпущенные за годы пятилеток: мощные товарные «ФД» и «СО», пассажирские «ИС». Здесь же паровоз с конденсацией пара — коэфициент полезного действия его вдвое больше обычного: первый в мире тепловоз с коэфициентом полезного действия в 27 процентов. Вот электровозы, обтекаемый паровоз, развивающий скорость свыше 150 километров в час, послевоенный первенец локомотив «Л», а вот «Механический кочегар», облегчающий труд паровозной бригады, «Автостоп», гарантирующий безопасность движения поездов, тормоз Матросова.

Большой интерес представляет макет механизированной сортировочной станции.

В. НЕСТЕРОВ

За три года послевоенной пятилетки в строительство жилищ и культурно-бытовых учреждений на железнодорожном транспорте вложено 2 миллиарда 64,9 миллиона рублей. Железнодорожники за это время получили 1 миллион 870 тысяч квадратных метров жилой площади. Это не считая 14 986 индивидуальных домов, которые они построили с помощью государства, и не считая 4200 домов, построенных для машинистов. В этом году государство выделило на сооружение жилищ и культурно-бытовых учреждений для железнодорожников 954,2 миллиона рублей.

Особую заботу проявляют партия и правительство о локомотивных бригадах, от работы которых в огромной степени зависит успешное выполнение железнодорожным транспортом возложенных на него задач. Указом Президиума Верховного Совета СССР машинисты за выслугу лет награждаются орденами и медалями. По личному указанию товарища Сталина на железных дорогах создано 39 трехгодичных школ для обучения машинистов. Индивидуальные трудовые договоры с работниками локомотивных бригад предусматривают процентную надбавку к месячной ставке зарплаты в зависимости от стажа непрерывной работы на локомотиве. Для машинистов, их помощников и кочегаров во всех строящихся и восстанавливаемых Министерством путей сообщения домах выделяется 10 процентов жилплощади. Кроме того специально для машинистов строятся индивидуальные дома, которые передаются им по удешевленной цене в рассрочку на 10 лет.

Партия Ленина — Сталина учит нас, что нет более почетной обязанности для хозяйственников, больших и малых, для партийных и профессиональных работников, чем забота об улучшении материально-бытовых условий трудящихся. Благосостояние железнодорожников, как и всех тружеников нашей страны, непрерывно повышается. Этим мы обязаны большевистской партии, советскому правительству и великому Сталину, их неустанной заботе о нуждах советских людей.

Вместе со всем народом широко шагают дорогой коммунизма труженики советского транспорта. Светоносные идеи партии озаряют им путь.

НАПУТСТВИЕ

Семен **КАНЕВСКИЙ**

В сущности говоря, консультация по поводу устройства и действия паровоза была уже закончена. Разобраны все вопросы — от коэфициента полезного действия паровой машины до каверзной шутки: что выходит из продувательных кранов, когда паровоз трогается с места,— пар или конденсат?

Пожалуй, пора на ужин. Но старому машинисту Михаилу Федоровичу грустно и жалко расставаться с этими любознательными пареньками, которые через несколько дней уйдут из школы на железную дорогу работать кочегарами. Стараясь подавить внутреннее волнение, он сказал:

— Ну вот, дорогие сынки, нам предстоит прощание. Хочу, чтобы вы покинули нашу школу бодрыми, с крепкой верой в собственные силы, в свое будущее. Вы славные ребята, учились хорошо, рветесь к настоящей работе, любите Родину и за дело Ленина—Сталина готовы отдать свою жизнь. Для вас всегда открыт семафор: трудись только, приложи талант, старание, и все придет — признание, счастье. Гляжу на вас, сынки, вижу вашу судьбу и, честно сознаюсь, завидую. Обидно вспоминать мою молодость...

Строгий, подтянутый, Михаил Федорович никогда на занятиях не курит. Но теперь он не вытерпел, закурил и продолжал:

— Давно это было — в 1898 году. Окончил я техническое железнодорожное училище в Коврове — одно из немногих в царской России. Учился на собственные деньги. Отец, бедняк-крестьянин, имел 13 детей и не мог меня содержать. По утрам я ходил на занятия в училище, вечерами грел заклепки на кузнечном горне в железнодорожных мастерских — две копейки за час работы в жару и копоти. Я был сильный и упрямый. Вытерпел до конца и с дипломом паровозного машиниста приехал на практику в депо станции Нижний Новгород, теперь — Горький.

По наивности надеялся, скоро получу паровоз. Однако с первой же минуты меня постигло разочарование. Тогда командные места на железной дороге занимали немцы и ходу русским не давали. То было тяжелое время: царское правительство холуйски пресмыкалось перед иностранщиной, заграничной маркой. Паровоз английский, вагон немецкий, телефон шведский, коса австрийская. Даже зубной порошок купишь в аптеке — и он фирмы «Одоль»... Явился я с представлением к начальнику депо, немцу Шмидту. Взглянул он небрежно на мой диплом с двуглавым орлом и командировочное предписание министерства путей сообщения, процедил сквозь зубы, коверкая русский язык:

— Зеер гут. Пошель практикум ремонтный цех к мастеру...

Прихожу в ремонтный цех. И на мастера, огромного мужчину с рыжей бородой, диплом машиниста, в который я так слепо верил, тоже не произвел никакого впечатления.

— Документы твои, Парфенов, в полном порядке, а принять на работу не могу. Надо тебя прежде заклепать...

Сказал и ушел.

«Заклепать»? Я ничего не понимаю, растерялся. Рабочие, которые слышали мой разговор с мастером, смеются. Один слесарь мне и шепнул:

— У нас, малый, заведен для новичков такой обычай — «заклепка». Поставь мастеру четверть ведра водки с угощением. Это и значит «заклепать»...

«Подавитесь вы с вашей «заклепкой»! — думаю. — Только где денег взять? В кармане два пятака...»

Тот слесарь — добрый человек — сжалился, одолжил мне денег до получки. Сбегал я в трактир за водкой и колбасой. Мастер милостиво выдал мне наряд на чистку «царской кухни». Так рабочие называли переднюю топку паровоза. Паровозы нашей линии отапливались нефтью, и на стенках топки нагорала толстым слоем едкая, маслянистая сажа.

С «царской кухни», собственно, и началась моя карьера на транспорте.

Время идет, месяц за месяцем, а меня, технически грамотного человека, знающего «назубок» устройство паровоза, начальство все еще держит на черной работе. Мысли мучают: ради чего же я учился, недоедал, недосыпал? Жаловаться на судьбу и несправедливость было некому. Начальник дороги — немец, начальник депо — немец, на паровозах нашего депо большинство машинистов тоже немцы. Сытые, холеные, они получали большое жалованье и с пренебрежением относились к нам, русским. Стоит немецкий идол на паровозе, важный, дородный, в белых перчатках и при шелковом галстуке, попивает кофе или пиво из фляги, а русский помощник ведет паровоз. Немец только открывает или закрывает регулятор. Возвращается паровоз из поездки, помощник несет за немцем его саквояж до самой квартиры.

Михаил Федорович Парфенов, мастер производственного обучения в железнодорожной школе ФЗО № 1 в городе Горьком.

Но я был горд, силен и терпелив — не шел на поклон к иностранцам. Я хотел работать на паровозе и ждал удобного случая. Дождался! Приехала к нам техническая комиссия из Петербурга. Набрался храбрости и обратился к ней с заявлением. Проверила комиссия мои знания и распорядилась перевести меня на маневровый паровоз помощником машиниста.

Однажды вывожу я из депо паровоз после промывки. Лакированная обшивка, натертые до солнечного блеска медные обручи — сверкает машина! Гляжу, по дорожке направляется ко мне господин Шмидт. Картуз снимаю, кланяюсь. Начальник попробовал замшевой белой перчаткой поручни — чисто. В других местах — тоже чисто. Я спокоен: не придерется, думаю, умею содержать машину в порядке. Но глянул немец на себя в медный обруч и выругался:

— Швайнерай! Свинство! Жаловаться хорошо, а чистиль плохо. Зеркало надо, зеркало!..

И Шмидт пригрозил прогнать меня с железной дороги. Не успел, однако. Русские машинисты свергли Шмидта, уничтожили его хитростью.

Был у меня друг, первоклассный машинист Константин Федотов. Никто не мог с таким мастерством подкатить к станции и мягко затормозить паровоз, как это делал Костя Федотов. И вот мы и придумали «подложить мину» под Шмидта. Начальник не умел читать по-русски, подписывал бумаги, не глядя. Подговорили мы письмоводителя, своего человека, и сочинили от имени Шмидта официальное заявление министру путей сообщения об отставке. Дословно не помню, но примерно содержание было такое: «Ваше высокопревосходительство! Убедительно прошу уволить меня в отставку. Нажился я в России достаточно и намерен вернуться в фатерланд...»

Остальное понятно. Письмоводитель подсунул Шмидту послание, тот подписал. Недели через две, к нашему великому удовольствию, разыгрался скандал в «благородном» обществе: Шмидта уволили. На его место прибыл Фаворов, образованный русский инженер. Мы с Костей ему всю правду и открыли. Фаворов учинил технический экзамен немецким машинистам и погнал надменных невежд.

Так после свержения в нашем депо этих заграничных идолов добился я права самостоятельно водить паровоз. Однако права машиниста первого класса я получил лишь со времени Октябрьской революции.

Да, трудным был мой путь к учению и профессиональному мастерству. И какая ясная дорога у вас, советская молодежь! Цените это, сынки! Мне семьдесят два года, и я знаю, что говорю... У кого вопросы имеются?

«Сынки» молчали. Незнакомая картина прошлого взбудоражила их воображение и чувства, заставляла думать и сравнивать.

Михаил Федорович повторил:

— Быть может, у кого вопросы имеются, пожалуйста?

— Разрешите мне,— нашелся паренек, которого мастер знал всегда, как самого робкого и тихого на уроках. — Позвольте, Михаил Федорович, узнать по существу вашей многотрудной жизни. Знакомый машинист Григорий Грошев, который дважды орденоносец, говорил мне, что учился у вас, Михаил Федорович. А сколько же всего, ребят интересует, вы подготовили людей для транспорта?

Парфенов ответил просто, с чувством гордости:

— Сколько? Во всяком случае, побольше тысячи машинистов, кочегаров и ремонтных слесарей. Не только Григория Грошева, именитого машиниста, вы и других должны знать: Леонида Ребенкова — начальника депо пассажирских паровозов, Константина Жигулина — стахановца, мастера по ремонту вагонов. Впрочем, разве всех назовешь? Разные вышли люди из моих учеников — зависело от способностей и стремлений. Но все они полезные Родине, честные труженики, строители коммунизма.

Молчание было нарушено, и теперь каждый хотел что-то сказать, чтобы выразить уважение к старому машинисту и к его яркой жизни.

— А правда ли, Михаил Федорович,— взволнованно спросил другой, — что вы лично слышали залп «Авроры»?

— Да, правда. Дело было так... Избрали меня в семнадцатом году нижегородские железнодорожники уполномоченным по продовольствию и послали в Петроград...

☆ ☆ ☆

Новый рассказ Михаила Федоровича прервал директор школы, неожиданно вошедший в технический кабинет. Учащиеся встали, приветствуя его, а смущенный мастер доложил:

— Товарищ директор! Группа кочегаров железнодорожной школы ФЗО № 1 получает напутственную консультацию по вопросам устройства... жизни.

Директор улыбнулся, сел за парту. И он был непрочь послушать мастера.

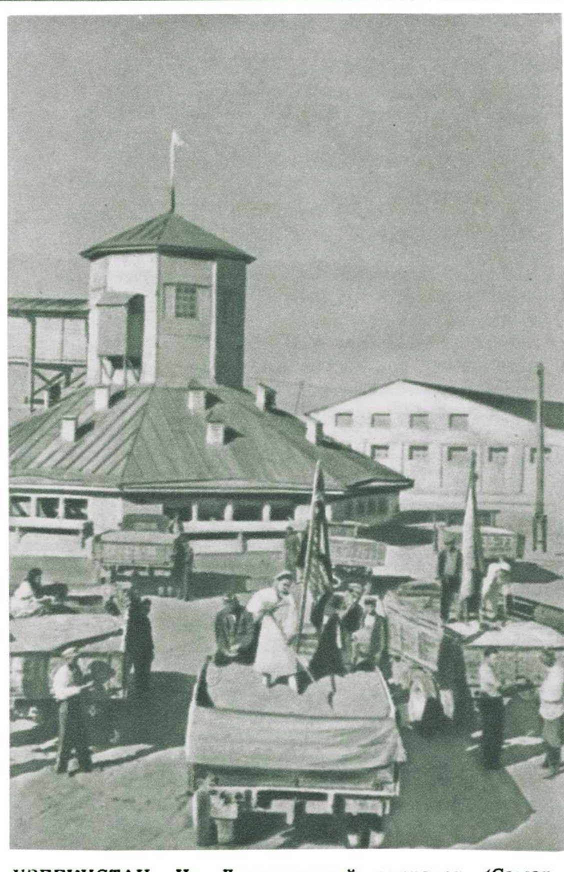
ХЛЕБ

В срок сдать хлеб государству, с честью выполнить первую заповедь колхозного строя — этой мыслью живет сейчас советское крестьянство.

На токах, у элеваторов, на железнодорожных станциях и пристанях — горячая пора. Золотистое зерно рекою льется в закрома государства. Мастера социалистического земледелия, завоевавшие высокие урожаи, с новой энергией соревнуются за досрочное выполнение планов хлебосдачи.

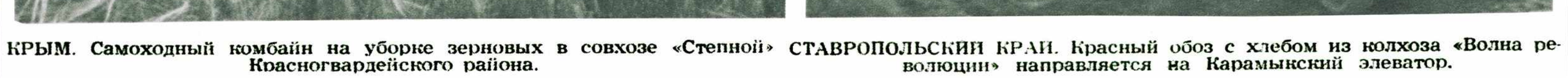
Фото С. Безносова и М. Квирикашвили (ТАСС), Э. Гутгарца, Н. Резниченко и Л. Яблонского.

КУБАНЬ. Груды пшеницы на дворе элеватора... Это сдает хлеб государству колхоз имени Молотова, Краснодарского края.

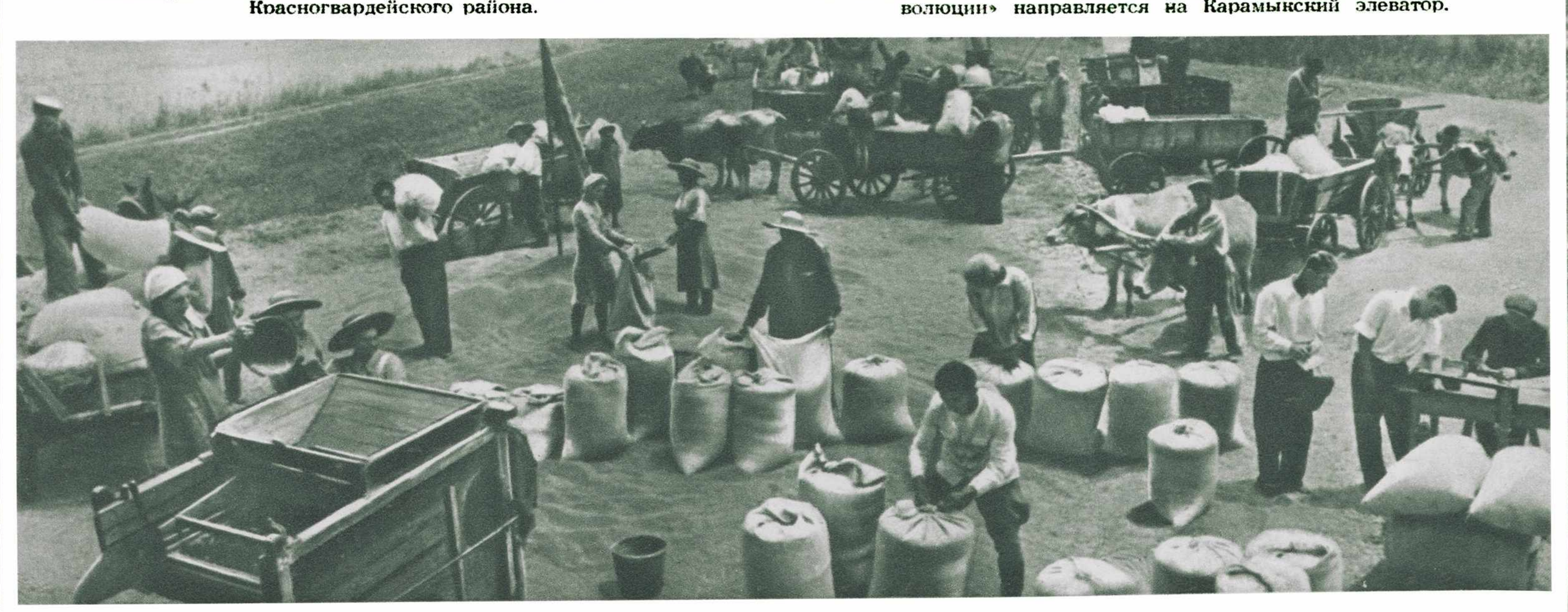
УЗБЕКИСТАН. На Ломакинский элеватор (Самаркандская область) прибыли машины с зерном нового урожая. Лаборантки берут пробу для анализа.

КРЫМ. Самоходный комбайн на уборке зерновых в совхозе «Степной» Красногвардейского района.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ. Красный обоз с хлебом из колхоза «Волна революции» направляется на Карамыкский элеватор.

ГРУЗИЯ. На току колхоза имени Сталина, Качретского района. Подготовка зерна к отправке на заготовительный пункт.

Вынув из кармана большой ключ, Янис Георгиевич Адатиньш со звоном поворачивает его в замке и произносит торжественно, слегка нараспев, с характерным латышским акцентом:

— Еще древние мореходы считали, что берег во время бури — самый опасный враг корабля.

Минуту назад колючий ветер больно сек по лицу и в ушах стоял монотонный шум прибоя. Но вот тяжелая дверь пропустила нас внутрь маяка, и сразу стало тихо. Янис Георгиевич отвернул бархатный потертый воротник своего пальто, взялся за перила. Стальные ступени винтом уходят вверх. Сначала кажется, что попал в башню средневекового замка. Но, оглядевшись, убеждаешься в неправильности этого сравнения. Винтовая лестница — единственное, что напоминает сухопутное жилье человека. Все остальное здесь от моря. Чугунные выгнутые стены скреплены болтами, как борта корабля. Круглые окна — точная копия судовых иллюминаторов.

Поднимаясь вверх за своим спутником, я невольно любуюсь, как легко этот грузный, пожилой человек преодолевает ступень за ступенью. Шутка ли сказать — тридцать два метра над уровнем моря! Который уж год изо дня в день смотритель Лиепайского маяка капитан дальнего плавания Адатиньш взбирается по этой крутой лестнице!

Наконец мы наверху. Площадка обращена к морю. Под ногами, по окружности деревянного пола, — румбы компаса. Сквозь застекленные стены видно бледное вечернее небо, на горизонте сливающееся с темной поверхностью воды. Только в одном месте, напротив цифры «270», горит еще оранжевая полоса заката.

Равномерно тикают часы.

— Отвернитесь, закройте глаза! — отрывисто командует капитан.

Ослепительный свет вспыхивает за спиной. Электрическая лампа в 360 тысяч свечей, окруженная сверкающим кольцом линз, начинает равномерно вращаться. Каждые четыре секунды с вершины чугунной башни в сгущающуюся темноту уходят белые лучи. Маяк начинает работать после захода солнца точно, минута в минуту. Далеко в море видят его свет суда, идущие между портами СССР, Польши, Швеции.

Ночь наступает быстро. Когда мы поднялись сюда, с вышки маяка четко, как на карте, вырисовывались линии волноломов, ограничивающих акваторию порта, зигзаги причалов, тут и там перекрещенные стрелами грузовых кранов. А теперь внизу мелькают только светлые точки буев на фарватере. На севере, там, где только что виднелась черная полоса леса, вспыхивает и гаснет белый огонек.

— Акмиранс, — говорит Янис Георгиевич и показывает на секундомер. — Там уже другая периодичность сигналов. Каждые двадцать секунд три проблеска подряд. Каждый маяк работает по-своему, разговаривает на своем языке. И штурман, знающий языки маяков, никогда не собьется с курса, в самую бурную погоду он может не бояться берега. Акмиранс, — повторяет капитан, — интересный маяк. Один на пустынном берегу, как корабль в океане. И люди там интересные, служитель Гутманис, например. Ему 79 лет. Сорок три года служит он на маяке Акмиранс. Я еще мальчишкой был, плавать не начинал, а он уже нес свою вахту.

Капитан Адатиньш вспоминает юность, рассказывает о парусниках, на которых штормовал в зимней Атлантике. С какой надеждой, бывало, всматривался молодой матрос в кромешную тьму ночного моря, держась коченеющими руками за обледенелые ванты! Волны сбивали судно с курса, неумолимо гнали к скалистому берегу. Беспомощным и жалким казался корабль в пенящемся водовороте океана. Но вот слезящиеся от соленых захлестов глаза улавливали проблеск маячного огня, и надежда сменялась уверенностью. Нет, не одинок корабль в борьбе со штормом! На берегу у него есть надежные друзья.

Четверть века проплавал на кораблях Янис Адатиньш. Был матросом,

НА МАЯКЕ

С. НИКИТИН

штурманом, капитаном. Потом, когда начали сказываться годы и здоровье не позволяло уже часами простаивать на мостике под пронизывающим ветром, капитан сошел на берег, стал смотрителем маяка. Со всем постоянством бывалого моряка привязался он к новому своему «кораблю» — высокой чугунной башне, окрашенной красными и белыми полосами.

За годы, проведенные здесь, пережито не меньше, чем за все время плавания. В дни, когда немецкая артиллерия прямой наводкой расстреливала кварталы Лиепаи и из порта уходили последние советские корабли, смотритель маяка Адатиньш снял с флагштока синий гидрографический флаг СССР, бережно сложил его, отнес к себе на огород и там закопал в землю.

Немецкие пираты засорили минами воды Балтики, ослепили маяки. Сигнальные огни загорались только в редкие ночи при проходе гитлеровских судов. Когда курляндская группировка немцев капитулировала и в Лиепаю вошли советские войска, капитан Адатиньш явился в военно-морскую комендатуру и, расстегнув пальто, дрожащими от волнения руками достал из-за пазухи и развернул синее полинявшее полотнище. Верный традициям советского флота, старый моряк с риском для жизни сохранил флаг Родины.

Из Лиепаи выходили военные тральщики — неутомимые пахари моря. Дни и ночи трудились советские моряки, вытраливая мины. По расчищенному фарватеру пошли в порт первые транспорты. И приветливо светили им огни маяка...

Равномерно вращается лампа, окруженная кольцами сверкающих линз. По стальной трубе в центре башни медленно ползет вниз гигантская гиря, маятник отбивает секунды, минуты, часы.

Янис Георгиевич еще раз оглядывает свое хозяйство. Нигде ни пылинки, ни пятнышка. Спускаясь вниз, мы на минуту задерживаемся на следующей площадке. Подойдя к черному полированному ящику, капитан нажимает невидимую кнопку. Установленный на молу репродуктор посылает в море протяжные заунывные сигналы. В туманную погоду они предупреждают моряков о близости земли.

Снова со звоном поворачивается ключ, и тяжелая дверь выпускает нас из башни. Снова бьет в лицо колючий балтийский ветер. Из темноты долетают холодные брызги.

— Погода свежеет, — озабоченно замечает капитан, показывая в сторону моря на светящиеся буи. — Надо, пожалуй, послать шлюпку.

Его беспокойство не напрасно. Разгулявшаяся волна может погасить фонари, сорвать буи с якорей, и тогда фарватер закроется. Для проверки буев на шлюпке пойдет механик Кружилис, бывалый моряк.

— Самого интересного, однако, вы еще не видели, — говорит Янис Георгиевич, пока мы идем от башни по дорожке. — Самое интересное, самое важное здесь.

И он приглашает войти внутрь невысокого домика.

На столе большие часы, неподалеку мощный радиопередатчик. Через каждые две минуты автоматически вспыхивают и гаснут фиолетовые газотронные лампы. Точки, тире, точки, тире. Сигнал «ЛБ». В эфир уходят позывные радиомаяка.

— Этого не было прежде в Лиепайском порту. Это сделали они, молодые русские товарищи, это сделала советская власть, — говорит капитан, знакомя меня с начальником радиомаяка Несведовым.

Невысокий, худощавый, в тельняшке, которая проглядывает из-под пиджака, Дмитрий Павлович Несведов по виду годится в сыновья капитану Адатиньшу. Военный моряк, связист, он во время войны сражался в пехоте, немало поколесил по фронтам, а потом, став мирным гражданином, накрепко связал свою жизнь с флотом. Вот уже скоро год, как под его руководством в Лиепае работает радиомаяк, оборудованный первоклассной аппаратурой.

Сигналы «ЛБ» идут в эфир на определенной волне через определенные промежутки времени. В интервалах, когда молчит Лиепая, слышны позывные Брустеррора, другого балтийского радиомаяка, из-под Калининграда. Радиопеленги, принимаемые судовыми рациями, помогают штурманам точно определять местоположение кораблей в любую непогоду, при полном отсутствии видимости.

— Какие новости, Дмитрий Павлович? — осведомляется Адатиньш.

— Новости хорошие, — отвечает Несведов, — пароход благополучно прибыл в порт. С полчаса назад звонил капитан, просил передать благодарность всему коллективу маяка... «Здорово, — говорит, — помогли вы мне, друзья, прошлой ночью во время тумана...» Так что поздравляю, Янис Георгиевич!

— Поздравляю радистов: это их заслуга! — Адатиньш крепко пожимает руку Несведову.

Они смотрят друг на друга и улыбаются — старый латышский моряк и молодой русский парень. Они улыбаются и молчат, думая о тех, кто в это время идет бурным морем к родному советскому берегу, о далеких и близких им людях на палубах кораблей.

Смотритель Лиепайского светового маяка Я. Г. Адатиньш.

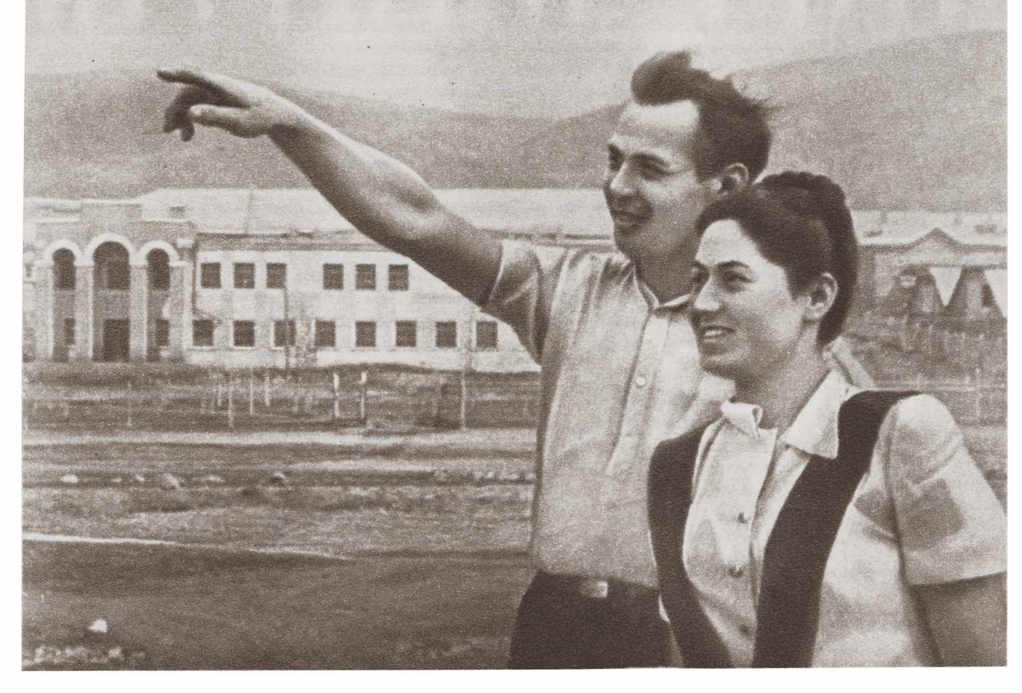
Фото П. Спиридонова

Московский диплом

Галина ШЕРГОВА

Фото А. Гостева

Падал снег. Невидимый в темноте, он возникал мохнатыми шарами вокруг уличных фонарей и дымился в прямых белых щупальцах света автомобильных фар. Снег падал, но в воздухе чувствовался неясный запах капели, и город за каждым поворотом открывался в предвесенней новизне. А впрочем, может быть, это только казалось ему, Николаю. Муся все время поглядывала на него и улыбалась. Вышли на Садовое кольцо. От самых их ног — Муся потащила Николая на середину мостовой — улица уходила вниз катящимися друг на друга бусинами фонарей, и по краям ее мерцал город, перевернутый и отраженный во влажной от талого снега мостовой.

— Вот так город у нас! — Таня Чуракова смотрела, не отрываясь.

— Смотри и запоминай нашу Москву, пожалуйста,— Муся хозяйски показала вниз,— а то в своем Миассе такого не увидишь.

Николай спросил:

— А ты очень рада, что остаешься здесь?

— Ну, конечно. Даже странно... Мне кажется, я бы нигде больше не смогла жить.

У него упало сердце. Но он сказал нарочито весело:

— А, может, поедем со мной на Урал строить завод и город?

Муся замедлила шаг:

— Это предложение? Руку и сердце?

— Да. И плюс к руке и сердцу работа и сколько угодно романтики. Правда, этого,— он показал на фонари и многоэтажные дома,— вероятно, не будет.

Муся засмеялась:

— Мне надо обдумать предложение.

— Даю два часа,— сказал Николай.

Так случилось, что выпускник автотракторного факультета Московского автомеханического института Николай Александрович Старостин с женой Марией Александровной — выпускницей технологического факультета, отказавшейся от назначения на Московский ЗИС,— выехали на Урал, в город Миасс, где рос новый автомобильный завод.

* * *

Машина беспомощно и неуклюже села в снег. Начальник литейного цеха Семин соскочил в сугроб и махнул сидевшим в кузове: «А, ну, идем пешком!» До строительной площадки люди шли по снегу десять километров.

Уже шесть месяцев монтировалось оборудование эвакуированного сюда, в уральский лес, завода. Станки собирали и втаскивали под крышу, а через два дня они уже входили в строй. На трескавшейся от мороза земле, в облаках человеческого дыхания, возились люди, а совсем рядом шевелились и рушились сосны. Это рубили вековые деревья, и делянка носила непривычное для лесных мест название: «Третий литейный цех».

Так в 1942 году рождался уральский автомобильный завод в городе Миассе—УралЗИС.

Об этом им рассказали по дороге. Попутная машина оставила их багаж под горой. И Николай вместе с Колей Шамаш и Левой Мельниковым — товарищами по группе, тоже получившими назначение в Миасс,— пошли на разведку. Им сказали, что временно надо поселиться на горе в бараках. («Начинается!» — подумала Муся.) Какой-то крестьянин на мохнатой уральской лошаденке довез их вещи на гору. Утром все отправились представляться главному инженеру.

Александр Александрович Андерс, главный инженер завода, предвидел заранее, что молодые специалисты непременно захотят работать конструкторами и даже, вероятно, привезут для этого рекомендательные письма. Андерс был еще довольно молод, и все юношеские порывы были ему понятны. Он предполагал также, что прибывшие товарищи имеют книжное представление о рабочем процессе. Ни в одном из этих предположений Андерс не ошибся. Поэтому он сказал:

— Друзья мои, завод новый, и рабочих рук нехватает. Мы можем поставить вас на любой участок, где вам кажется интереснее. Даже на ответственный участок. Если вы хотите идти в конструкторское бюро,— пожалуйста. Но послушайте совета: конструировать без точного знания практической технологии невозможно. Идите в цехи, и на самую черновую работу.

Назавтра Николай уже работал помощником мастера в цехе «Мотор-2». Директор завода Иван Флегонтович Синицын сказал: «Не унывайте, что пока живете в бараке. Условия создадим». И действительно, молодые инженеры скоро получили квартиру в новом доме. Там было три комнаты. В одной поселились Николай с Мусей, в другой — Николай Шамаш и в третьей — Таня Чуракова — тоже инженер из их института. Мусю направили работать инженером-методистом в отдел технического образования, Шамаш и Таня пошли в цехи.

Жили коммуной. И хорошо жили, несмотря на то, что вокруг лежали еще груды кирпича и щебня и дорога к заводу утопала в нескончаемой, вязкой грязи. Чавкая калошами, еле вытягивая ноги, они шли вечерами с завода, и Таня Чуракова, попирая грязь, торжественно говорила: «Здесь будет город заложен...» Но в то, что тут может быть город, настоящий город, поверить было трудно.

А Николай был уже весь во власти завода. В цехе выяснилось, что он действительно мало знает. Однажды, когда на заводе был секретарь горкома партии, начальник цеха сказал: «Зуборезный станок стоит у нас. Но мы его пустим. Вот новый инженер и пустит».

Это было очень трудно — разобрать весь станок, вычистить и снова собрать. Николай двое суток не отходил от станка. Порой ему казалось, что все кончено, что он никогда не сможет стать настоящим инженером. Но это была минутная слабость. Станок он все-таки пустил.

Николай провоевал всю войну и знал радость побед. И когда он вернулся в институт, учиться было трудно, и пятерки были тоже победами. Но счастье этой первой рабочей победы было острее. Значит, он может работать. Значит, надо наступать!

* * *

Однако он сразу же понял, что наладить станок — еще не самое трудное. Гораздо сложнее было налаживать отношения с людьми. Вскоре после пуска станка Старостина перевели на должность начальника пролета, на «зубчатку», и под его руководством оказался большой коллектив. Руководить им было нисколько не легче, чем командовать людьми на фронте. Что греха таить, встретили его недоверчиво: молодой инженер, без опыта, многие рабочие знали станки лучше его.

Николай присматривался к людям. В пролете вместе со взрослыми работали подростки. Мастера покрикивали на них, а подростки, видимо, из протеста, не выполняли указаний. Николай решил менять порядки. Одну недисциплинированную наладчицу поставил к станку, а на ее место выдвинул рядовую работницу. Он и бровью не повел, когда это вызвало возмущение некоторых подружек наладчицы. Зато другие сказали: «Справедливо!»

Главное было в том, что пролет еще не был единым коллективом: каждый интересовался только своей работой. Николай решил: все рабочие должны знать положение во всем пролете и свою роль в выполнении плана. Раньше случалось, что из-за неритмичной работы пролета приходилось устраивать авралы. Николай довел план пролета до каждого рабочего и требовал: «Работайте равномерно, создавайте запас». Его настойчивость стала давать плоды — цех начал работать ровнее.

Но вместе с этим в жизнь молодого начальника пролета вошли совершенно неожиданные обязанности. Подростки, получая заработную плату, тратили ее, как говорили мастера, «стихийно»: в первую же неделю. Приходилось сидеть с ними и составлять «ежедневный бюджетный план», советовать, что купить. Думать о том, что зуборезчику Петьке нужна рубашка, а Виктор в следующую получку должен купить ботинки, стало обычным его делом и очень заботило Николая.

Завоевать уважение мастеров — тоже было дело нелегкое. Старшие инженеры всегда помогали Николаю, мастера и наладчики делились с ним опытом. Но ведь он руководитель, начальник, а практически они были опытнее его. И Николай иногда с тревогой подумывал о том, что мало авторитетен для них.

«Главное,— думал он,— не прослыть белоручкой». Поэтому в трудные моменты Николай снимал пиджак и становился к станку.

Но потом он понял, что это — не главное. Не самому надо стоять у станка. Как-то к нему после смены подошел его однофамилец мастер Старостин:

— Николай Александрович, там брак идет.

Николай спросил:

— А вы выяснили причину?

Тот повел плечом:

— Что ж тут выяснять? Я посмотрел.

Николай пошел к станку, проверил схему и установил: отверстия на деталях смещены. Потом он сказал Старостину:

— Вот причина, но до нее вы должны были доискаться сами, и не по-кустарному: «посмотрел»,— а технически грамотно.

Мастер удивленно взглянул на него и про-

— Вот причина,— сказал Николай Старостину.

молчал. Но после этого мастера внимательнее осматривали станки и стали относиться к начальнику пролета с уважением.

Было радостно, когда мастер Акимов первый раз пришел посоветоваться,— до этого Николай сам обычно просил помощи у мастера. И чем больше забот о людях входило в его жизнь, чем лучше он узнавал свой коллектив, тем больше чувствовал, как крепнут связи между ними, как нужен он этим людям, как неотторжимо врастает он в жизнь завода.

☆ ☆ ☆

Пришло лето. Пришло с походами в горы и рыбалками на озере Тургояк, где сквозь многометровую глубину прозрачной водной тверди были видны рябые камни на дне. Николай уже любил эту уральскую красоту и с удивлением думал, что даже гордится этим: «Вот, как у нас здорово!» Он работал теперь начальником технической части цеха «Мотор-2». Никто не догадывался, как было трудно Николаю руководить технологическим процессом большого цеха. За день у него скапливался длинный список недоуменных вопросов, с которыми он шел к начальнику технического отдела завода или прямо к главному инженеру. Они никогда не отказывали в помощи и часами просиживали над его списком.

И чем больше он узнавал, тем больше появлялось у него мыслей о совершенствовании технологии. И хотелось дольше быть в цехе. Муся даже сердилась. А тут еще начались работы по благоустройству поселка и завода, и кто-то из инженеров предложил всем включиться в это дело. Это было великолепное ощущение — чувствовать, что и завод и город создаются при твоем участии! И на упреки Муси он только посмеивался: «Ничего, старушка, мы себе тут такой город соорудим! Что там твоя Москва...» Муся обижалась: «Это и мой город. Не очень-то задавайся!».

Октябрьские праздники решили отметить вместе. Девушки с утра были заняты приготовлениями. Даже глинтвейн сварили. Николай опаздывал. Он подходил уже к дому, как вдруг остановился, пораженный. По обе стороны главного проспекта, высоко подняв желтые масляничтые огни, шагали вереницы фонарей. Николай крикнул в окно: «А ну, все на улицу!» Ребята вышли и тоже остановились молча. Это было отлично! Рождался город, и его первые фонари показались им величественнее огней Садовой и белесых бус на Ленинских горах.

☆ ☆ ☆

Испортился паровоз. Значит, двенадцать километров по морозу придется идти пешком. Николай вышел на шоссе. Отсюда маленький неуклюжий паровозик, который тащил его поезд, казался таким беспомощным, что Николай засмеялся, прочтя надпись у переезда: «Берегись поезда». Что ж, идти так идти. Обычно он ездил в старый город на машине, а тут понадеялся на поезд и — нате вам, пожалуйста! Но в город попасть было необходимо. Нужно купить Мусе подарки. Пусть не думает, что он не заботливый муж!

По краям шоссе тянулись горы, утыканные по гребню редкими соснами. Он быстро шагал и думал. Как много изменилось за этот неполный год его уральской жизни! Еще недавно для него проблемой было пустить зуборезный станок, а сейчас он помогает вывести весь завод из прорыва. Да, это вышло здорово! Он пришел к Андерсу и уверенно изложил ему суть дела. Да, он говорил абсолютно уверенно. Даже сам не ожидал, что может говорить так с главным инженером. «Александр Александрович, вы знаете, что кузнечно-прессовый цех завода-смежника дает нам бракованные поковки коленчатого вала? Их у нас скопилось несколько сот штук. Считайте — 200 рублей штука. Каков убыток? И план мы не выполняем из-за них. Мы проверили технологию обработки — тут тоже не без греха. Но главная беда в бракованных поковках. Смежник не удовлетворяет наших требований. Нужно вызвать комиссию». Он теперь уже мог анализировать, находить причину брака, и когда приехала комиссия с кузнечно-прессового, Николай изложил свои соображения. А потом Тюкин, начальник цеха «Мотор-2», положил перед комиссией три бракованных поковки и сказал:

— Вот три свидетеля: для нас, для вас и для прокурора. Товарищ Старостин подобрал. Прошу задуматься.

Поковки теперь присылают хорошие. И сейчас, в канун Нового года, завод идет к выполнению плана. Его завод. Николай даже повторил про себя: «Наш завод. Мы добились выполнения плана на нашем заводе. У меня в цехе. Чорт возьми, интересное чувство! Мой завод! Мой план!»

В этот вечер они решили побыть вдвоем. Муся, радостная и счастливая, разливала чай. Наверное, не надо было сейчас говорить о заводе.

Но он не мог не говорить. Просто не мог. И он целый час рассказывал ей о поковках, о поселке, о том, что завод будет выпускать два новых образца машин:

— Представляешь, Муська, газогенераторный, экономичный автомобиль и второй, обтекаемый, с металлической кабиной. Словом, шикарная машина — не хуже московских. К тому времени, когда я всю технологию постигну и пойду в конструкторское, вообрази, что можно будет придумать! Все-таки, ты знаешь, на новом заводе больше возможностей для самостоятельной работы!

Муся смотрела на свое отражение в чайнике, такая смешная она там: лицо круглое, и вместо глаз полоски,— она улыбалась и думала: «Один год они здесь, а Николай уже начальник технической части цеха».

— Ты бы хоть мне соль на раны не сыпал. Каково это мне — технологу — быть в стороне от всех этих дел и заниматься техническими кружками, курсами...

— Это не беда, Муся, это все нужно,— нагнувшись к ней, он сказал почти шопотом: — Все отлично, родная. А у меня для тебя еще подарок есть.

Муся подняла глаза:

— Какой?

— Секрет,— он таинственно щелкнул языком.

Пусть пока не знает, что им дали новую квартиру. Им нужно жить здесь хорошо и всерьез. Он сто раз может повторить то, что сказал на собрании: «Товарищи москвичи, у некоторых еще есть чемоданные настроения. Но я хочу сказать вам: мы строим свой завод и свой город. Это будет замечательный город! И завод — это наше, родное. И его радости и горести — наши радости и горести. Посмотрите, что мы тут делаем, это же грандиозно!..»

☆ ☆ ☆

И снова пришло лето. Оно ворвалось, жужжа на пчелиных крыльях, закачалось белыми плошками цветов рябины, смешало синие и зеленые пятна на горах. Лето вошло через проходную на заводской двор, зацвело липами у корпусов, забило фонтанами, протянуло в цехах от стеклянных потолков до пола желтые полосы света, будто возводя леса из свежего теса.

В воскресенье все пошли в горы. Лезли все выше и выше, навстречу лесу. И вдруг Таня Чуракова оглянулась назад и крикнула:

— Нет, вы только посмотрите!

И все посмотрели.

Под ними лежал поселок. Его квадраты, ослепительно белые, розовые, голубые, а весь он строгий и даже несколько торжественный. Детсад, поликлиника, клуб, стадион, музыкальная школа, водная станция...

— Красиво! — Таня смотрела, не отрываясь.— Вот так город у нас! Подумайте, только в сорок четвертом году пустили завод и вот:

Прошло пять лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

Николай засмеялся:

— Недаром ты из Москвы на неделю раньше из отпуска приехала.

— Ну и что же! Конечно, скучаешь без него. Ведь подумайте: наш город, собственный!

Отсюда было видно: из заводских ворот выезжали новые машины. Они были блестящие и тоже по-летнему зеленые. И сейчас, когда люди смотрели на них сверху, эти машины перестали казаться ежедневной «продукцией», а обрели живой образ. И за ними встали тысячи дорог, и грузовик под дождем, а в кузове на мешках картошки веселые девушки; и машина с кирпичом, серая от степной пыли; и люди на попутной, идущей по ущельям к стройке плотины на горной реке...

И это был их труд, их «графики» и планы, их будни и радости. Это были их зачеты и экзамены. Их московские дипломы.

Лето зацвело липами у заводских корпусов.

Празднование Дня Военно-Морского Флота СССР

В ГОРОДЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Еще накануне бывалые моряки, вглядываясь в вечернее звездное небо, предсказывали: «Завтра будет отличная погода». Они не ошиблись. Утро 24 июля встало над городом-героем, омытое прозрачной голубизной, сверкающее лучами солнца. Нарядный, одетый гирляндами флажков и кумачевыми полотнищами, Севастополь просыпался шумно, встречая традиционный флотский праздник песнями, звуками оркестров.

9 часов. На кораблях, стоящих на рейде, горнисты трубят торжественный подъем флага. Над орудийными башнями и стальными мачтами взвиваются флаги расцвечивания. Моряки, все в белом, выстраиваются на верхней палубе. На Графской пристани собираются представители партийных и советских организаций, адмиралы и генералы, почетные гости.

В 9 часов 30 минут командующий Черноморским флотом адмирал Басистый на своем катере начинает обход кораблей. В ответ на приветствие командующего над рейдом, не смолкая, перекатывается могучее матросское «ура» в честь любимой Родины, в честь великого Сталина. Катер командующего проходит вдоль строя боевых кораблей. Грозно глядят длинные стволы орудий главного калибра краснознаменного линкора «Севастополь», отчетливо вырисовываются строгие изящные контуры крейсера «Молотов», на борту которого два года назад побывал Иосиф Виссарионович Сталин. Дальше — стройные эсминцы, устремленные вперед корпуса подводных лодок, грозные для врага торпедные катера, скромные труженики моря — тральщики.

На кормовых флагах многих кораблей — изображения ордена Красного Знамени и черно-оранжевой гвардейской ленты — свидетельства славных боевых подвигов в дни войны. Утром черноморцы слушали приказ министра Вооруженных Сил СССР маршала Советского Союза Василевского. Каждый матрос, старшина, офицер сегодня вновь и вновь мысленно клянется отдать все свои силы, все воинское умение делу дальнейшего укрепления флота.

Морской парад окончен. Тысячи зрителей на водной станции Черноморского флота приветствуют участников звездного шлюпочного перехода Досфлота. Подходят к финишу шлюпки из Николаева, Одессы, Новороссийска, Керчи. Воспитанник Новочеркасского суворовского училища Витя Хвостов, приехавший в Севастополь на каникулы, представляется адмиралу Басистому и подносит ему букет цветов. Командующий флотом тепло приветствует юного представителя армии. Начинается соревнование лучших пловцов города. Легководолазы Николаев, Хабаров, Сорокалетов демонстрируют свое искусство нырять на глубину.

Вслед за сигналами ракет по рейду проносятся катера-знаменосцы. За ними на буксирах стремительно мчатся спортсмены на аквапланах.

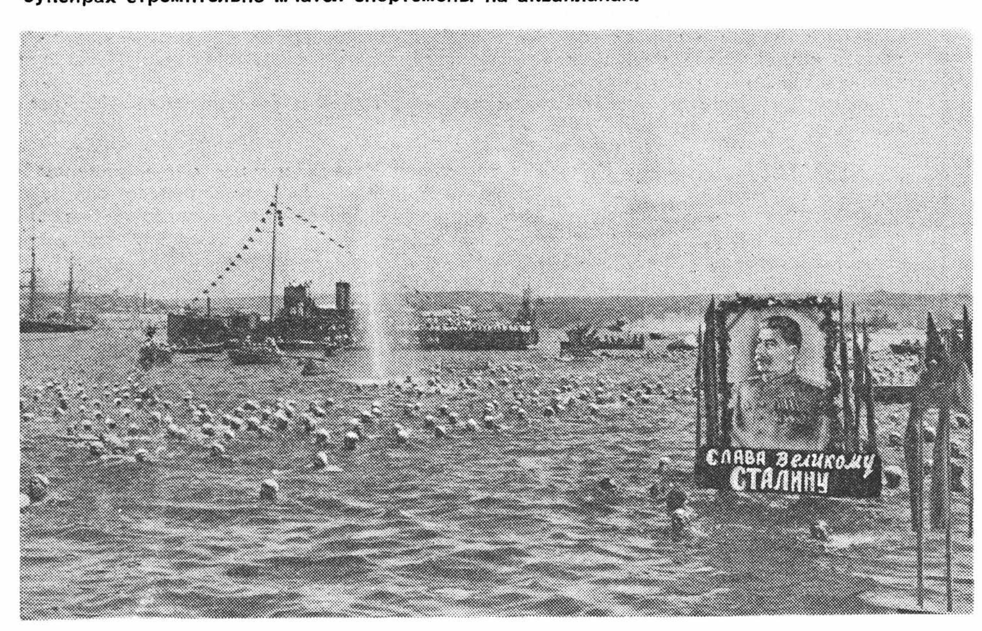

Фото А. Устинова

Дан старт массовому звездному заплыву. С бортов кораблей прыгают в воду около шести тысяч моряков. Они быстро плывут к водной станции, держа высоко над водой большие портреты товарища И. В. Сталина, руководителей партии и правительства, транспаранты с приветственными лозунгами.

В течение всего дня продолжались водноспортивные выступления, эстафета пловцов, гонки шлюпок. Вечером состоялись концерты коллективов матросской самодеятельности и артистов, прибывших из Москвы и Симферополя.

Рейд озарился огнями иллюминаций, в темное небо взлетели огни праздничного салюта. До поздней ночи веселились моряки-севастопольцы, трудящиеся города, гости.

В МОСКВЕ

День Военно-Морского Флота в столице был отмечен торжественным заседанием Московского Совета совместно с представителями партийных, общественных организаций и воинов Вооруженных Сил в Зеленом театре Парка культуры и отдыха имени Горького. Большой водноспортивный праздник состоялся на Москве-реке у гранитных трибун парка. Досфлотовцы столицы завершили в этот день шлюпочный переход по Москве-реке, Оке, Волге и каналу имени Москвы, продолжавшийся 29 дней.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Тысячи ленинградцев любовались кораблями Балтики, вошедшими в Неву для традиционного морского парада.

После окончания парада в Центральном парке культуры и отдыха имени С. М. Кирова были проведены спортивные состязания моряков. На Масляном лугу состоялось общегородское собрание, посвященное Дню Военно-Морского Флота.

Массовые гулянья прошли во всех парках города-героя.

У БЕРЕГОВ ТИХОГО ОКЕАНА

Накануне, как только начало темнеть, над бухтой Золотой Рог, над Владивостоком поднялся освещенный аэростат с военно-морским флагом СССР. Хор тихоокеанского флота, состоящий из двух тысяч человек, исполнил Гимн Советского Союза и песню о «Варяге». Выступление хора транслировалось по радио по всему Приморскому краю. На следующий день в Амурском заливе состоялся морской парад и затем — большой водноспортивный праздник.

В СОВЕТСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ

Жители Мурманска с восхищением наблюдали величественное зрелище морского парада в Кольском заливе. На судах, рыбных промыслах и предприятиях города состоялись торжественные собрания, встречи моряков с рабочими и служащими. В городе состоялось большое народное гулянье. Моряки Заполярья тепло приветствовали своих гостей — московских комсомольцев.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ П. А. ПАВЛЕНКО

Литературная общественность столицы отметила 50-летие писателя лауреата Сталинской премии П. А. Павленко. Романист, драматург, киносценарист, Павленко создал произведения, пользующиеся широкой известностью. Его перу принадлежат романы «На востоке» и «Счастье». По его сценариям поставлены фильмы «Александр Невский» и «Клятва», получившие заслуженное признание. Свой юбилей П. А. Павленко встретил новыми творческими успехами. Им написаны сценарий «Падение Берлина», повесть «Степное солнце» и очерки о США, где писатель побывал недавно на Всеамериканском конгрессе в защиту мира.

В Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер П. А. Павленко. Выступившие на этом вечере Н. Тихонов, В. Катаев, А. Тарасенков, Вс. Вишневский и др. говорили о творческом пути писателя-большевика, активно вторгающегося в жизнь. Юбиляр получил много приветствий от партийных и общественных организаций, от писателей Москвы, Ленинграда и братских республик, от читателей.

ВАХТАНГОВЦЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Не первый раз коллектив Театра имени Вахтангова выезжает в индустриальные центры нашей страны. В 1931 году вахтанговцы играли в строящемся тогда Кузнецке. В 1933 году театр гастролировал в Надеждинске, где показал свои спектакли «Егор Булычев и другие» М. Горького и «Разлом» Б. Лавренева. Перед металлургами Надеждинска выступал в своих лучших ролях талантливейший артист нашего времени Борис Васильевич Щукин.

Заслуженные артисты РСФСР М. Некрасова, В. Кольцов, народный артист РСФСР М. Державин беседуют со сменным инженером Магнитогорского комбината имени Сталина Л. Шпарба.

Фото П. Рудакова

В этом году, продолжая традицию показывать лучшие работы в индустриальных центрах, театр в полном составе выехал на гастроли в Магнитогорск.

На вокзале артистов тепло встретили представители городских, партийных и общественных организаций сталинской Магнитки.

Первый спектакль прошел в торжественной обстановке. После вступительного слова художественного руководителя театра народного артиста СССР Р. Симонова была показана пьеса бр. Тур и Л. Шейнина «Кому подчиняется время».

На всех спектаклях присутствовали лучшие стахановцы, знатные производственники, доменщики, сталепрокатчики, обер-мастера, инженеры металлургического комбината.

Артисты выступали с концертами в цехах металлургического комбината имени Сталина. Прошли встречи ведущих мастеров театра с коллективами художественной самодеятельности.

Огромное впечатление произвело на работников театра посещение гиганта советской индустрии — прославленного металлургического комбината имени Сталина.

Артисты познакомились с работой мартеновского, доменного и сталепрокатного цехов.

После гастролей в Магнитогорске театр выехал в Челябинск. Здесь он показывал свои постановки в городском летнем саду и на крупнейших заводах.

Из Челябинска вахтанговцы выехали к шахтерам Прокопьевска, Кемерова и других городов, где начали гастроли пьесой о славных шахтерах Донбасса «Макар Дубрава» А. Корнейчука.

За время поездки по Южному Уралу и Кузбассу Театр Вахтангова даст 107 спектаклей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил ордена и медали большой группе животноводов Московской области.

На снимке: сидят (слева направо) Герои Социалистического Труда Е. В. Погодин — зоотехник колхоза имени 12-й годовщины Октября, Ухтомского района; Е. В. Алексеева — зоотехник; В. М. Юскин — заведующий фермой и А. М. Житков — председатель колхоза имени Тельмана, Раменского района.

Фото Дм. Бальтерманца

ГОРОД В ЗЕЛЕНОМ КОЛЬЦЕ

Саратов — один из крупнейших городов на Волге — лежит в котловине, окруженный горами Соколовой, Алтынкой, Лысой. Суховеи, нередко гуляющие по приволжским полям, налетают и на город. Давно уже жители Саратова подумывали о том, как окружить город зеленым лесным кольцом, создать заслон от ветров.

Толчком к претворению этой идеи в жизнь послужило историческое постановление партии и правительства о преобразовании природы. Грандиозный план борьбы с засухой предусматривает создание государственной защитной лесной полосы от Саратова до Астрахани по обоим берегам Волги шириной по 100 метров и протяженностью в 900 километров. Руководители города задумались: откуда начинать полосу? Если от южной окраины Саратова, то город останется в стороне. А ведь можно начать ее по правому берегу Волги от северной окраины, и тогда город будет окружен лесным массивом стометровой ширины. Одна из гор не случайно названа Лысой: на ее склонах, к которым подходят саратовские улицы, нет ни деревца, ни кустика. Нельзя ли озеленить эти склоны и таким образом расширить лесное кольцо государственной полосы? Министерство лесного хозяйства СССР согласилось с этим предложением.

Трассу будущей лесной полосы наметили по верхнему водоразделу гор, опоясывающих город. Здесь защитная полоса растянется на 35 километров и займет 350 гектаров.

Под руководством партийной организации и городского совета трудящиеся Саратова добровольно взялись за дело. Каждый район города получил свой участок, каждое предприятие, учреждение — свою делянку.

Прежде чем приступить к посадке, надо было предварительно сделать на склонах горы террасы — вскопать 165 тысяч кубических метров земли. Горожане отдали этой работе часть своего досуга. Активно помогают коллективы Саратовского университета, сельскохозяйственного и дорожного институтов. Научные работники и студенты старших курсов стали прорабами на участках. Техническое руководство было поручено доценту Н. Г. Годунову.

Благодаря соревнованию, разгоревшемуся между трудящимися городских районов, работы по созданию террас закончены досрочно.

Для посадок выращено около 3 миллионов саженцев дуба, клена, березы, ясеня, смородины, акации, сирени.

На участке трассы государственной защитной лесной полосы Саратов — Астрахань сейчас работает отряд Красноармейской лесозащитной станции. Осенью, когда начнутся посадки леса, к ним на помощь придут тысячи жителей Саратова.

Пройдет немного лет, и склоны приволжских гор, окружающих Саратов, покроются зеленью.

Л. МАКСИМОВ

2392 вопроса румынских крес

★ ★ ★

Из дневника крестьянина Николае Мурешану, депутата Великого Национального Собрания Румынии

★ ★ ★

Николае Мурешану.

Николае Мурешану из уезда Сомеж родился в 1912 году в семье крестьянина-середняка. Сейчас Николае Мурешану живет в деревне Еску, где у него есть небольшой надел земли. В 1948 году он был избран депутатом Великого Национального Собрания Румынии от крестьян уезда Сомеж.

Во время пребывания в СССР Н. Мурешану вел дневник. Несколько записей из этого дневника редакция печатает с согласия Н. Мурешану.

16 июня 1949 года, село Еску. Итак я еду в СССР в гости к советским колхозникам. Меня избрали в состав делегации на собраниях крестьян в Еску и других селах уезда. Избрали и поздравили. Потом сказали: «Запиши наши вопросы».

Я записал больше двухсот вопросов к советским колхозникам. Сначала не придал особого значения этому огромному количеству вопросов. Но потом, когда я узнал, что сто пятьдесят членов нашей делегации записали в общей сложности 2392 вопроса, я понял, в чем дело. Наши крестьяне серьезно задумываются над тем, по какому пути они пойдут. Они хотят знать все, абсолютно все о жизни, быте, работе советских колхозников. Они хотят научиться у них правильно жить. Вот некоторые из этих вопросов: Как в колхозе обрабатывается земля? Как оплачивается труд колхозника? Есть ли у него право на свой дом, свой огород, свой скот? Что он ест? Как одевается? Довольны ли колхозники своим колхозом? Нет ли таких, которые хотели бы выйти из колхоза и жить отдельно? Действительно ли колхозники живут в своих домах, или при вступлении в колхоз их помещают в казармы и они едят из одного котла? Каков урожай в колхозе (записать по всем культурам)? Какие у колхозника обязанности?

Несколько вопросов к советским колхозникам есть и у меня лично. Сегодня выезжаю в Бухарест, а завтра в Москву!

20 июня 1949 года. Приехали в Москву. На вокзале нас очень радушно встретили представители советского министерства сельского хозяйства. Наш министр, руководитель делегации, Василе Вайду выступил по радио. Он сказал, что мы счастливы ступить на землю Москвы, дорогую всем миролюбивым народам.

Вечером мы были на приеме в министерстве сельского хозяйства. Руководители этого министерства спросили, что мы хотим увидеть. Мы сказали, что у нас есть 2392 вопроса, но мы не думаем, что у служащих министерства найдется время ответить на них, и поэтому выбрали из них 30 главных. И подали их. Но заместитель министра академик Лобанов сказал, что найдется время ответить на все вопросы...

— Вы сможете увидеть своими глазами все, что Вас будет интересовать, — сказал он.

С первого же дня пребывания в Москве мы повсюду встречаем гостеприимное отношение со стороны населения и большое внимание со стороны советских властей, окруживших нас заботой и удобствами.

Наша делегация разбилась на четыре группы, которые поедут в разные области Советской страны. Я еду на Украину.

28 июня 1949 года. Приехали в колхоз «Жовтень», Корсунь-Шевченковского района. Это уже Украина. В селе Кошманском старики по старинному обычаю вышли нас встречать с хлебом-солью.

— Вот наши поля, вот наши дома, — сказали они. — Вы можете увидеть, как мы живем и работаем.

Они подробно рассказали нам историю колхоза и познакомили с положением его дел в настоящее время. Обходя владения колхоза, мы повсюду видели изобилие и богатство. Плодовые сады, которыми я интересовался больше всего, — в образцовом порядке.

Руководитель колхоза сказал нам, а потом мы убедились в этом воочию, что 96 процентов всех колхозных земель обрабатываются машинами. 96 процентов! Мы об этом можем пока только мечтать...

Сельскохозяйственная артель имени Ленина (Шполянский район, Киевской области). Колхозник Д. Д. Безуглый встречает гостей хлебом-солью.

тьян советским колхозникам

На поле и в селе было очень много машин. А потом мы увидели электротрактор. Я невольно вспомнил наши поля, наши деревянные плуги, тощих лошадок. Мы попросили показать работу электротрактора. Шофер включил мотор — и трактор пошел. Когда мне сказали, что он пашет на глубину 35 сантиметров, я не поверил. У нас редко кто пашет на глубину 7 сантиметров. Я сам измерил глубину вспашки. 35 сантиметров! Я это видел собственными глазами...

Я спросил у того старика, что нас встретил хлебом-солью, правда ли, что колхозник может строить себе дом и что колхоз ему в этом помогает. Он сказал, что немцы сожгли в их селе много домов и вывезли машины. А сейчас все восстановлено. Он показал мне на хутор, где действительно стояли новенькие дома, их помогло выстроить государство. Я спросил, чем помогло государство. Он ответил:

— Деньгами, материалами, транспортом.

Пятнадцать человек в этом колхозе награждены орденами. Вот как в Советской стране ценится труд крестьянина!

29 июня 1949 года. Приехали в другой колхоз, имени Жданова. Трудно приходится нашим переводчикам! Они не успевают переводить колхозникам все вопросы. Кто-то из наших спрашивает крестьянина, есть ли у него скот. Колхозник отвечает, что есть и правление колхоза заботится даже о том, чтобы его личная корова имела фураж. Хотя конюшня, которую мы видели, совсем не плохая, в колхозе строят новую. Я спросил: для чего? Мне ответили, что лошадей сейчас 127, а в будущем году их будет 160... В этом колхозе 180 свиней и 227 коров.

Зашли в первый же попавшийся нам по пути дом. Хозяин этого дома — колхозник лет сорока. У него трое детей, все учатся. Я спросил: «Какой у Вас есть свой скот?» Он ответил: «Дойная корова с теленком, две свиньи. Есть еще тридцать птиц и пять ульев».

Запасы сала у него остались еще с прошлого года. Я спросил: а есть ли где-нибудь колхозники, не в их селе, а может быть, в другом, которые живут в казармах и едят из одного котла? Он засмеялся. И жена его засмеялась. И дети, переспросив переводчика и поняв, в чем дело, тоже засмеялись. Я думал, он скажет просто: «Нет», — а он засмеялся. И я тоже начал смеяться.

Делегация крестьян Румынской народной республики осматривает машины Шполянской МТС.

1 июля 1949 года. Сегодня первый раз в жизни увидел комбайн. В Румынии, к сожалению, пока нет комбайнов. Машина произвела на всю делегацию большое впечатление.

...Этот колхоз был разорен немцами. Они причинили ему огромные убытки, но сейчас все хозяйство восстановлено и годовой доход колхоза, как и до войны, достигает почти двух миллионов.

Здесь мы интересовались урожаем. В Сомеже меня об этом просило много крестьян. Оказывается, урожай зерновых достигает в колхозе тридцати — тридцати пяти центнеров с гектара. Я с болью подумал, что у нас в Румынии урожай в 3—4 раза меньше. И здесь мы осматривали хозяйство. Снова — фермы, богатые, чистые, просторные.

Я познакомился с колхозницей Дусей Олейник.

— Какой у Вас годовой заработок? — спросил я у нее.

Она мне рассказала, что за прошлый год имела 442 трудодня и получила 2211 килограммов пшеницы, 642 килограмма сахара и 11 300 рублей. Потом я говорил с Валентином Гуменюк. В прошлом году он выработал 600 трудодней. Я подумал, что мне надо было бы работать несколько лет, чтобы получить его годовой заработок. Вот что такое колхозный строй. Я, кажется, всей душой начинаю понимать его преимущества...

2 июля 1949 года. В этом колхозе мы остались ночевать. Утром я записал такие цифры: из колхозников вышли 4 инженера, 2 генерала, 68 учителей, 8 медиков, 36 зоотехников и 42 агронома. Все они из крестьян, из семей колхозников.

После обеда я разговаривал с Дмитрием Казаченко. Зашел к нему в дом, как мог зайти к любому другому, — нас все приглашали. Но я пошел к Казаченко. Ему 52 года. У него трое сыновей. Все женаты. До революции он был батраком у помещика. В 1929 году вступил в колхоз, сейчас он конюх. В прошлом году у Казаченко было 580 трудодней. Хозяйство у него хорошее — дом в три комнаты, есть электричество, радио. Много обуви и одежды. Казаченко оказался очень гостеприимным человеком. Сели за стол. Казаченко говорил, что на заработанные деньги он в прошлом году купил для младшего сына дом. Я спросил, не хочет ли он выйти из колхоза — такой вопрос у меня был записан. Казаченко ответил так:

— Я в колхозе уже 20 лет. Имею все, что мне нужно, — дом у меня красивый, жизнь сытая, есть все вещи, какие надо. И думаю, что я живу лучше, чем самый богатый крестьянин-единоличник, сколько бы гектаров он ни имел.

Казаченко повел меня на чердак, а потом в подвал своего дома. Он показал свои запасы. По-моему, у него килограммов четыреста пшеницы и килограммов триста кукурузы... Когда я прощался с ним, то подумал, что у нас ни один крестьянин не живет так богато, как этот скромный конюх.

22 июля 1949 года. Мы снова в Москве. Сюда вернулись все наши группы. Они видели так же много, как и я, так же, как и я, они взволнованы всем виденным. Мы покидаем СССР, обогащенные опытом строительства новой, счастливой жизни...

СОДРУЖЕСТВО МАЛЯРА И ИНЖЕНЕРА

Последним на стройку приходит маляр. Он сменяет и штукатура и плотника. Он видит и оценивает плоды их труда. Ему приходится исправлять погрешности в их работе, если полы плохо сплочены и простроганы, если небрежно затерты стены.

Как же в этих условиях бороться за отличное качество работы, как быть последователем Александра Чуткиха?

Такие мысли волновали куйбышевского маляра Василия Скитёва.

И вот однажды, когда Скитёв трудился, устраняя дефекты бракоделов, он всердцах воскликнул, обращаясь к инженеру Петру Тутову:

— Дать бы маляру право не принимать такой работы! Пусть штукатуры сдают свою работу мне, маляру. Ни в жизнь такого брака не принял бы — пусть переделывают.

Инженер поддержал маляра:

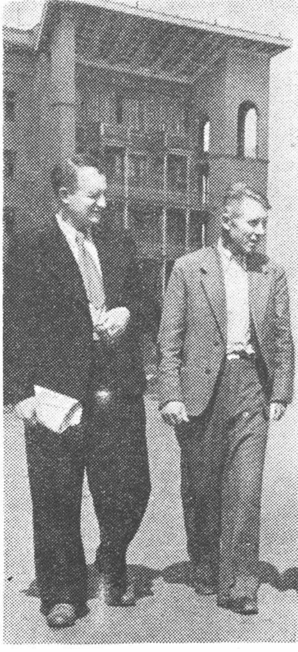
— А штукатуры должны принимать работу от каменщиков.

Так родилась мысль о взаимном контроле. В основу его положено твердое правило: бригада одной профессии сдает выполненную работу бригаде другой профессии. Появился метод Василия Скитёва и Петра Тутова — маляра и инженера. Вскоре метод этот распространился на стройках Куйбышева.

Он был введен прежде всего на строительстве, где работает Василий Скитёв. Качество работы сразу повысилось. Началось с того, что знатный маляр не принял штукатурных работ в одной из квартир. По его требованию и штукатуры и плотники устранили дефекты. Ничего не поделаешь, пришлось согласиться: маляр был прав.

Урок пошел на пользу. В следующем доме работы были выполнены добротно, тщательно, красиво.

Весть о патриотическом почине Василия Скитёва дошла до Москвы. В. Скитёва и П. Тутова вызвали в ВЦСПС для доклада.

Маляр В. Скитёв (справа) и инженер П. Тутов в Москве.

Секретариат ВЦСПС одобрил инициативу Василия Скитёва и предложил профсоюзным организациям широко распространить новый метод.

В столице Василий Скитёв и Петр Тутов побывали на передовых стройках, встретились со знатными москвичами-каменщиками Федосом Шавлюгиным и Николаем Ольшановым. Новаторы обменялись опытом своей работы, ознакомились со строительством жилых домов в Москве.

Я. МИЛЕЦКИЙ

ВЫПУСК ВОСТОКОВЕДОВ

Выпускник восточного факультета Абдумалик Раззаков защищает дипломную работу.

Фото В. Косовского

В Среднеазиатском университете в Ташкенте состоялся первый выпуск востоковедов.

Восточный факультет университета, созданный пять лет назад, имеет три филологических отделения: ирано-афганское, северо-индийское, восточно-туркестанское — и историческое отделение.

Большинство студентов факультета — коренные жители среднеазиатских республик: узбеки, казахи, киргизы, таджики, уйгуры... Каждый студент, кроме общеобразовательных предметов, изучает два восточных языка, историю народов и историю культуры стран Востока.

В университетской библиотеке собрана вся известная литература по востоковедению, а также более тысячи древних рукописей.

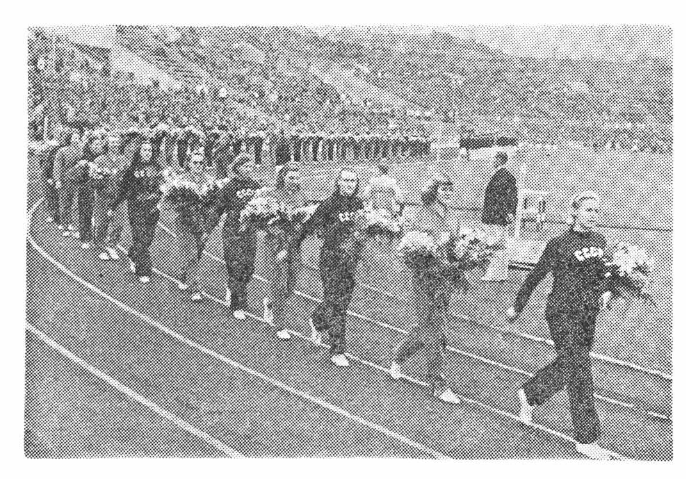
Все кафедры восточного факультета ведут научную работу. К печати подготовлен сборник научных трудов коллектива факультета. В него включены исследования, посвященные эпохе Навои, дипломатической деятельности Грибоедова в Персии, восстанию Исхак-хана в Афганском Туркестане, проблемам современной Индии и т. д.

В первом выпуске восточного факультета 40 молодых специалистов. 36 студентов защитили дипломные работы с оценкой «хорошо» и «отлично». 8 человек получили дипломы с отличием.

Молодые востоковеды-выпускники будут работать в Институте восточных рукописей Академии наук УзССР. Несколько отличников учебы направляются в аспирантуру институтов Академии наук СССР в Москву и Ленинград.

СОРЕВНОВАНИЯ СПОРТСМЕНОВ СССР И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Парад участников легкоатлетического матча.
Фото Э. Гутгарца

Легкоатлетический матч между сборными командами Чехословакии и СССР прошел с большим спортивным интересом. В нем приняли участие сильнейшие спортсмены обеих стран.

Имена Вацлава Чевоны и Эмиля Затопека известны далеко за пределами Чехословакии. Первый из них неоднократно выступал на международных соревнованиях в беге на средние дистанции и почти всегда оказывался победителем, а второй прославился своим бегом на длинные дистанции и, в частности, на 5 и 10 километров.

Естественно, что внимание москвичей, собравшихся на стадионе «Динамо», было привлечено именно к этим атлетам.

Однако уже стометровые забеги внесли большое оживление. Молодая, стремительная Ольга Шицнерова в прекрасном стиле выиграла бег у Е. Сеченовой и З. Духович и принесла первую победу чехословацкой команде.

Она пробежала 100 метров за 12 секунд, повторив, таким образом, национальный рекорд, принадлежащий ей же.

Е. Сеченова отстала на одну десятую долю секунды.

Спустя несколько минут Николай Каракулов взял реванш. после упорной борьбы он у самого финиша обошел М. Горчица (Чехословакия). Щелкнули секундомеры, на которых значилось 10,7 секунды.

Борьба двух команд началась. И пока у Восточных трибун мужчины толкали ядро, а у Западных Нина Думбадзе демонстрировала отточенную технику метания диска, на центральной дорожке завязалось увлекательное соревнование за первенство в беге на средние дистанции. Первое из них — на 800 метров — сложилось необычно: ведущий большую часть пути Александр Пугачевский на последней прямой был сравнительно легко обойден способным спортсменом П. Чевгуном (СССР), а также В. Винтером (Чехословакия).

Результат победителя — 1 минута 53,6 секунды.

Наконец диктор объявил о беге на 1500 метров, в котором участвует В. Чевона.

Раздался выстрел стартера — и четыре спортсмена начали соревнование. Во главе группы стал М. Сидоренко, за ним в непосредственной близости шли М. Швайгр (Чехословакия), Э. Веетыусме (СССР) и, наконец, В. Чевона. Вскоре он вышел вперед и возглавил соревнование. В метре от него бежал Э. Веетыусме. Остальные отстали.

Теперь уже внимание всего стадиона сосредоточилось на лидерах, которые затеяли между собой упорную и красивую борьбу. Вот Чевона делает попытку увеличить просвет и оторваться от назойливого и опасного преследователя. Много раз на стадионах Европы ему это удавалось. На несколько секунд ему это удается и сейчас, но затем Веетыусме делает энергичный рывок — и вновь положение восстанавливается.

Бегуны пошли последний круг. Зрители любуются красивым, плавным бегом обоих спортсменов. Советский мастер вплотную подходит к Чевоне, вместе с ним бежит на повороте у Восточной трибуны и при выходе на последнюю прямую дорожку обходит чехословацкого рекордсмена. Одобрительные крики переходят в сильный гул. Блестящим финишем Веетыусме кончает дистанцию с новым рекордом СССР — 3 минуты 51,4 секунды. Этот результат на 1,6 секунды лучше старого рекорда, принадлежавшего А. Пугачевскому.

Стадион шумными аплодисментами приветствовал победителя. В. Чевона отстал от него больше чем на полторы секунды.

В этот же день Е. Буланчик (СССР) хорошо прошел 110 метров с барьерами.

Неутомимый Николай Озолин прыгнул с шестом на 4 метра 10 сантиметров, а Я. Фикейз (Чехословакия) показал прекрасный результат в прыжках в длину с разбега — 7 метров 22 сантиметра.

Центральным номером второго дня соревнований был бег на 5 тысяч метров, в котором приняли участие рекордсмен СССР Никифор Попов, рекордсмен Чехословакии и мира Эмиль Затопек и другие стайеры.

Это было увлекательное зрелище. Бегуны шли двенадцать с половиной кругов. Первые три из них вел М. Швайгр (Чехословакия), за ними шли Э. Затопек и Н. Попов. Затем чехословацкие спортсмены поменялись местами. С этого момента Эмиль Затопек на протяжении почти всей дистанции лидировал. Лишь на одиннадцатом круге его смело обошел В. Казанцев. Между бегунами завязалась напряженная борьба, во время которой они несколько раз менялись местами. И только когда до финиша оставалось лишь триста метров, Затопек сделал сильный рывок, обошел Казанцева и начал энергично финишировать.

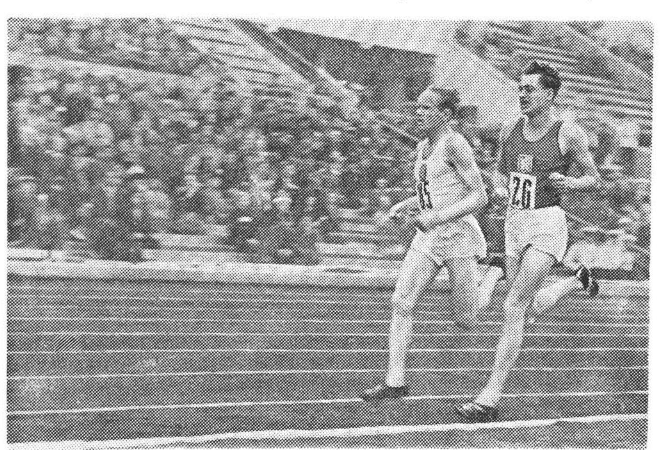
Затопек выиграл соревнование, пробежав дистанцию в пять километров за 14 минут 29 секунд. Вторым был В. Казанцев с результатом 14 минут 30,8 секунды — это новый всесоюзный рекорд. Третьим пришел Никифор Попов, который также побил свой старый рекорд.

Во второй день соревнований новые всесоюзные достижения показали: А. Конаки в метании молота, Т. Лунев в барьерном беге на 400 метров, а также сборная команда СССР в эстафетном беге 4 по 400 метров. Кроме того Наталия Смирницкая установила мировой рекорд в метании копья — 49 метров 59 сантиметров.

Чехословацкие спортсмены установили четыре национальных рекорда.

Легкоатлетический матч закончился убедительной победой советских спортсменов со счетом очков 196 : 119.

Зрители тепло приветствовали участников соревнования.

Э. Веетыусме (слева) обходит В. Чевону.

Мировая рекордсменка Н Думбадзе метнула диск дальше всех.

В. ГОРДИЕНКО — ПОБЕДИТЕЛЬ МАРАФОНСКОГО БЕГА

Около ста тридцати бегунов вышло на старт марафонского бега. Не вышел лишь из-за болезни ноги прошлогодний победитель и рекордсмен страны Феодосий Ванин. Это несколько облегчило задачу ленинградца Гордиенко, который первую половину дистанции бежал в группе с Пиковым, Москаченковым и Вакуровым, а после поворота у деревни Митьково уверенно ушел вперед и лидировал до конца бега. Просвет между ним и остальными марафонцами все время увеличивался.

Наконец, через 2 часа 34 минуты и 49,4 секунды В. Гордиенко под несмолкающие аплодисменты зрителей сильно финишировал на стадионе «Динамо».

Спустя больше чем 3 минуты вторым прибежал туляк Г. Сучков, за ним хабаровец И. Пиков, представитель Литвы А. Виетринас и другие.

В. Гордиенко вручена алая майка чемпиона страны и Золотая медаль первой степени.

Победитель марафонского бега В. Гордиенко.

ПОБЕДА КОМАНДЫ ЦДКА

Вновь, как и в прошлые годы, встреча сильнейших команд страны — «Динамо» и ЦДКА — стала центральным матчем сезона и привлекла на стадион десятки тысяч зрителей.

Но в отличие от прошлых лет героями этого соревнования были молодые спортсмены. Они оказались в рядах армейских футболистов и вместе с опытными мастерами принесли победу ЦДКА.

Опасный момент у ворот «Динамо».

Вездесущий М. Родин, живой защитник А. Крушенок, техничный игрок В. Чайчук и неутомимый Б. Коверзнев придали игре ЦДКА много энергии и свежести. Воспитанные тренером Б. А. Аркадьевым, они показали хорошее мастерство в обращении с мячом и полное понимание тактических приемов, проводимых командой.

Встречу выиграли армейские футболисты со счетом 2 : 1 и теперь вплотную приблизились к лидеру розыгрыша первенства страны — команде «Динамо» (Москва).

КОРОТКО

ПРЕМИИ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ присуждены Советом министров Эстонской ССР большой группе деятелей науки, литературы и искусства республики, работников промышленности, сельского хозяйства, народного просвещения, спорта, изобретателей и рационализаторов. Премии присуждены за выдающиеся достижения в области народного хозяйства и культуры республики в 1948 году.

Первая премия — десять тысяч рублей — присуждена кандидату технических наук Х. Лепиксону за научно-исследовательский труд «Исследование о балансировочных машинах», народному писателю Эстонской ССР А. Якобсону — за драматическую повесть «Два лагеря», архитекторам В. Мейгас, О. Кеппе и Х. Арману — за проекты реконструкции центра города Таллина—и другим.

«СОВЕТСКОЕ ЧЕРНОМОРЬЕ» — новый художественный цветной полнометражный фильм — начала снимать специальная киноэкспедиция. Фильм запечатлеет чудесные природные уголки побережья, его прекрасные здравницы, отразит самоотверженный труд советских людей на предприятиях, в колхозах. Уже произведены съемки в Крыму, Новороссийске, Батуми.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ исполнилось со дня пуска Онежского (б. Александровского) завода. Завод сыграл свою роль в развитии отечественной металлургии и машиностроения. За годы советской власти неузнаваемо изменился весь его облик, выросло техническое оснащение.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК МОЛОДЫХ АРТИСТОВ состоялся в Ташкентском государственном институте театрального искусства имени Островского. Звание артистов драматического театра получили 32 выпускника русского отделения актерского факультета. Молодые артисты направляются на работу в театры Ташкента, Самарканда, Ферганы и других городов.

Петефи побеждает

Анатоль ГИДАШ

1

Сто лет тому назад, 31 июля 1849 года, в последнем сражении венгерской национально-освободительной войны погиб великий поэт-революционер Шандор Петефи. Его похоронили в братской могиле вместе с 1030 солдатами. Исполнилось предсказание, сделанное им за несколько лет до гибели:

...Если сбросят народы неволи ярмо,
И восстанут бороться за счастье свое,
И с горящими лицами бросятся в бой,
И на алых знаменах появится лозунг святой:
«Мировая свобода!»,
И с востока на запад народы тот зов протрубят,
И тираны, услышав тот зов, задрожат, —
Пусть тогда упаду я,
Пусть там гибель найду я,
Пусть кровь молодая из сердца прольется.
. . . .
Он настанет, тот день похорон больших,
Знамена склонятся, марш грянет, успокоив
В одной могиле братской всех героев,
Которые погибли, добывая
Тебя, священная свобода мировая!

Венгерский народ не мог примириться с гибелью своего поэта. Петефи стал символом свободолюбивых устремлений трудящихся. Людям всюду мерещился его образ, и легенды складывались за легендами. Один человек рассказывал, что Петефи скрывался у него после Шегешварской битвы. Другой говорил, что через два года после рокового сражения он встретил Петефи, переодетого в крестьянское платье. Третий утверждал, что Петефи ночевал у него спустя три года после сражения. Четвертый заявлял, что он был вместе с Петефи в австрийской тюрьме Куфштейн. Даже через тридцать лет после гибели поэта возникали слухи о том, что Петефи жив, что он вернется в тот день, когда народ снова выступит в бой за утраченную вольность.

Кто же был этот человек, который завоевал безмерную любовь венгерского народа и при жизни и даже после смерти причинил столько хлопот господствующим классам Венгрии и Австрии?

Он родился 1 января 1823 года. Родители его по происхождению были славяне. Пятнадцатилетним юношей покинул он отчий дом и, гонимый нуждой, пустился странствовать по стране. Он был бродячим актером, солдатом, студентом, мерз, голодал и в странствиях познал трудную жизнь народа, стонавшего под двойным гнетом — венгерских феодалов и австрийского императора.

В 1842 году Петефи удалось напечатать первое свое стихотворение, но жизнь его от этого не изменилась. Он бедствовал попрежнему. В 1844 году, когда его уже подстерегала голодная смерть, он сунул подмышку тетрадь своих стихов и направился пешком в столицу. «Я думал, — писал он позднее, — сумею продать свои стихи — хорошо, а не продам — тоже хорошо... тогда или с голоду помру или замерзну. По крайней мере придет конец моим страданиям».

Стихи его издали. И через полгода имя Петефи уже гремело по всей Венгрии.

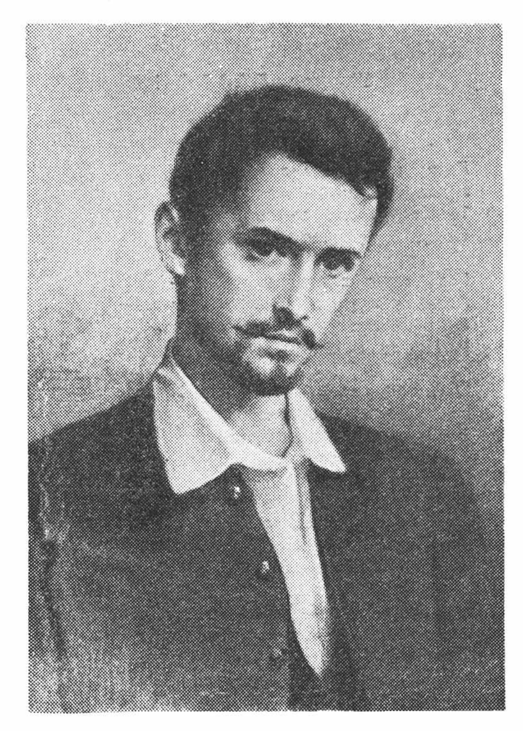
В сороковых годах прошлого столетия в феодальной Венгрии, в пору расцвета дворянской, романтической поэзии, во многом зависимой от чужеродных влияний, вдруг властно ворвался в литературу молодой человек, заговоривший совершенно другим голосом и на другие темы. Вместо предков дворян он воспел своего отца, разорившегося трактирщика, и исхудавшую от непомерного труда мать. Он рассказал о венгерской степи, о пастухах, о товарищах по солдатчине, о бродягах, — во всех его стихах царил народ, его чувства, радости и страдания. Петефи, истинный лирик, смело рассказывал о своей жизни, не боясь при этом впасть в интимность: он знал, что его жизнь, его переживания отражают чувства и переживания народа. В патриотических стихах он тоже отбросил высокопарный стиль дворянской поэзии. Он смело искал истинных народных героев. В 1847 году он писал своему другу поэту Яношу Арань: «Только короля не выбирай героем, даже Матьяша не надо. Он тоже был королем, а знаешь, ведь и один собака, и другой пес». Любовно описывая природу своей страны, он саркастически высмеивал невежественность, прожорливость и тунеядство ее хозяев, венгерских помещиков, и бросил упрек Венгрии, что она плохая хозяйка, потому что

Счастливцы живут в изобильи,
Объелись и все-таки жрут,
А бедные дети отчизны
В то время от голода мрут.

И в мечтах его вставали дни, когда разрушат старый мир и на

...старого руинах
Мир сотворят, что нов и светел.

До Петефи вопрос о независимости Венгрии, об ее отделении от Австрии не ставился в венгерской литературе. Предшественники Петефи и его старшие современники в своих бесплодных грезах о счастье родины в лучшем случае обращались к прошлому, когда, по их представлениям, Венгрия была «могучей и независимой», а в настоящем они мечтали лишь о том, чтобы феодалы и император пошли на неболь-

Шандор ПЕТЕФИ.

Мой Пегас

Он, Пегас мой, не рысак английский,
С тонкой шеей, с длинными ногами,
И не жирный ломовик немецкий,
Что идет медвежьими шагами, —

Мой Пегас — венгерец чистокровный.
Вот какой я прелестью владею!
Солнца луч на шерсти его гладкой
Поскользнется и сломает шею!

Рос мой конь не на заводе конском,
А поймал я моего Пегаса
На степном раздольи Киш-Куншага,
Там родился, там он вольно пасся!

Я седлом спины его не мучу,
Клок кошмы подстелен — и чудесно!
И Пегас безудержно несется,
Ибо брат он молнии небесной!

Он стремится в степи Киш-Куншага,
Потому что там рожден он где-то.
Эх! Лишь только натяну я повод,
Мчится конь, аж свист в ушах от ветра.

Вот деревня. Ну-ка погарцуем
Перед девичьим пчелиным роем!
Попрошу цветок у самой милой
И — хайра! — вперед пора обоим!

Захочу, и за пределы мира
Мы с Пегасом вырвемся мгновенно.
В пене конь мой! Это не усталость:
Это огнедышащая пена.

Никогда Пегас мой не устанет,
Что ни час, то неустанней мчится.
Так и надо мчаться, потому что
Далека мечты моей граница.

Мчись, Пегас, скачи через овраги,
Удержу не зная никакого,
А противник встанет на дороге,—
Растопчи такого и сякого!

Перевел Л. МАРТЫНОВ

Шандор ПЕТЕФИ

* * *

Лишь война была мечтою
Лучшей в моей жизни,
Та война, где за свободу
Сердце кровью брызнет.

Есть одна святая в мире —
Лишь пред ней с любовью
Нам клинками рыть могилы,
Истекать нам кровью.

Имя той святой — свобода!
Все безумцы были,
Те, кто слепо за другое
Жизни положили!

Мир, мир, мир, но не тирана
Прихотью надменной,—
Мир, добытый лишь свободы
Силою священной.

А когда на свете будет
Мир всеобщий, дружный,
Вот тогда на дно морское
Мы швырнем оружье!

Но до той поры, оружье,
Нам до смерти биться,
Хоть до страшного суда пусть
Та война продлится!

Перевел Николай ТИХОНОВ

Огонь

Не хочу я гнить, как ива,
На болотных кочках где-то,
А хочу сгореть от молний,
Словно дуб в разгаре лета.

Я огня хочу. Водою
Пусть лягушки насладятся
Да плохие виршеплеты,
Что для кваканья родятся.

Ты, огонь, моя стихия!
Мерзнуть мне пришлось немало,
Часто я страдал от стужи,
Но душа всегда пылала.

Девушка, ответь мне страстью
На порывы страсти жгучей!
Если ж холода напустишь,
Уходи отсюда лучше!

Эй, корчмарь, вина! Но если
Ты водой его разбавил,
Радуйся, что брошу чашу
На пол, а не в лоб твой, дьявол!

Пламя хмеля, пламя страсти —
Только так вот жить и можно.
И — еще забыл одно я! —
Жить без песен невозможно!

Пойте песню огневую!
Пусть он голоса лишится,
Тот певец, который пламя
Влить нам в души не стремится!

Не хочу я гнить, как ива,
На болотных кочках где-то,
А хочу сгореть от молний,
Словно дуб в разгаре лета.

Перевел Л. МАРТЫНОВ

шие уступки. Петефи же, как истинный патриот, могучим голосом провозгласил требование свободы и независимости своей родины.

Но он превосходно понимал, что без коренного переустройства страны невозможно и завоевание ее политической независимости. Прежде всего необходимо освободить крестьян от крепостного рабства, и он грозно предупреждал об этом аристократов:

Вы Дьердя Дожа[1] помните судьбу?
Его сожгли на раскаленном троне,
Но дух живет. Огонь огня не тронет!
И берегитесь пламень тот тревожить,—
Он всех вас может уничтожить!

(1847 год).

Петефи, самый последовательный демократ венгерской революции 1848—1849 годов, воплотил в своем творчестве мечты, свободолюбивые чаяния и боевую решимость угнетенного народа.

В первые недели революции 1848 года во всех городах Венгрии были расклеены портреты Шандора Петефи, ночью их освещали факелами. Но как только восторжествовала компромиссная политика венгерского дворянства, уже через три месяца после знаменательного дня 15 марта 1848 года Петефи в результате происков реакции чуть не убили в его родном городе, где он баллотировался в депутаты Национального собрания. Венгерские реакционеры поняли, кто их главный и самый опасный враг, кто истинный представитель и вождь венгерского революционного народа.

2

Борьба реакционеров против Петефи началась сразу же после выхода первой его книги стихов в 1844 году, и не прекращалась она целое столетие.

«Мы переживаем теперь самую несчастную эпоху венгерской литературы, — поэтом у нас может стать любой бесталанный проходимец» — этими словами встретила Петефи реакционная критика в 1844 году. Так началась травля, равной которой венгерская литература не знала. Петефи именовали «бродягой», которого «надо уже разоблачить, наконец...», «поэтом подонков общества» и т. д., и т. п.

«Грубость... тупость... издевательство над венгерским языком... кощунство...» — таковы самые мягкие выражения, которыми честили Петефи его враги-реакционеры. Они сразу ощутили в его стихах то, что он позднее точно сформулировал в одном своем письме: «Если народ будет господствовать в поэзии, он приблизится и к господству в политике».

Реакция злобно пыталась учить «уму-разуму» Петефи и его приверженцев.

«Именно партийность мешает воплощать поэту свои чувства в прекрасной гармонии... Партийность ослепляет, делает человека пристрастным, односторонним. Литература, зараженная духом партийности, не способна развиваться...» — писал о Петефи один из его врагов, как выяснилось впоследствии, агент императорской камарильи. Этот прохвост умалчивал, конечно, о том, что сам он вовсе не возражает против дворянской «партийности», что поэзия Петефи неприемлема для господствующих классов именно благодаря ее революционно-демократическому духу. Смело, бесстрашно наступал Петефи на своих критиков-злопыхателей:

Что вы лаетесь, собаки?
Не боюсь! Умерьте злость!
В глотку вам, чтоб подавились,
Суну крепкую я кость.

Своих же соратников по борьбе он гордо призывал:

Ведите ж их, поэты, в бой,
Навстречу пламени и грому!
Будь проклят, кто, презрев народ,
Изменит знамени святому!

В то время как из лагеря палачей венгерского народа и соглашателей раздавалась брань по адресу Петефи, народ Венгрии относился к нему с таким восторгом и преклонением, каких до него не знал ни один венгерский поэт. Где бы он ни появлялся, молодежь встречала его факельными шествиями. «...Петефи был окружен гораздо большим ореолом, чем любой человек самого высокого происхождения,— писал в 1869 году один из современников, Янош Вайда, крупный венгерский поэт XIX века. — Если кто-нибудь рассказывал, что он там или здесь встретился с Петефи, говорил с ним... тогда все глаза обращались на счастливца, будто надеясь увидать на его лице отражение солнца его славы».

Популярность Петефи была столь велика, что просто выбросить его поэзию за борт было невозможно. Поэтому предавшие венгерскую революцию и пошедшие на соглашение с австрийским императором поставили себе целью фальсифицировать его творчество. На путь «согласования» наследства Петефи с интересами господствующих классов вступил в шестидесятых годах известный критик Пал Дьюлаи. Он разделил творчество поэта на две части; одну принял, другую опорочил: его песни, жанровые и лирические стихи прекрасны, все же остальные произведения (те, в которых с особой силой проявились освободительные стремления венгерского народа) «туманны и наивны». «Он не сумел найти в венгерской истории более достойного героя, чем Дьердь Дожа,— писал тот же Дьюлаи.— Пренебрегая его политическими стихами, я хочу говорить только о его лирических произведениях, которые составили главную силу его поэзии». Так был дан рецепт, как извращать облик поэта-революционера.

В защиту Петефи выступил Янош Вайда. Еще в 1860 году он писал в ответ Дьюлаи: «Литература захлебнулась у нас в школярском педантизме... Смерть Петефи — это несомненно величайшая утрата, какую только понесла венгерская литература, да и не только литература, но и революционная борьба». «Мартовская годовщина — это праздник Петефи. В будущей жизни нашей нации, прекраснейшей будет та эпоха, в которой он снова станет идеалом нашей молодежи»,— заявил Янош Вайда в 1895 году.

Русская революция 1905 года пробудила силы венгерского рабочего класса. По всей стране прокатилась волна стачек и забастовок. Революционер Петефи снова встал в боевой строй. По мере нарастания политической борьбы разгорелось сражение и в литературе. Реакционеры снова возобновили свои атаки против Петефи.

В 1910 году эстет и космополит, буржуазный декадентский поэт Михай Бабич решил произвести еще одну ревизию творчества Петефи. Нападками на Петефи этот буржуазный мракобес пытался нанести удар и по новой венгерской революционно-демократической литературе. «Мы должны разбить иллюзии тех,— писал Бабич, — кто усматривает в Петефи предшественника современных революционных поэтов».

В 1911 году крупнейший венгерский поэт XX века Эндре Ади выступил с ответной статьей «Петефи не примиряется». Разоблачая буржуазно-шовинистическую легенду

[1] Дьердь Дожа — вождь крестьянского восстания 1514 года.

о Петефи, Ади писал: «Мертвые и живые, прожорливые ничтожества, писавшие до сих пор о Петефи — стыдитесь! По-настоящему вы его не любили никогда! Петефи жил ради нашей эпохи, ради нашего поколения... Шандор Петефи, этот народный поэт... видел ясней и лучше всех... Мы постараемся защитить его и от его жалких друзей... Нам нужна не романтическая свобода, а та свобода, о которой мечтал Петефи. Кто же здесь, кроме Петефи, был подлинным революционером? Венгерские господствующие классы обращались с Петефи бессовестно... Они старались притянуть его к себе, исказить, использовать в своих мелких интересах... Но Петефи не примирялся, Петефи не примиряется, Петефи принадлежит Революции!..»

Это отлично понимали все враги демократии. И не приходится уже удивляться, что во времена Хорти бросали в тюрьмы актеров, читавших революционные стихи великого поэта.

А венгерский рабочий класс начертал на своем стяге имя Петефи. С начала XX века почти в каждую годовщину революции 1848 года десятки тысяч трудящихся устремлялись к памятнику Петефи. Эти демонстрации не раз кончались кровавым столкновением с полицией. Даже при Хорти, во время второй мировой войны, несмотря на запрет фашистских властей и сопротивление правых социал-демократов, рабочие пошли 15 марта 1942 года к памятнику Петефи с криками: «Долой Гитлера!», «Долой войну!» Сотни рабочих были арестованы после этой демонстрации.

Советская Армия освободила Венгрию от ига фашизма. Сметая со своего пути врагов демократии, венгерский народ строит новую, социалистическую Венгрию. Но старое не уходит без борьбы, оно яростно обороняется. Борьба идет и в области культуры. Враги народного, реалистического искусства, сторонники различных гнилых течений, культивируемых в империалистических странах, открыто и в завуалированной форме стараются помешать развитию новой, демократической культуры. Они пытаются восставать и против великих традиций Петефи.

Петефи был поэтом-агитатором, народным трибуном, он гордо отвечал жалким эстетам своего времени:

И я бы мог стихотворенья,
Позолотив, посеребрив,
Рядить в цветное оперенье
Красивых слов и звонких рифм.

Нет! Стих мой не субтильный франтик,
И вовсе не стремится он,
Душист, кудряв, в перчатках бальных,
Ища забав, вбежать в салон.
. . . .

И я участвую в сраженьи.
Я — командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них что ни рифма
И что ни слово, то — солдат!

Эти строки написаны поэтом, лучше, прекраснее которого еще никто не творил на венгерском языке, поэтом, стихи которого звали и зовут людей на борьбу.

Идеи Петефи победили.

— Народная демократия, — сказал Матиас Ракоши в столетнюю годовщину революции 1848 года,— не только наследник, но продолжатель и завершитель всего того, что поставили своей целью герои 1848 года Кошут, Петефи, Танчич... На нашу долю выпала историческая задача осуществить и усовершенствовать все то, ради чего боролись герои 1848 года во главе с Кошутом, Петефи и Танчичем.

Новая венгерская литература стремится идти по стопам революционного демократа Петефи, по стопам социалистической литературы Советского Союза.

Шандор **ПЕТЕФИ**

1848

Тысяча восемьсот сорок восемь...
Новой звезды в небесах явленье.
Льются лучи ее; вновь удалось им
Вызвать румянец и оживленье

На лике больном твоем, Вольность святая,
О новый спаситель рода людского!
Люди восстанут, тебя защищая.
И не страшись — не распнут тебя снова!

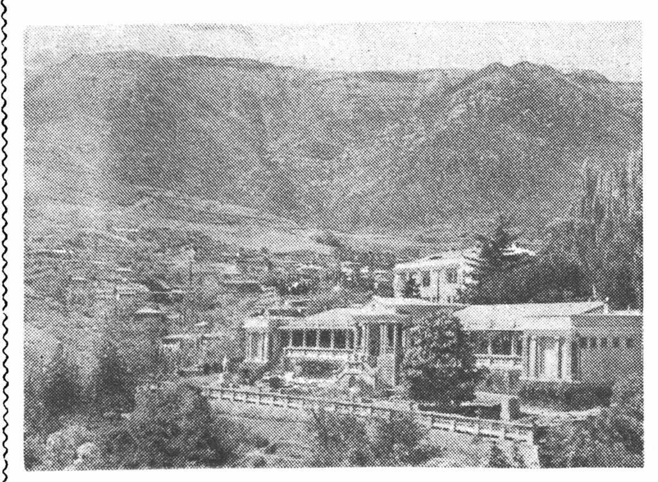
Мира голубка в смятеньи великом
Скрылась в гнездо; не воркует, не смеет,
Коршун войны в упоении диком
Крыльями хлопает, в воздухе реет!

Трусы! Я вижу: бледны ваши лица...
Это — лишь только предупрежденье...
Ну, а подумайте, если свершится
Все, чем пылают мои сновиденья!

Судный тот день, суд народов настанет,
Всем на земле по заслугам воздастся —
Сабля расправу вершить не устанет,
Чтоб ни один угнетатель не спасся!

Перевел Л. МАРТЫНОВ

НА КУРОРТАХ СТРАНЫ

Ялта. Санаторий Министерства Вооруженных Сил СССР.

Курортный сезон в разгаре! Сотни тысяч трудящихся проводят свой летний отпуск на Кавказе и в Крыму, на Рижском взморье и в степях Казахстана.

— Как проходит у вас курортный сезон? — с таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился по телефону к руководителям ряда здравниц.

СОЧИ

Директор Сочинского курорта Н. Сорокин сообщил:

— Поезда, корабли, самолеты каждый день доставляют новые группы отдыхающих. С полной нагрузкой работают все наши здравницы. В санатории «Донбасс» отдыхают лучшие стахановцы донецких шахт. В санатории «10 лет Октября» лечится большая группа железнодорожников-машинистов, кочегаров, диспетчеров, прибывших из разных районов страны. Все санатории — министерств угольной, пищевой промышленности, здравницы профсоюзов, Вооруженных Сил, научных работников и другие — встретили сезон в полной готовности. В нынешнем году, как и в прошлые годы, в Сочи лечится большая группа инвалидов Отечественной войны.

С полной нагрузкой работает Мацеста. Все 210 ванн находятся в эксплоатации. Здесь ежедневно принимают процедуры четыре тысячи курортников. Недавно для всеобщего обозрения был выставлен генеральный проект реконструкции Мацесты. Проект предусматривает реконструкцию ванного здания Новой Мацесты, бальнеологического хозяйства и близлежащей территории, а также строительство двух новых ванных корпусов.

КИСЛОВОДСК

Директор Кисловодского курорта Л. Паухов рассказал:

— Санатории, нарзанные ванны, грязелечебница, ингалляторий работают с большой нагрузкой. Ежедневно прибывают сотни отдыхающих. Особенно усилился приток курортников в последние дни; большими группами приезжают педагоги, студенты, научные работники. В санатории Министерства сельского хозяйства СССР лечатся более двухсот колхозников, комбайнеров и трактористов, работников МТС и совхозов. В санаториях отдыхают узбеки-хлопкоробы, угольщики Кузбасса, металлурги Магнитогорска и Днепропетровска, рыбаки Астрахани, карельские лесорубы, ученые, летчики гражданской авиации, учителя, мастера искусств. Среди отдыхающих много знатных людей промышленности, сельского хозяйства, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, лауреаты Сталинских премий.

Можно с полным основанием сказать, что нынешний сезон в Кисловодске самый оживленный со времени окончания войны.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Очень оживленно сейчас и на Южном берегу Крыма.

— В наших санаториях и домах отдыха,— сказал директор курорта П. Демидов,— отдыхает более пятнадцати тысяч человек, из них в одной только Ялте — около четырех тысяч.

Южный берег Крыма и его жемчужина — Ялта — украсились многими новостройками. В Ялте открыты новый чудесный приморский парк, новый великолепный пляж, оборудованный по генеральному проекту реконструкции курорта. В городе работают диэтетическая столовая, поликлиника для курсовочных больных.

Новинкой этого курортного сезона в Крыму является кумысолечение. В Белогорском районе создано для этого специальное хозяйство.

Санатории в нынешнем сезоне получили много нового медицинского и другого оборудования. Применяются новые эффективные методы лечения различных болезней, разработанные советской медициной. В Ялте состоялась научная конференция, посвященная этим методам лечения, предложенным научным коллективом Института имени Сеченова.

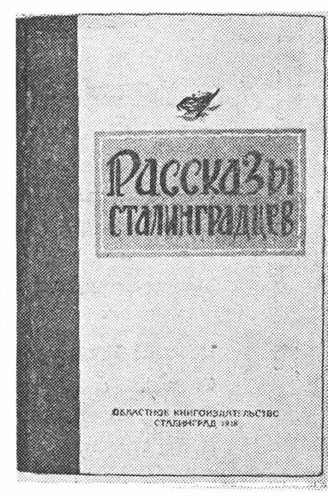
Санатории в Ялте, Симеизе, Кореизе, Гурзуфе представляют отдыхающим максимум комфорта и удобства.

Крымская область. Санаторий «Марат».

Рассказы сталинградцев

Авторы этой книги — рядовые сталинградцы: строители тракторов и металлурги, железнодорожники и водники, партийные и советские работники — люди самых различных профессий и возрастов. Все 58 авторов рассказывают о пережитом за 160 дней и ночей сталинградской обороны. Книга, составленная из их рассказов,— не художественное произведение. Но в ней столько простой, хорошей правды, правды смелых, мужественных людей, столько ярких, невыдуманных, жизненных фактов, которые сильнее всякого вымысла действуют на воображение, что она покоряет читателя от первой и до последней своей страницы.

Читаешь эту книгу — и словно видишь своими глазами, как девушки-зенитчицы отбивают атаку прорвавшихся к городу немецких танков; как спасает людей с потопленного немцами парохода бакенщик Пряхин; как работница Чепусова со своей подругой, прозванной за веселый нрав «Женей-патефончиком», несут подарки бойцам на передовую; как в полуразрушенном цехе ремонтируют танки рабочие тракторного завода; как, обливаясь кровью, истребительная рота добровольцев удерживает пристань, к которой должны подойти баржи с гвардейцами дивизии Родимцева. Листаешь страницу за страницей — и будто сам присутствуешь в городе, где вооруженные рабочие занимают оборону возле самых мартеновских печей; где под огнем врага люди доставляют на передовую бронеколпаки собственного производства; где старый капитан Воробьев со своей командой — обожженные, почерневшие от копоти люди — на пробитом осколками пароходе, под бомбежкой перевозят через Волгу войска, раненых, ценные грузы; где фронт и тыл, солдаты и горожане, отцы и дети — все объединились и стали защитниками Отечества.

Рассказы сталинградцев о подвигах жителей города-героя свидетельствуют о таком тесном единении фронта и тыла, армии и населения, какого не знала еще история. Сталинград — город славных боевых традиций, заложенных и воспитанных товарищем Сталиным еще во время памятной Царицынской обороны 1918 года. И когда осенью 1942 года сталинградцы оказались на решающем участке борьбы, на направлении главного удара противника, город встретил врага как бывалый и испытанный воин.

Простые и безыскусные, документально - правдивые рассказы сталинградцев восстанавливают детали героической обороны. Это очень яркие детали того, как население готовилось к защите родного города, как разделяло оно с армией тяготы жестокой осады, как боевые действия войск и трудовая самоотверженность горожан слились в ту силу, которая, будучи направляема партией, товарищем Сталиным, привела в конечном счете к победе.

Рассказы сталинградцев показывают благородные черты советских людей, их высокие моральные качества: мужество и бесстрашие. Они раскрывают природу невиданной стойкости защитников Сталинграда — их пламенную любовь к советскому Отечеству и своему родному городу.

Когда немцы прорвались к северной окраине Сталинграда и подвергли неслыханной по варварству бомбардировке жилые кварталы, когда весь огромный город, протянувшийся на 60 километров вдоль Волги, был объят огнем и горе вошло в тысячи семейств, — сталинградцы не дрогнули, не побежали. Не смятение, а жгучая ненависть и великая стойкость были ответом на удары врага.

«Мы клянемся, что будем работать дни и ночи не покладая рук, что мы выстоим, не отдадим врагу города Сталинграда. Без Сталинграда для нас нет жизни, нет счастья», — в этих словах приветствия товарищу Сталину выражены вся сила и страсть души сталинградцев.

Молодая работница А. Фомина рассказывает, что когда ей предложили эвакуироваться из города, она вынула комсомольский билет и сказала:

— Зачем я буду прятаться за спиной людей, которые приехали с Урала, Сибири, Алтая и разных уголков необъятной земли советской защищать Сталинград?.. Нет, мое счастье здесь! На Тракторном я выросла, на Тракторном училась, буду и защищать его.

Вместе с подругами она вступила в санитарный батальон, выносила раненых с поля боя.

«Велики жертвы сталинградцев, — пишет М. Водолагин. — От бомбардировки вражеской авиации, артиллерийского и минометного обстрела погибло, по неполным данным, 42 754 человека мирного населения и было тяжело ранено 50 тысяч».

Но эти жертвы не сломили боевого духа мужественных советских патриотов. Они не сошли с волжского берега, с земли Сталинграда.

Гордостью Сталинграда была его индустрия, его заводы, ставшие боевыми бастионами. Рабочие сами ковали оружие и сами обороняли цехи. И армия, чувствуя за своей спиной живое дыхание заводов, видя жертвы, которые несло гражданское население, стойко стояла на великом волжском рубеже, отбивая бесчисленные атаки врага.

В книге много примеров трогательной братской дружбы военных и гражданских людей.

Домохозяйка Пелагея Дегтярева, ухаживавшая с дочерью за ранеными бойцами, кормившая их, стиравшая им белье, рассказывает: «Мы тогда с бойцами одним сердцем жили — у бойцов радость, и мы радовались, им плохо — и нам трудно».

Старая работница Карманова, муж которой служил в 1918 году в армии Ворошилова, вспоминает о том, как бойцы с опасностью для жизни приносили детям воду с Волги, делились своим пайком с гражданскими людьми. Девочка Корнеева, мать которой была ранена в уличном бою, обратилась к пробегавшему бойцу с просьбой перенести маму в щель.

— Извини, девочка, — сказал ей боец,— если освобожусь, сейчас же помогу.

Боец потом прибежал, перенес маму в щель, извинился, что ему некогда, и обещал вернуться еще.

Тысячи сталинградцев добровольно вступили в ряды армии. В части Сараева, Горохова, Родимцева влились многочисленные отряды, сформированные из рабочих. Вчерашние кузнецы, сталевары, слесари, плотники стали храбрыми и стойкими солдатами.

Во многих рассказах показана роль партийной организации, которая ни на час не прекращала работы. Когда партийные и советские работники обходили подвалы, бомбоубежища, жилища людей в оврагах, в то время как бои шли уже рядом, это успокаивало жителей. «Они говорили нам, — пишет Мурашкина,— так вы еще здесь? Значит, город не будет сдан?»

Через все рассказы сталинградцев красной нитью проходит вера в победу, вера в товарища Сталина — творца и организатора этой победы. С именем вождя жил Сталинград в бою. Сталин был душою героической обороны города, он всегда был с защитниками Сталинграда, незримо присутствовал в осажденном городе.

В последней главе книги — «После битвы» — рассказывается о первых днях жизни в разрушенном городе, о массовом участии горожан в восстановлении и строительстве Сталинграда. И этот самоотверженный труд сталинградцев является настоящим подвигом.

С огромным волнением, понятным всем, кто любит Сталинград, читаются простые рассказы сталинградцев о мужестве, о преданности советских людей своей Родине.

В. КОРОТЕЕВ.

«Рассказы сталинградцев». Сталинград. Областное книгоиздательство.

Роман о Кладно

Окрестности небольшого городка Кладно, неподалеку от Праги, некогда представляли собой тихий лесной край. В середине XIX века здесь были открыты богатые залежи железной руды и каменного угля. Безвестное местечко Кладно очень быстро превратилось в крупнейший промышленный центр Чехии. Один за другим возникали большие металлургические и металлообрабатывающие заводы, организовывались промышленные компании.

В Кладно отовсюду потянулись ищущие работы шахтеры, металлисты, крестьяне, которые не могли прокормиться на своем клочке земли. Из Германии наехали инженеры, штейгеры, мастера. «Пражская металлургическая компания» начала с первых же дней своего существования высасывать соки из рабочих, превратившихся в «живую ставку», брошенную на стол великими мира сего в пылу азартной игры».

Жестокая эксплоатация не могла не вызвать протеста рабочих. В ответ на наступление капитала создаются тайные рабочие союзы. В 1889 году на Кладненских заводах, управляемых из Вены, возникает стачка, закончившаяся стихийной вспышкой восстания. Возмущение рабочих выливается в разгром виллы ненавистного всем кладненцам управляющего заводами немца Бахера и дома бургомистра Кладно. «Кладно окончательно сдвинуто со своего старинного фундамента».

Минуло десять лет, и в 1900 году происходит «ряд необычайных событий, перепахавших весь кладненский край точно плугом». Разражается грандиозная трехмесячная забастовка шахтеров, к которой присоединяются до 70 тысяч горняков Австро-Венгрии и которую поддерживают рабочие других отраслей промышленности.

Забастовка эта также заканчивается неудачей, но она окончательно превращает безропотных работников в сознательных и революционно настроенных пролетариев.

Известная чешская писательница Мария Майерова, уроженка Кладно и свидетельница всех этих событий, изобразила их в большом романе, опубликованном в Чехословакии в 1936 году и сейчас впервые изданном на русском языке.

В центре романа — связанная с обеими крупными стачками в Кладно и доведенная до конца 1917 года история рабочей семьи Гудцев. Родоначальник этой семьи, изобретатель Иозеф Гудец, тоже боролся против хозяев заводов, присвоивших его изобретение. Но боролся он еще в одиночку, и его бунт был похож на «вспышку фитиля в керосиновой лампе». Коренные перемены в сознании кладненских рабочих, которые начинают понимать общность своих интересов в борьбе с предпринимателями, меняют и формы самой борьбы. Деятельностью внука Иозефа, Пепана Гудеца, движет уже вера в конечную победу пролетариата, несмотря на временные его поражения. Внук в своих поступках нисколько не похож на деда. Чувствуя себя на заводе, «как в клетке, в которой заперта вся его жизнь», он зажигается пламенем протеста и мужественно отстаивает интересы своих товарищей.

Вместе с тем Пепан чувствует, что он кровно связан с заводом и с заводским трудом. «Заводы прельщали его своим правильным ритмом, дающим человеку уверенность, которую чувствует тот, кто знает, что он нужен и стоит на своем посту». Лишившись работы, он тоскует по заводу.

И самая заветная мечта Пепана о том, чтобы «свершилось чудо и он пришел на завод, как на свой, принадлежащий рабочим... Какой бы смысл приобрел тогда труд! Ничего бы не делалось понапрасну... каждый знал бы, для чего он работает!» На таком заводе он был готов работать до изнеможения. Но у Пепана очень мало надежды на близкое осуществление такой мечты, потому что «мир еще так крепко держится на своих устоях».

В поисках работы Пепан уезжает в Америку, но и здесь он не находит себе места. «Америка ему не нравилась: она представлялась ему в виде арены, где рабочие бегут на перегонки, чтобы выиграть ставку для кого-то третьего, а сами только истощают свои силы». В конце концов он видит, что в мире капитализма человек человеку — волк, что здесь могут преуспевать лишь люди, дорвавшиеся до наживы.

Пепан возвращается на родину. Он принимает участие в кладненской забастовке и здесь убеждается в значении рабочей солидарности, которая помогла бастующим продержаться в течение трех месяцев. Несмотря на безрезультатность стачки, Пепан укрепляется в мнении, что «жизнь рабочего при капитализме — это только временное состояние. Только переход!»

Пепану в романе противопоставлены бывший учитель Кадержабек, пытавшийся, как старый Иозеф Гудец, бороться против существующего порядка в одиночку и бессмысленно погибший на заводе, и инженер Урбан, который, попав в Америку, делает там быстро карьеру, поставив себе целью обогащение.

Идеи Пепана и его веру в конечную победу рабочих разделяет его мать. Эта строгая женщина с сильным, волевым характером, несмотря на трагическую смерть двух дочерей, пьянство, измены мужа и его гибель на заводе, не сдается и не сгибается под ударами судьбы. «Жизнь уходила, жена Гудеца старела и теперь частенько задумывалась над судьбами своих детей». Она уже понимала, что враждебная семье сила опирается на жандармов и солдат, и вместе с осужденными после событий 1889 года в Кладно проникалась ненавистью к общему врагу.

Мать Пепана принимает самое деятельное участие в трехмесячной забастовке шахтеров: варит обеды для бастующих, разоблачает штрейкбрехеров, ведет агитацию среди женщин, которые начинают сомневаться в успехе стачки. Она становится сознательным борцом за дело рабочего класса.

Ее письмо, датированное 1 декабря 1917 года, т. е. теми днями, когда уже совершился в России октябрьский переворот, заканчивается словами: «Я, судя по всему, что делается в мире, твердо верю: пусть сирена ежедневно сзывает попрежнему кладненских рабов на работу, чтобы они изготовляли пушки и снаряды, но скоро будет и на нашей улице для всех нас праздник».

Эта мысль пронизывает весь роман и придает ему оптимистический характер. Образ Гудцовой, несомненно, родственен образу «Матери» Горького.

Трогателен образ жены Пепана — Марженки, преданной и любящей женщины, готовой на жертвы ради своих детей и мужа. Особенно запоминается Марженка в эпизоде, когда ей приходится, несмотря на опасность угодить под пулю жандарма, тайком доставать во время забастовки угольную пыль со дна пруда.

К наиболее удачным и сильным страницам романа принадлежат главы, изображающие волнения 1889 года и стачку 1900 года. Но в целом роман композиционно несколько растянут и не слажен. В него вкраплен ряд эпизодов, не имеющих непосредственного отношения к основному действию, хотя и представляющих живые картины жизни и быта кладненских рабочих.

Произведение Марии Майеровой еще раз напоминает советскому читателю о той борьбе, которая происходила в старой Чехии и которая идет до сих пор с неослабевающим упорством в капиталистическом мире. Советский читатель знакомится с несколькими яркими страницами прошлого чешского народа, осуществившего с помощью Советского Союза мечту Пепана Гудца и его матери.

В. ЧЕШИХИНА

М. Майерова «Сирена». Роман. Перевод с чешского. Гослитиздат. 1949. 408 стр. Цена 7 р. 50 к.

НА КАМЕ.
Фото Дм. Бальтерманца.

Станция юных агробиологов

Фото Я. Берлинера

Официальное название довольно мудреное: «Центральная опытно-педагогическая агробиологическая станция Министерства просвещения Украинской ССР». Она распространяет учение Мичурина среди школьников. Станция имеет все, что необходимо юным последователям великого преобразователя природы: опытные поля, сад, теплицы, пасеку, крольчатник, свинарник, лаборатории.

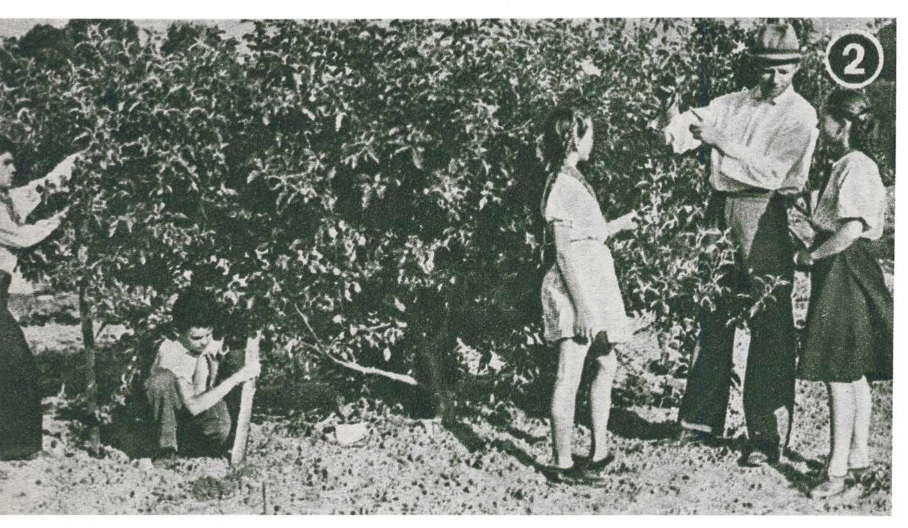
Станция расположена в живописной местности под Киевом. Зимой здесь занимаются мичуринцы — городские школьники. Летом станцию превращают в пионерский лагерь особого типа. Сюда на отдых приезжают только юные агробиологи — лучшие из сотен тысяч пионеров Украины. Отдохнуть и поработать в этом своеобразном лагере над увлекающей научной темой — награда, которую надо заслужить плодотворным трудом в мичуринском кружке.

1

Звучит горн: «На
ку!» Из палаток,
танных в тени шум
берез, выбегают р
Так ранним утро
призывные звуки
пробуждается в
жизнь в этом лагер
добном тысячам д
и все же на них
хожем.

2

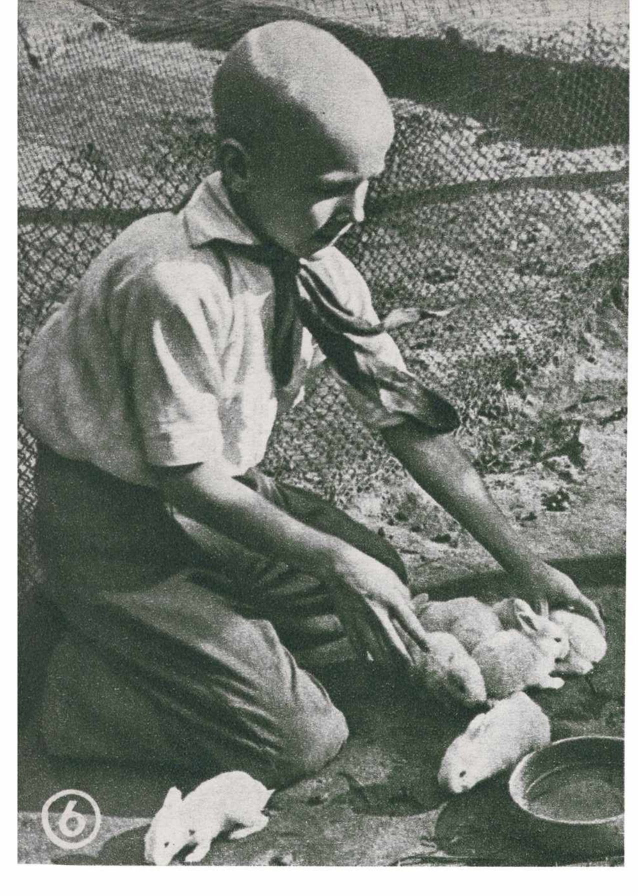
Знаменитая мичури
гибридная яблоня
флер-китайка». Агр

заряд-
спря-
аливых
ребята.
м под
трубы
еселая
ре, по-
других,
непо-

инская
кбель-
роном

М. З. Горуйко рассказывает юным садоводам, как она была выведена.

3

Если послушать пчеловода Г. М. Бершадского, то из всей фауны нет интересней существа, чем трудолюбивая пчелка. Посмотрите, как тонко, прочно и геометрически правильно построены пчелиные соты.

4

Быть может, пчеловод и прав. Но для этих девочек занятнее всего уход за павлином.

5

Впрочем, у каждого свое увлечение и свой вкус. Другим больше всего нравится выращивание диковинных цветов.

6

А нежные ангорские кролики? Разве это — не занятие, достойное натуралиста, который «на круглых пятерках» перешел в шестой класс?

7

Некоторых сельских школьников волнует проблема гнездового посева кок-сагыза. Ведь сам академик Лысенко интересуется этим делом, настолько оно важно.

8

Можно ли взвесить живую свинью без весов? Вопрос непраздный для начинающих животноводов. Действительно можно! Педагог М. Х. Дука показывает, как при помощи обмера определить вес животного.

9

Строго по Вильямсу! Агроном Н. А. Буковская ведет занятия с полеводами на опытных участках десятипольного севооборота. Здесь очень наглядно можно убедиться, как быстро многолетние травы восстанавливают структуру и плодородие почвы.

* * *

Тринадцать лет назад возникла эта станция юных агробиологов Украины. Сотни ее питомцев стали уже преподавателями естествознания, агрономами, зоологами. Они с детства полюбили природу, чтобы познать ее и покорить.

Лауреат Сталинской премии народный артист РСФСР Константин Васильевич Скоробогатов.

Фото О. Кнорринга

(смотри в номере «Мастер исторического портрета»).

НА ВОЛГЕ

(Из романа)

Василий ГРОССМАН

Рисунки В. КЛИМАШИНА

Едва орудия были вытащены по каменистому, крутому откосу на холм, поросший виноградником, прибежал связной и передал приказ занять огневые позиции: в садах, у расположенной на ближайших холмах деревни, сосредоточились немцы.

Толю Шапошникова, пыльного, потного, разгоряченного: он только что помогал втаскивать орудия по крутой глинистой осыпи,— командир дивизиона послал наладить доставку на гору боеприпасов.

Грузовики со снарядами стояли у воды: подняться по откосу они не могли.

Толя стремительно сбежал по холму, теплый ветер засвистел в ушах, потом так же стремительно в красном облаке пыли Толя стал спускаться по глинистой осыпи к берегу.

У воды под крутым откосом лежала тень, и после ослепительного степного солнца, казалось, пришел вечер. Волга там, где не было тени, сверкала живой, упругой ртутью.

Расставив цепь красноармейцев, передававших снаряды вверх по откосу, Толя взобрался на грузовик и принялся помогать разгрузке. «Пусть не думают, что я только командовать умею»,— повторял он про себя, ворочая ящики со снарядами и подтягивая их к борту грузовика. Ему казалось, что он сделал ошибку, кончив артиллерийскую школу, легче и проще было бы быть рядовым красноармейцем. Большой, плечистый, с угрюмым лицом, он казался с виду человеком жестким и грубым, но вскоре все — и начальники его и красноармейцы — поняли его натуру, добрую, застенчивую и стыдливую. Он был нерешителен и терялся, когда ему приходилось по службе приказывать. В таких случаях он, путаясь в длинных «будьте добры, пожалуйста, если не трудно», начинал говорить невнятной скороговоркой, и командир батареи Власюк сердито и сострадательно подбадривал его:

— Опять ты, Шапошников, забубнил. Не можешь завоевать авторитет, забываешь, что артиллерия — бог войны. Ты пойми, ты артиллерист!

Толя охотно оказывал своим товарищам и начальникам разные услуги: подменял приятеля на дежурстве в штабе, переписывал отчет, ходил за письмами.

Склонные к юмору, артиллеристы-командиры говорили:

— Эх, жалко Шапошникова нет: порадовал бы парня, он бы за тебя подежурил... попроси Шапошникова, он сходит...— и, улыбаясь, добавляли: — Ведь Шапошников любит дежурить... Шапошников обожает по припеку в штаб ходить.

Но отношение к Толе было не только насмешливым и снисходительным. Его выдающиеся технические способности ценились сослуживцами-командирами, а особенно хорошо о них знали красноармейцы-артиллеристы. С уверенностью и быстротой разбирал он все дефекты и неполадки, случившиеся в работе. Шапошников умел просто и коротко объяснить самым непонятливым людям суть сложного и отвлеченного закона, быстро нарисовать смешной чертежик, который, освобождая от зубрежки, разъяснял, почему надо при прицеливании по такой-то движущейся на таком-то расстоянии цели да при таком-то ветре вести расчет эдак, а не так.

Но все же как было не посмеиваться над Шапошниковым? Едва заходил разговор о девушках, он начинал кашлять, краснел, с сандружинницами он знакомства не вел; сестры из медсанбата, считавшие артиллеристов-командиров самыми культурными в дивизии, с усмешкой спрашивали лейтенантов из артдивизиона:

— Что ж это ваш товарищ такой гордый, «воображало»? Никогда не поговорит, а встретит на дороге, обойдет стороной, спросишь его: он «да», «нет» — и побежит.

Шапошников как-то сказал командиру батареи Власюку:

— В штабе о вас спрашивала одна молодая особа противоположного пола.

С тех пор товарищи дали Шапошникову прозвище: «Особа противоположного пола».

Красноармейцы называли его между собой: «Лейтенант — будьте добры».

В этот час все вокруг было величественно и грозно. Огромная пустынная река блестела на солнце.

По узкой прибрежной полосе, под высоким обрывом, отпихивая глыбы рыхлого песчаника, ползли тягачи, волоча орудия и прицепы с боеприпасами. Пехота, подразделения с противотанковыми ружьями, пулеметчики, стиснутые между водой и высоким откосом, уходили оврагами от берега, поднимались вверх на холмы, в степной простор, а следом шли все новые и новые батальоны и роты.

Прекрасное небо раскалывалось грохотом воздушных боев, среди пушистых беленьких облачков выли моторы, печатали скорострельные пушки, били пулеметы. Иногда самолеты проносились низко над водой и вновь взмывали: воздушные бои шли во всех этажах неба.

Из степи доносился рокот начинавшейся наземной битвы: то резервные полки Красной Армии с хода вступали в бой с северной группировкой армии Паулюса.

Странным казалось людям, стоящим внизу в тревожной тени, что именно там, в теплой степи, где так безудержно и беспечно светит солнце, происходит кровавое сражение.

А люди с оружием все поднимались от берега в степь. На всех ли-

цах было то напряженное выражение волнения и решимости, странное соединение страха, испытываемого солдатом, вступающим в свой первый бой, и страха опоздать, отстать от своих, чувство, заставляющее идущих на передовую не замедлять шаг, а ускорять его...

Вот и подошел Толя к главному дню своей жизни. Час тому назад дивизион проходил по прибрежному грейдеру, через поселок Дубовку. Здесь впервые ощутил Толя фронт, слышал свист и грохот бомб, сброшенных налетевшими самолетами, увидел разбитые дома, улицы в осколках стекол, мимо него проехала телега, на которой лежала женщина в желтом платье и кровь быстрыми каплями падала на песок. Пожилой мужчина, без пиджака, громко плача, шел, держась за борт телеги. За заборами колыхались, скрипели от волжского ветра десятки колодезных журавлей, и казалось, то мачты охваченных тревогой суденышек. А утром он пил молоко в тихой деревушке Ольховке, где на широкой сырой площади, поросшей свежей, яркозеленой неосенней травой, паслись молодые гуси.

Ночью во время короткой остановки он, шурша сапогами по сухой полыни, отошел на несколько десятков метров от дороги и лег на спину, всматриваясь в звездное небо; издали доносились голоса красноармейцев, а он все смотрел в мерцающую звездную пыль, испытывая волнение, радость и печаль.

Вчера днем было душное бензиновое тепло в кабине грузовика, горячее пыльное смотровое стекло, тарахтение мотора.

Год назад был крытый клеенкой письменный столик, тетрадка дневника, раскрытая книга; мать положила теплую ладонь ему на лоб и сказала: «Спать, спать».

Два года назад сестра, худая, в трусиках, вбежала босыми ногами по ступенькам дачной террасы, пронзительно крикнула: «Толька украл мой волейбольный мяч!». А еще раньше был детский авиаконструктор, чай с молоком и конфета перед сном, санки с твердым матерчатым сиденьем, обитым бахромой, елка на Новый год, седая бабушка держала Толю на коленях и тихо, срывающимся голосом, пела: «В лесу родилась елочка», — и его тоненький голосок подтягивал: «В лесу она росла...»

Теперь все это сжалось в тесный, плотный, как орешек, крошечный комок, да и было ли все это?

Встала единственная реальность: идущий издали, но все нарастающий грохот битвы.

Пришел час главного жизненного испытания — выдержит ли он, справится ли? Страшно было по-разному — и по-серьезному и поребячьи. Сумеет ли он командовать в бою? Вдруг сорвется, задрожит голос, пискнет по-заячьи? Вдруг командир дивизиона скажет: «Девчонка, маменькин сынок!» Вдруг он станет пригибаться, вздрагивать, и красноармейцы сострадательно начнут поглядывать на него? Пушки-то он хорошо знает, за это он не боится; вот если б себя знать!

Сердце сжималось перед приближением неведомого, сжималось в неведении: как же поведет себя лейтенант Шапошников в бою? Быстрые мысли о матери, о доме не вызывали в нем умиления и любви, наоборот, он сердился на мать. Разве она не знала, что жизнь подведет его к этому боевому часу? Зачем она баловала его, охраняла от тяжелой работы, дождя, мороза?.. Запрещала править машиной? Зачем были конфеты, печенье, новогодние елки? Надо было закаляться с первых дней жизни: ледяная вода, суровая, грубая пища, работа на заводе, экскурсии в горы, мало ли что! Курить надо было научиться. Ему хотелось, чтобы командир дивизиона сказал:

«Нет, уж куда Шапошникову командовать в бою, пусть разгружает снаряды».

И он поглядывал наверх, откуда неслось тяжелое грохотание и где ярко, бешено светило солнце.

Толя постучал по крыше кабины и крикнул выглянувшему из окошка водителю:

— Товарищ водитель, вы, пожалуйста, отъезжайте в сторонку: сейчас вторую машину будем разгружать.

Он стал спускаться с грузовика — в самом деле, ведь разгрузка и доставка снарядов важная, ответственная работа — и увидел, как с откоса прыжками бежит сержант из штаба дивизиона.

Он громко кричал красноармейцам, подтягивающим в гору снаряды:

— Где лейтенант?

Через минуту он стоял перед Шапошниковым:

— Товарищ лейтенант, командира батареи только что с самолета пулеметной очередью ранило. Товарищ майор вам приказал принять командование батареей.

Шапошников взбирался по откосу, слушая задыхающуюся речь сержанта: у соседей пехота уже пошла, есть раненые в дивизионе, налетели истребители, бомб не бросали, но стреляли из пулеметов, в степи бело — столько немцы листовок с воздуха побросали, — а немецкая передовая километра четыре отсюда.

Толя слушал его, глядел, как клубится красная пыль под ногами, оглянулся: Волга была внизу, казавшийся жестоким солнечный свет коснулся его лица, ударил ослепительно по глазам.

Толя с сержантом стали подниматься по крутому, скользкому от мха и мелких камешков холму: сержант — впереди, нажимая ладонями на коленки, чтобы веселей шли ноги, Толя — следом.

Он так и не понял, когда, в какой миг и отчего стал спокоен и уверен: случилось ли это тогда, когда он подошел к орудиям, мощные и беспощадные стволы которых, прикрытые прядями сухой травы и ветвями винограда, были обращены в сторону занятых немцами высот; тогда ли, когда он увидел радость на лицах красноармейцев: вот командир — теперь все будет хорошо; тогда ли, когда поглядел на степь, покрытую белой сыпью немецких листовок, и его поразила простая и ясная мысль, что все ненавистное ему, смертельно враждебное его Родине, земле, матери, сестре, бабушке, их свободе, счастью, жизни находится рядом, видимо, осязаемо и что в его силах бороться с вражьей ордой; или же тогда, когда, получив боевую задачу, он с внезапным задором, быстро, напряженно, почти весело задумал смелый план: выдвинуть далеко вперед орудия, занять огневые на гребне откоса: «...я левый край всего фронта, уперся в Волгу, я впереди всех, мой фланг прикрыт самой Волгой...»

Он так и не понял, как же случилось, что неуверенность и ожидание неминуемой беды с такой простотой сменились иным чувством — торжествующим вдохновением.

Никогда он не ощущал себя таким сильным, нужным людям, как в этот жестокий и страшный день. Да, он не знал, что может с такой решительностью идти на риск, он не знал, что смелые, дерзкие решения радостно и весело принимать, что голос его может звучать так громко, веско, уверенно.

Когда красноармейцы дружно выкатывали орудия на гребень волжского откоса, а лейтенант Шапошников указывал старшине, где устанавливать их, подъехал на «виллисе» подполковник из штаба дивизии. Он быстрыми шагами подошел к Шапошникову и строго спросил:

— Кто приказал так далеко выдвигать орудия?

— Я приказал, — ответил Шапошников.

— Вы, что ж, хотите к немцам в лапы попасть? Прикрытия у вас нет.

— Нет, товарищ подполковник, я хочу, чтобы немцы в мои лапы попали, — ответил Толя.

И он коротко, в нескольких словах, показал, как удобно расположатся орудия на виноградном холме, прикрытые небольшой рощицей, защищенные с востока Волгой, с юга — крутым обрывом, идущим к Волге, держа под огнем ту часть степи, по которой могут пойти немецкие танки.

— Вон за теми садами немцы сосредоточены. Я господствую над ними, товарищ подполковник, прямой наводкой могу вести беглый огонь.

Подполковник, прищурившись, посмотрел на выбранные Шапошниковым огневые позиции, потом на овраг, тянущийся к Волге, потом на степь, где, пыля, врассыпную шла советская пехота и беспорядочно вздувались облачки разрывов немецких мин.

— Толково, — сказал он и, перейдя на ты, спросил: — Что, лейтенант, с первого дня воюешь, видно?

— Нет, товарищ подполковник, мой первый день сегодня.

— Значит, родился артиллеристом, — сказал подполковник. — Связь с дивизионом не теряй. Где провод, не вижу.

— Я его велел по откосу провести, меньше шансов, что перешибут осколки.

— Толково, толково, — одобрил подполковник и пошел к «виллису».

Вскоре позвонил по телефону командир дивизиона: он приказал Шапошникову не открывать огня до распоряжения, предупредил, что слева могут появиться танки противника, их надо сдерживать любой ценой, так как, прорвавшись, они могут зайти глубоко в тыл всем перешедшим в наступление хозяйствам.

Слушая ответы командира батареи, майор вдруг усомнился в том, действительно ли Шапошников с ним говорил, очень уж бодро звучал голос растяпистого лейтенанта. Не немец ли подключился?

— Шапошников, это ты на проводе?

— Я, товарищ майор.

— Ты кого замещаешь?

— Старшего лейтенанта Власюка, товарищ майор.

— А тебя как звать?

— Толя, то есть Анатолий, товарищ майор.

— Так, так, я как-то твой голос не сразу узнал. У меня все пока.

И, положив трубку, майор подумал, что лейтенант, видимо, хлебнул для храбрости.

Какой удивительный, какой бесконечно длинный и полный событиями был этот день! Казалось, об этом дне Толя мог бы рассказать больше, чем о всей своей прошедшей жизни. Казалось, всю последующую жизнь он будет вспоминать о событиях этого дня.

Величаво прозвучал первый залп батареи над Волгой. Это не был обычный артиллерийский залп — все вокруг замерло, прислушиваясь, русская степная земля, и огромное небо, и синяя река подхватили пушечные выстрелы, стали множить их многоголосым эхо. Степь, небо, Волга вложили, казалось, свою душу в это эхо: оно громыхало торжественное, широкое, подобное грому, полное печали и угрюмого гнева, соединяя в себе несоединимое — бешенство страсти и величавое спокойствие.

Невольно артиллеристы притихли на миг, потрясенные и взволнованные, слушая гром, рожденный их орудиями: он грохотал в высоком небе, то глухо гудел над Волгой, то перекатывался над степью.

— Батарея, огонь!

И снова Волга, степь, небо, теряя немоту, заговорили, зашумели, грозя, жалуясь, печалясь, торжествуя, и голос их сливался с той угрозой, печалью и торжеством, которые жгли сердца красноармейцев.

В бинокль было видно, как серый дым застилал виноградники и деревья, как суетились серо-голубые фигурки и, подобно потревоженным жукам и мокрицам, расползались замаскированные в виноградниках и между молодых тополей немецкие танки. Сверкнуло белое пламя, короткое, жестокое, прямое, и сразу же черные потоки дыма, крутясь, сливаясь, клубясь, поползли над занятыми немцами садами, поднялись в небо, вновь тяжело опустились к земле, заволокли степь, и видно было, как пламя вырывалось, подобно бритве, распарывая плотную дымовую пелену.

Молодой наводчик-татарин оглянулся на Шапошникова и улыбнулся. Он ничего не сказал, но короткий и быстрый взгляд его выразил многое: и то, что он счастлив от удачи, и то, что меткий огонь ведет не он один, а все товарищество артиллеристов, и что Шапошников — замечательный командир батареи, лучшего и не может быть, и что нет на свете лучшей пушки, чем русская стопятидесятидвухмиллиметровка.

Зазуммерил телефон; на этот раз уже Шапошников не узнал измененный волнением, радостный голос командира дивизиона:

— Молодец, умница, ты ему поджег склад горючего... только что звонил командир дивизии, велел благодарность передать. Пехота пошла, есть продвижение, смотри, не накрой своих.

По фронту от Волги до Дона атаковали немцев стрелковые полки Красной Армии, поддержанные артиллерией, танками, авиацией.

Пыль стояла над степью. Дым разрывов смешивался с пылью. Смешались грохот артиллерии, гудение танков, протяжное «ура» бегущих на немецкие позиции красноармейцев, командирские свистки, пронзительный вой пикировщиков, треск автоматов, сухие разрывы мин.

Одновременно с наземным сражением все шире развертывались бои в воздухе. Бывали мгновения, когда земля замирала и тысячи глаз следили за стремительным бешенством воздушных схваток. Моторы истребителей ревели и выли, советские самолеты то взмывали вертикально в небо, то, подобно сверкающему ножу, устремлялись через всю ширь неба на шедших к полю битвы «юнкерсов», врывались в смертную карусель пикировщиков.

Над Волгой завязывались мгновенные схватки «яков» и «лагов» с «мессершмиттами» и «фокке-вульфами». Быстрота этих схваток была так велика, что глаз не успевал отмечать столкновений, мгновенных ударов и маневров, даже мысль не поспевала за бешеной скоростью сложнейших воздушных комбинаций, то возникающих, то разряжающихся напряжений. Скорость, быстроту, бешенство этих схваток, конечно, не могли породить одни лишь силы моторов, летные качества самолетов, мощь тяжелых пулеметов и авиационных пушек — сердца советских юношей, летчиков-истребителей, их страсть, их боевое вдохновение определяли немыслимую скорость движения и смелость маневра самолетов, где в кажущемся безрассудстве и безумии проявлялся высший разум боя. Самолет, мгновение назад казавшийся трепещущей светлой точкой, затерянной в воздушном море, вдруг превращался в ревущую мощную машину, и люди на земле видели голубоватые крылья с красными звездами, цветное пламя пулеметных трасс и молодую голову летчика в рыцарском шлеме, а через мгновение машина, брошенная круто вверх, таяла в воздушной толще. Иногда радостный гул голосов проносился над степью, и пехотинцы, забывая об опасности, вскакивали, махали пилотками, радуясь победе советского летчика, иногда протяжное, горестное «о-о-ох» вырывалось у сотен людей, когда из охваченного пламенем истребителя выбрасывался советский летчик и на вздувшийся хрупкий пузырек его парашюта набрасывались «мессершмитты».

Успех стрельбы по немецким танкам и пехоте создал то настроение радостного и счастливого подъема, которое на фронте часто с резкой внезапностью сменяет состояние подавленности. Видимо, не только немецкие летчики, но и наземные наблюдатели были обмануты тем, что батарея, находившаяся на самом волжском откосе, выдвинулась так далеко вперед. Ее никто не засек, по ней не вели огня. И эта долгая удача и легкий, бескровный успех тоже способствовали общему настроению уверенности, насмешки и презрения к противнику, охватившему всех людей на батарее. Как всегда в таких случаях, люди бессознательно расширяли свой частный успех на все окружающее, и им казалось, что по всему фронту наступления дела идут превосходно, немецкая оборона прорвана, что с часу на час придет приказ продвигаться вперед, что через день—два армии, начавшие наступление северо-западнее Сталинграда, соединятся с защитниками города и общими силами погонят немцев на запад. И как всегда в таких случаях, нашлись люди, лично говорившие с раненым капитаном, пришедшим с того участка фронта, где немцы уже бегут без оглядки, бросая оружие, боеприпасы, склады...

Вечером пришел час тишины. Толя Шапошников присел у телеграфного столба, наспех поел хлеба и консервов. Губы стали шершавые, словно не свои, и казалось, слышно, как шуршит сухой хлеб, касаясь пересохшего рта. Чувство изнеможения от чрезвычайного душевного напряжения, пережитого за день, было приятно. В ушах шумело, и слегка туманилось в голове от выстрелов орудий. В памяти вспыхивали короткие слова команды, словно Толя продолжал выкрикивать их, щеки горели, и хотя он полулежал, спокойно склонившись к телеграфному столбу, сердце билось быстро и сильно.

Он поглядел на песчаную полосу у воды: немыслимо короткий срок отделял его от часа, когда, охваченный смятением, стоял он там внизу, в кузове грузовика. Сейчас его не удивляло, что первый боевой день был так успешен: он получил благодарность от командира дивизии, он легко разбирался в быстро менявшейся обстановке, голос его впервые в жизни звучал громко и уверенно, люди слушали его команду, ловили каждое его слово. Оказывается, он не знал себя и не верил в свою силу, потому что не понимал ее и не подозревал ее. Сейчас он не удивлялся своему успеху: как же могло быть иначе? Ведь сила, способности, ум, воля — все это было в нем, они постоянно существовали в его мозгу, душе, он ведь не нашел их случайно, не воспользовался чужим, все это было его собственным, все это было Толей, Анатолием Шапошниковым. Чего ж удивляться, что Анатолий Шапошников повел себя так, как и надлежало вести себя Анатолию Шапошникову? Если уж удивляться, то тому, что он вчера, и позавчера, и год назад, и сегодня утром не знал этого. Он не сделал находки, он воспользовался тем, чем обладал.

И все же это всегда удивительно!

Толя Шапошников лежал под телеграфным столбом и представлял себе, как он пойдет с товарищами в медсанбат и будет самым остроумным, самым веселым рассказчиком, затмит всех, предложит сестрам танцовать, научит их новым танцам... Он пошлет домой письмо и вместо обычных слов: «Целую вас крепко» — сурово напишет: «Крепко жму руку». О том, что он поджег немецкий склад горючего, напечатают в газете, и он слышал, как бабушка читает статью вслух за столом.

А сестры в медсанбате: «Вот вам и лейтенант Шапошников, а как танцует и какой остроумный!..»

Телеграфный столб в степи... Если долго лежать под ним, то слышишь музыку, очень разнообразную и сложную музыку. Столб наливается ветром и поет. Словно закипающий самовар, он тихонько шкворчит, гудит, свистит, булькает. Столб аспидно серый, продутый ветром, прокаленный солнцем, прожаренный морозом. Он, как скрипичное дерево, на нем струны-провода. И вот степь завела себе

Над Курой

Мамед РАГИМ

ТВЕРЖЕ КАМНЯ

Известью пропах куринский воздух,
И лицо строителя в пыли.
Но легко ложатся камни в гнезда,
Словно крылья камни обрели.

Яркий луч горит на туфе гладком.
Молодой строитель утомлен.
Я спросил у камня, видя кладку:
— Кто из вас сильнее — ты иль он!

Камень мне ответил: — Хоть и меры
Твердости моей, конечно, нет —
Он меня из дальнего карьера
Вырвал,
        чтобы я увидел свет.

Он придал мне форму, цвет и облик,
Острою оттачивал киркой,
Он меня поднял до самых облак
Легкою и любящей рукой.

Слышал я, что повернет он реку,
Зажигая тысячи огней.
Признаюсь, что воля человека
Трижды тверже твердости моей.

Знаешь ли, к чему меня готовит
Человек, своей киркой звеня?
Сквозь меня пройдет тончайший провод,
Полный быстротечного огня.

Так ответил туф — веселый камень.
...Молча улыбается творец —
Под его умелыми руками
К солнцу поднимается дворец.

Перевел с азербайджанского А. ПЛАВНИК

ГИДРОМОНИТОРЩИК

Шумный берег огляни —
Люди трудятся бессонно,
День и ночь горят огни
Автогена и плафонов.

И Кура в людских руках
Робкою сегодня стала,
Одолев невольный страх,
Мониторщику сказала:

— Знаешь ты, твоим словам
Покоряюсь я безмолвно.
Скажешь:
        течь назад волнам —
Побегут обратно волны.
Но взгляни-ка: Боз-гора
Мне дорогу преградила.
Мне поспорить с ней пора,
Мне свободной быть пора,
Иссякает даром сила...

— Что ж,— ответил, не спеша,
Кто владеет всем по праву,—
Ты и вправду хороша,
Ты и в гневе величава.

Просьбу выполнив твою,
Я тебе простор открою,
Я тебе пути пробью,
Скалы срежу,
        горы срою.

Не страшна мне Боз-гора,
Наделен я силой властной,
Но за то трудись, Кура...
Ты согласна!
        — Я согласна!

В брызгах весь, как в серебре,
Подошел он к монитору.
— Берегись,— сказал горе,—
Наступило время спора!

И ударила вода.
И тогда
        ему на милость
В первый раз за все года
Перед ним
        гора склонилась.

Он стоял, суров, силен,
В блеске силы вдохновенной,
Не стихия — это он
Властелин, творец вселенной!

Перевел И. ОРАТОВСКИЙ

ДВА БЕРЕГА

Стою и слышу тихий плеск Куры.
Горят огни на куполе горы.
Листва и воды,
Милый лик природы,
Сияющие в синеве миры...

Безмолвна ночь.
        Кура течет в ночи.
Огни Мингечаура, как лучи,
Пронзают темень,
Раздвигают время
И сердце согревают, горячи.

Мой светлый берег! И во тьме живет
Веселый ровный свет в моем дому.
И скорбно я гляжу на берег тот,
Иранский берег, уходящий в тьму.

Безмолвна ночь. И нет в ночи дорог.
Далекий, близкий, горький берег тот...
О, если б словом выразить я мог,
Как жалость к брату сердце мне гнетет!

Перевел А. ПЛАВНИК

такую скрипку, играет на ней. Хорошо лежать, прислонившись затылком к столбу, и слушать скрипку, думать...

Вечером Волга окрасилась в великое богатство красок, она стала синей, розовой, вдруг покрылась легкой жемчужной пылью, заблестела серым шелком. От воды шли вечерняя прохлада, покой, а степь дышала теплом.

Берегом, у воды, шли на север раненые в окровавленных бинтах, над шелковой розовой водой сидели полуголые люди, стирали портянки, зорко просматривали швы на белье, рядом ревели тягачи, скрежетали по прибрежным камням.

— Во-о-здух! — протяжно кричит часовой, а воздух ясный, теплый, пахнет полынью...

Как хорошо жить на земле!

Едва стемнело, немцы перешли в наступление. Зловеще осветилась земля, и все вокруг стало неузнаваемо и страшно. Самолеты развесили высоко в небе мощные огни, покачиваясь, как огромные медузы, висели они, немые, внимательные, загасив тихий свет звезд и месяца, подробно освещая Волгу, степную траву, овраги, виноградники и молодые тополи над береговым обрывом.

Загудели в небе ночные «хейнкели», затарахтели итальянские воздушные таратайки «макки», заколебалась земля от бомбовых разрывов, дрогнул воздух от зловещего свиста тяжелых снарядов. Вскоре поднялись сигнальные цветные ракеты, в их зеленом свете степь и Волга окрасились ядовитым анилином, стали похожи на мертвый, раскрашенный макет из папье-маше, да и люди, их лица, руки вдруг стали картонными, неживыми. Странным казалось, что над землей, превратившейся в генштабовский макет, где уж не было холмов, яров и долин, живой реки, а лишь занумерованные высоты, пересеченная с запада на восток местность, идущая с севера на юг, водная преграда, попрежнему стоял нежный, горький и сладостный запах полыни.

Завыли моторы немецких танков, зашуршала в ковыле немецкая пехота, ударили пулеметы, рассыпчато затрещали автоматы.

Видимо, немцы нащупали батарею Шапошникова, определили, что ее огонь будет мешать их продвижению. Снаряды стали рваться один за другим на виноградных холмах, послышались стоны раненых, люди забегали, ища укрытий. А в это время пошли немецкие танки, и голос лейтенанта вызывал людей из укрытий, орудия открыли огонь. К огню немецкой артиллерии вскоре присоединились минометы. Они стреляли с холмов, расположенных по ту сторону оврага. Пулеметные очереди, как внезапный грозовой ливень, ударяли по виноградникам, свалился срезанный снарядом певучий телеграфный столб.

Шапошникову казалось, что ночному бою не будет конца. Ночь рождала врагов. Протяжно свистели авиационные бомбы, и вся округа вздрагивала от взрывов, вновь и вновь подходили танки, стреляли из пушек, скрежетали пулеметы, внезапные огневые налеты оглушали и ослепляли, поднимали тучи земли, листьев, мелких камней.

А через несколько минут вновь слышалось ноющее гудение бомбардировщиков...

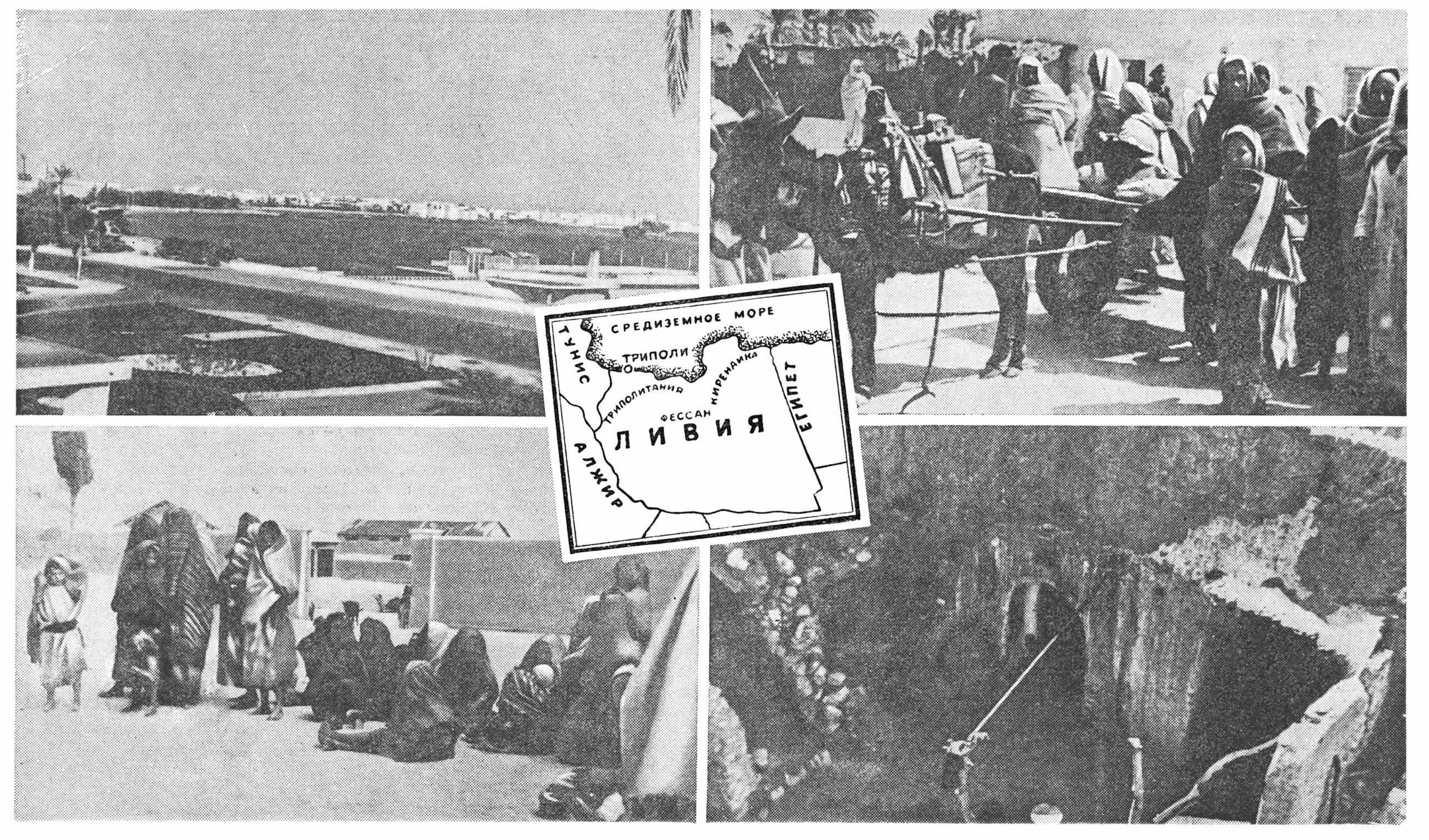
Во рту пересохло, земля скрипела на зубах. Толе хотелось сплюнуть, избавиться от противного ощущения, но слюны во рту не было. Голос его стал хриплым, и мгновениями он сомневался: неужели это Толя Шапошников кричит таким сиплым голосом?

Яркий, режущий свет в небе погасал, тьма казалась непроницаемо плотной, люди рядом угадывались по тяжелому дыханию. Белым пятном на черном фоне мутнела церквушка в Заволжье. А через минуту сухой, мертвый свет вновь разгорался над степью, и казалось — это от него першит в горле и пересыхает гортань.

Стрельба отнимала все силы без остатка. Лишь одно чувство, одна смутная мечта жили в душе: продержаться до утра, увидеть солнце. И Толя Шапошников увидел его.

Оно поднялось над заволжской степью, над нежнорозовым, пепельным и жемчужным волжским туманом.

Высокий, плечистый юноша, широко открывая запекшийся рот, прокричал слова команды, и рев орудий, отбивших все ночные атаки немцев, приветствовал восход.

НА СНИМКАХ: вверху слева — Триполи, вид на порт, справа — базар в Триполи. Внизу слева — жители Триполитании в ожидании полуголодного английского пайка, справа — один из подземных «домов» селения Тигринья (район города Гариан).

По дорогам Ливии

(Путевые заметки)

Г. ГЕОРГИЕВ

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Вдоль берега Средиземного моря, то приближаясь к нему вплотную, то удаляясь на несколько километров, тянется извилистая, темносерая лента трансливийской шоссейной магистрали. Магистраль берет начало в селении Апполонии, возле самой египетской границы, и кончается у границы французской колонии Тунис. Почти на всем своем протяжении дорога пересекает узкую, прижатую пустыней к морю прибрежную равнину.

Над равниной сверкает сине-голубое небо, она покрыта оазисами с зеленеющими полями, фруктовыми садами, виноградниками, пальмовыми и эвкалиптовыми рощами. Но обернитесь назад, в глубь страны: небо у горизонта желто-красное, матовое, пыльное. Там необъятные просторы Ливийской, почти бесплодной, пустыни. Оттуда дуют сильные суховеи — «гибли»,— несущие с собой огромные тучи раскаленного песка.

Такова Ливия, обширная территория, включающая в себя Триполитанию, Киренаику и Фессан. Площадь Ливии равна примерно территории Англии, Франции, Италии и Испании, вместе взятых. Но населения в этой стране лишь немногим больше миллиона человек. Вся экономическая жизнь Ливии сосредоточена на побережье. Там расположены крупнейшие города: Триполи, Бенгази, Мизурата, Дерна, Тобрук. Внутри страны лежат лишь оазисы — Куфра, Мурзук, Гадамэс, Зура...

Когда-то, в древние времена, Ливия славилась своими плодородными землями. Ныне страшным врагом ее сельского хозяйства является пустыня. Ежегодно пески захватывают тысячи квадратных километров пригодной для обработки земли.

Только там, куда пустыня не может достать своим палящим дыханием и песчаными бурями, обильно произрастают многочисленные культуры. В прибрежных районах Ливии растут пшеница, ячмень, кукуруза, табак, виноград; из фруктовых пород — финики, оливки, апельсины, лимоны, миндаль.

Но не география мешает Ливии выйти на широкую дорогу экономического процветания: есть другие, более важные факторы, которые обусловливают отсталость экономики страны и нищету ее народа. Занимая важное стратегическое положение на путях в Центральную Африку, Ливия всегда была ареной столкновения крупных колониальных держав.

Население Ливии никогда не знало покоя, постоянно страдало от опустошительных набегов завоевателей. В XVI веке в страну вторгаются турецкие полчища. В 1911 году Турция была вытеснена более сильным государством—империалистической Италией. Фашистские правители делали все, чтобы превратить Ливию в покорную колонию империи Муссолини.

В 1942 году, в ходе второй мировой войны, Триполитания и Киренаика были заняты британскими войсками. Английская оккупация открыла одну из мрачных страниц в истории Ливии.

В ТРИПОЛИТАНИИ

Машина мчится по гладкому полотну шоссейной дороги. От аэродрома «Кастель Бенито», где мы приземлились, до города Триполи около двадцати километров. По обеим сторонам дороги мелькают заброшенные фермы итальянских поселенцев, приведенные в негодность во время войны оросительные колодцы, над ними торчат ветряные двигатели с обломанными крыльями. Впрочем, некоторые из ветрянок еще работают, непрерывно качая на поверхность земли живительную влагу. Там, где сохранился колодец, сохранилась и жизнь...

Триполи — основной город и главный порт Триполитании, центр ее экономической жизни. Здесь сосредоточены почти все промышленные предприятия, значительная часть которых не работает сейчас из-за отсутствия сырья и рынка сбыта.

Красива приморская часть города, расположенная амфитеатром возле самого порта. Искусно выстроенная каменная ограда украшает озелененную набережную. Здесь очень часто можно видеть людей, продающих прекрасные пестрые ковры. Это жители отдаленных уголков страны приносят плоды трудов своих рук. Ковры — очень ходкий товар среди английских и американских офицеров, которые скупают их за бесценок у арабов и отсылают домой.

На центральной улице города вы часто натыкаетесь на дома, огороженные колючей проволокой. Проволочными заграждениями обнесены все административные помещения оккупационных войск, занявших лучшие здания города. Во дворах стоят военные машины с надписью «милитари полис» (военная полиция). То и дело въезжают и выезжают автомобили с патрулями, которые днем и ночью рыщут по городу.

Нам пришлось видеть в Триполи и картинки, ставшие типичными для многих стран, где существует режим англо-американской оккупации. Английские и американские солдаты разъезжают по улицам в открытых военных автомобилях. Вот с криком, рассыпаясь во все стороны, бежит толпа народа. Что это? Разгон демонстрации? Нет. Это потешаются чины оккупационных войск, пристающие к прохожим.

Один пьяный офицер развлекается игрой в футбол, гоняя по улице собственную форменную фуражку...

Оккупировав Ливию, английские военные власти стали прибирать ее к своим рукам. Для этого они, вопреки желанию местного населения, оторвали Триполитанию от Киренаики. Все дороги, связывающие обе эти части Ливии, охраняются усиленными пограничными заставами из войск внутренней охраны английского ставленника эмира Киренаики, Синусси. Разумеется, войска находятся под командой английских офицеров. Таким образом, путь из Триполитании в Киренаику закрыт на английский замок.

Это разделение подорвало экономику страны. Особенно пагубно оно сказалось на населении Триполитании, которое лишилось возможности в засушливые годы, каким был в частности 1947 год, перегонять свой скот на пастбища Киренаики.

За шестилетний период английской оккупации страна лишилась большей половины поголовья скота. Чтобы не умереть от голода, крестьяне забивали скот на пищу, много пало его из-за отсутствия кормов, часть была продана за бесценок английской администрации. Большинство населения обнищало до такой степени, что вынуждено перекочевывать в Тунис или окольными путями пробираться в Киренаику, в надежде найти работу, хлеб, пастбище для стад. Семьи, не имеющие верблюда, отправляются в далекое странствование пешком, и многие умирают по дороге от голода и жажды.

Торговля не только с соседними странами, но и между Триполитанией и Киренаикой монополизирована англичанами и фактически невозможна для ливийцев. Это одна из причин небывалого сокращения количества продовольствия и товаров в стране. Английские власти захватили в свои руки все отрасли производства. Закрытие многих местных предприятий породило массовую безработицу.

Для окончательного раздела Ливии английские колонизаторы ввели в Киренаике египетские фунты, а в Триполитании — так называемые «оккупационные лиры», изъяв из обращения итальянскую лиру. Эта английская денежная «реформа» лишила основную массу населения средств к существованию. За шесть с лишним лет британского правления жизнь вздорожала более чем в десять раз по сравнению с довоенным временем. До войны квинтал (около 100 кг) ячменя стоил 80—90 лир, а сейчас — 3 тысячи оккупационных лир, да и достать ячмень можно только на черном рынке. Один баракан (верхняя одежда арабов) стоил 60—70 лир, а теперь — 800—900 лир.

Хозяйничание английских властей не могло не вызвать возмущения населения Ливии. В Триполитании и Киренаике стали все более частыми случаи открытого протеста. Негодование народа доходило до такой степени, что в феврале 1948 года население Триполи забрасывало камнями английские автомашины с войсками. Раздавались крики: «Убирайтесь вон из Ливии!».

Приказом английского главного администратора Триполитании в стране было введено чрезвычайное положение. По улицам города беспрерывно патрулировали отряды английских войск. Они разгоняли людей, избивали, арестовывали. Все тюрьмы Триполи были переполнены «бунтовщиками».

В СЕЛЕНИЯХ ТРИПОЛИТАНИИ

После двух недель пребывания в Триполи мы решили ознакомиться с остальной частью страны и, в частности, с жизнью сельского населения.

И вот мы вновь на трансливийской магистрали.

По этой дороге прогремела военная буря, принесшая с собой новых колонизаторов — англичан. Только груды исковерканных и ржавых автомашин, танков и орудий, валяющихся по обочинам дороги, свидетельствуют о днях войны. Теперь дорога полностью отремонтирована. По ней быстро мчатся английские и американские автомобили с войсками, с ревом проносятся вооруженные мотоциклисты.

Влево от дороги, по выжженной солнцем желтой пустыне, медленно плетется костлявый, облезлый верблюд. За ним идут, опустив головы, с изможденными лицами, обвешанные тряпьем люди. Женщины несут за плечами детей. Люди движутся на почтительном расстоянии от дороги: они хотели бы быть незамеченными.

— Куда идут они? — спрашиваем мы у своего проводника Ахмеда, молодого, энергичного араба.

Мы выходим из машины. Заметив наше приближение, арабы испугались и подались в сторону. Проводник дружелюбно окликнул их, и они остановились.

— Из какого кабила (племени)? — спросил Ахмед.

Арабы тревожно переглядывались и молчали.

— Куда идете?

— Мы из племени Уляд Амер, идем к границе Туниса,— ответил седой шейх (глава племени).— Нельзя дольше оставаться дома: там можно только умереть. У нас уже нет ничего, на что можно было бы жить. Все продано на питание. Мое племя разбежалось во все стороны. Мы уходим последними...

Продолжая свой путь, мы увидели в стороне большое селение, наполовину занесенное песком.

— Это Мизда,— сказал проводник,— здесь живет очень большое племя Зинтань. Дорога туда есть, но только очень плохая.

На площади селения собралась большая толпа народа. Люди завернуты в грубую шерстяную ткань. Почти все босые. Увидев нашу машину, они стали выкрикивать: «Хоррия!» (свобода).

Перед нами стоял высокий, худой, с гноящимися глазами араб.

— Раньше,— рассказывал он,— в районе селения Мизда проживало двадцать семь тысяч человек. Около пятнадцати тысяч ушли, куда глаза глядят, чтобы спастись от голодной смерти. Шесть тысяч умерло от голода и болезней, остальные смогут прожить не более года на «паек», который выдают англичане.

— Какой же это вы получаете паек? — спросил я собеседника.

— Шесть кило ячменя или маиса в месяц на семью. Но из этого вы должны продать килограмма два, чтобы выкупить остальные четыре. А потом немалую часть надо скинуть на песок, который англичане умышленно всыпают в зерно. И вот — остается килограмма три, не больше...

В селении Гариан один молодой араб, жалуясь на свою судьбу, сказал:

— Мне 27 лет, до войны я был шофером, сейчас без работы. Вот уже пятый год, как у меня в кармане не было и десяти лир. Я отдаю часть своего пайка тому, кто выкупит его за меня. Из селения ушла треть людей. Женщины не могут появляться из дому, потому что у них нет одежды...

В селении Рианна один торговец сказал нам, что он не имеет сейчас ни дохода, ни товаров. До войны его магазин был наполнен товарами, которые он свободно привозил из соседних стран. Теперь же магазин его пуст, а сам он занимается распределением «пайка».

В помещение торговца вошел пожилой, с решительным выражением лица, человек, завернутый с ног до головы в черную рваную ткань, которая в военные годы употреблялась для палаток. Рубище едва прикрывало его наготу. Человек этот принадлежал к племени Магарба. Он заговорил о невыносимых условиях жизни. Его семья состоит из двенадцати душ: его самого, жены и десяти детей. Недавно один ребенок умер от голода.

— Это тюрьма, а не жизнь! — воскликнул он.— Я буду бороться до тех пор, пока мы не получим свободы. Иначе мы всю жизнь будем заключенными.

ПЕЩЕРЫ ГАРИАНА

После недельной поездки по стране мы возвращались обратно в Триполи.

— Не хотите ли посетить еще вот то селение? — сказал проводник и указал в сторону невысоких холмов.— Там вы увидите то, чего может быть не видели ни разу в жизни.

— Где же это селение? — спросил я.

— О! Его отсюда не видно, хотя оно и совсем близко. Оно под землей,— как бы шутя, ответил Ахмед.

БЫТ И НРАВЫ

АМЕРИКАНСКИЙ МЕТОД ВОСПИТАНИЯ

Американская школа в немалой мере способствует отравлению сознания детей ядом шовинизма, расовой ненависти, милитаризма. Вся система школьного воспитания отгораживает детское сознание от проклятых вопросов капиталистической действительности и уводит ребенка в мир религиозной мистики, жажды богатства и в конце концов гангстерства.

Не удивительно, что в этих условиях среди американских школьников растет хулиганство, переходящее в уголовщину. Плоды подобной системы воспитания иллюстрирует следующий факт, случившийся в городе Филипсбурге (штат Пенсильвания).

Как известно, крепостник Фамусов из комедии Грибоедова «Горе от ума» лишь мечтал о том, чтобы «собрать все книги да сжечь». В сравнении с двумя 14-летними филипсбургскими школьниками Фамусов — лишь мелкий ремесленник. Эти два будущих гангстера, пользуясь преимуществами свободной продажи в США взрывчатых веществ, решили покончить с просвещением в Филипсбурге более действенным средством — динамитом. С этой целью они устроили подкоп под здание своей школы и заложили туда ни много, ни мало 180 зарядов динамита. Их замысел взорвать школу был уже близок к осуществлению, когда проходившие мимо рабочие, заинтересовавшись происходящим, задержали начинающих бандитов.

ПОД ОПЕКОЙ ДОЛЛАРА

Проливая крокодиловы слезы по поводу участи американских индейцев, загнанных в так называемые «резервации», газета «Денвер пост», издающаяся в штате Колорадо, писала: «В субботу начинается рыбный сезон, и до его закрытия уже больше не будет голодающих или недовольных индейцев». Разболтавшаяся желтая газетка делает ценное признание, но не договаривает до конца.

Индейцы в США голодают круглый год, в том числе и в период «рыбного сезона». «Мы могли бы ловить рыбу летом,— пишет в газете «Дейли уоркер» индеец из резервации Пайн Ридж (Южная Дакота) Джим Блю Бирд,— но мы не имеем долларов, чтобы приобрести специальное разрешение,— поэтому мы голодаем». По свидетельству Блю Бирда, многие

ЗА РУБЕЖОМ

семьи его соотечественников изо дня в день ложатся спать голодные, имея на ужин только... воду.

На все индейское население штата Южная Дакота имеется только одна больница на 35 коек, которая расположена в крайнем юго-восточном углу резервации. К услугам тысяч индейцев, разбросанных на площади в 500 квадратных миль, только один врач.

Так называемая «правительственная помощь» индейцам составила 5 тысяч долларов, розданных 10 тысячам человек индейского населения. В свое время индейцы из резервации Пайн Ридж обращались к членам конгресса с петицией. «Из-за вашего нежелания действовать,— писали они,— наш народ будет скоро полностью уничтожен...»

Однако и после этого никаких мер со стороны правительства не последовало.

БАНДИТИЗМ ПО РАДИО

Пропагандой всякого рода уголовщины заполнены многие программы американского радиовещания. «Американское радио,— вынужден заявить журнал «Лайф»,— выстреливает каждую неделю в своих слушателей по меньшей мере 80 передач ужасов и кровопролитных преступлений». Вот содержание некоторых из них:

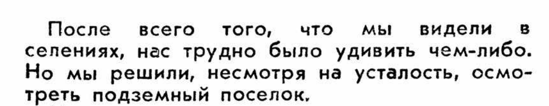
В передаче «Настоящий детектив» «оскорбленный» слон, которого кормили почему-то жевательным табаком, мстит своему хозяину, убившему цирковую танцовщицу. В передаче «Таинственный дом» некая «заколдованная» скрипка умерщвляет цыганку. Затем кошка нюхает смычок от скрипки и немедленно издыхает, так как смычок натерт канифолью, содержащей яд.

В радиокомпозиции «Тени» сумасшедший доктор убивает свою пациентку, прячет труп в шкаф, бежит на второй этаж госпиталя, выбрасывает там из окна больного старика и сам выпрыгивает вслед за ним. Вслед за тем была передана композиция о двух убийцах, расправившихся со своим партнером с помощью пилы и паяльной лампы. Звук пилы, отпиливающей ногу, и нечеловеческие крики жертвы в точности были воспроизведены актерами, работавшими в радиостудии.

Прямым следствием такой разнузданной пропаганды гангстеризма является колоссальный рост преступлений среди молодежи. Еще в 1946 году органы юстиции США отмечали, что количество преступлений, совершенных молодежью, возросло на 350 процентов по сравнению с 1941 годом. Согласно данным Федерального бюро расследований, в 1948 году в США было совершено 1 665 110 различных уголовных преступлений.

Как видно, пропаганда грабежа и убийства приносит свои плоды...

После всего того, что мы видели в селениях, нас трудно было удивить чем-либо. Но мы решили, несмотря на усталость, осмотреть подземный поселок.

Мы отъехали метров двести от дороги и пешком уже поднялись на невысокий холм. На его вершине была вырыта квадратная яма глубиной в 5—6 метров.

— Это один из старейших «домов» селения Гуам,— начал проводник,— а дальше вы увидите сотни таких «домов». Одни из них построены несколько тысяч лет тому назад, другие — совсем недавно. Разницы между ними нет никакой. Здесь живет семейство Мухаммеда-бен-Халифа, потомка воинственного племени Ахмед Воуд — оно отчаянно боролось с турецкими поработителями. Вот это двор,— указывая на яму, продолжал проводник,— и все, что вы видите во дворе, составляет «богатство» семейства.

Кроме кучи хвороста, ржавой бочки и банки из-под машинного масла во «дворе» ничего не было. В высоких, осыпавшихся стенах ямы виднелись входы в жилища.

Ахмед подвел нас к темному отлогому тоннелю. Осторожно ступая по истертым земляным ступенькам, мы спустились во «двор». Наш проводник окликнул хозяев «дома». Из одной темной пещеры показалось и обратно исчезло испуганное лицо женщины. Через несколько минут из подземелья вышел глава семейства, пожилой, с приятным выражением лица человек. Когда он узнал от проводника, кто мы такие, на его смуглом лице просияла радостная улыбка.

— Сталинград! — воскликнул он.

Мы молчали, пораженные этим словом, прозвучавшим здесь, среди пещер, в глухом селении Ливии.

— Да,— продолжал хозяин подземной норы,— мы слышали о вашем славном городе и о ваших храбрых солдатах. Они спасли мир от рабства. Мы тоже мечтали: кончится война, и мы сможем выбраться из-под земли, на свет божий. Но вместо свободы пришли англичане. Они засели у нас, опустошили наши города и селения. Наши голодные люди рыщут по песчаным дорогам в поисках хлеба и работы... Да, мы помним и никогда не забудем Сталинград!..

Боевая слава великого города-героя дошла до пещер Гариана, живет среди народа Ливии. Любовь и уважение простых людей этой порабощенной страны к Советскому Союзу, к вождю народов товарищу Сталину мы потом могли отмечать везде и во всем. Проезжая по городам и селениям Триполитании, мы часто видели на стенах больших кирпичных зданий и маленьких лачуг изображение серпа и молота и слово «Сталин»...

Мухаммед-бен-Халиф пригласил нас войти в его жилище. В пещере было так темно, что вначале мы не могли ничего разглядеть. Освоившись, мы увидели, что подземная «комната» была пуста. Голые стены и потолок черны. Виднелось земляное возвышение, служившее кроватью. На «кровати» лежала покрытая тряпьем больная женщина. Возле больной сидели полураздетые дети. Посреди комнаты стояла корзина из пальмового листа. Хозяин объяснил нам, что изготовление корзин — единственный источник его дохода...

Несмотря на неслыханно тяжелые условия жизни триполитанцев, британская военная администрация старается выжать из них побольше денег и пота. Английские военные власти облагают население непосильными налогами. Ими облагаются не только земля, но и весь скот и пальмовые деревья. До войны ливийский крестьянин платил за одно пальмовое дерево 60 сантимов налога, теперь — 7 лир. За одну овцу до войны взималась одна лира, теперь — 24.

Изобретательность оккупационных властей по части выжимания налогов не имеет границ. Три процента годового дохода ливийцы платят с мелкой торговли и ремесла, столько же — за проданных на рынке домашних животных. Налог за продажу овощей, фруктов и зерна составляет пять процентов. Стоит жителю Ливии завести повозку, и он уже должен платить англичанам специальный налог.

Целые районы страны охвачены повальным голодом. И вот английские военные власти решили однажды проявить «заботу». В больших селениях голодающих районов были одно время открыты «суп-киченс», кухни, где выдавали суп. Однако доставался он далеко не всем: только один из трех членов семьи мог его получать. Житель селения Регдалин сказал нам, что на «кухне» выдают маленький кусочек хлеба и воду, кипяченную с перцем, от которой еще сильнее одолевает голод...

Впервые находясь в бесправной колонии, мы, советские люди, долго не могли придти в себя от гнетущего впечатления, вызванного бедствиями народа, которые мы увидели.

В Триполи, в гостинице, где мы жили, английские и американские офицеры справляли очередную пирушку. А на улице, возле гостиницы, молча стояли оборванные нищие и калеки. Шумный, визгливый джаз, разносившийся по всему зданию гостиницы, создавал невыносимый контраст с этим молчаливым зрелищем горя и нищеты.

Заходящее весеннее солнце заливало все вокруг щедрым светом. Но на лицах триполитанцев не было ни радости, ни веселья. Их голодные глаза с тоской всматривались в каждого нового прохожего. У нашей машины стояла старуха. Увидев нас, она пошла к нам.

— Вы русские? — оглядываясь по сторонам, тихо спросила старуха.

— Да, мы русские.

Старуха подошла к нам ближе и, раздвинув отвороты своего изорванного пальто, показала нам значок с портретом Сталина.

— Вот кто наша надежда! — тихо, со слезами на глазах сказала старуха.

И она долго рассказывала нам о своей жизни. Она поведала о том, как английские солдаты без всякой причины избили и посадили в тюрьму ее единственного сына, который томится в заключении уже свыше года; о том, как ее шестидесятилетний муж не может найти работы; и о многом другом, что так типично для нищей и бесправной жизни подавляющего большинства населения Триполитании...

В КИРЕНАИКЕ

Ранним утром мы покинули Триполи и взяли курс на Бенгази, главный город Киренаики.

Голая песчаная пустыня постепенно сменяется бедными оазисами, у которых приютились небольшие селения. Шоссе, как растянутая спиральная пружина, лениво вьется между невысокими холмами. Сыпучие пески часто заметают полотно магистрали. Чем дальше движемся мы на восток, тем чаще встречаются следы войны: окопы, противотанковые надолбы, разбитая военная техника.

Граница Киренаики. Огромный шлагбаум преграждает нам путь. На дороге стоят вооруженные «пограничники». В обе стороны от нее протянуто проволочное заграждение. Неподалеку от шоссе высится здание «пограничной заставы». По сигналу часового к нам подходит английский офицер. После короткого разговора он удаляется запрашивать для нас по телефону «визы»...

Пейзаж Киренаики много оживленней и разнообразней триполитанского. Зеленеют поля, пасутся отары овец и рогатого скота, по дорогам тянутся караваны верблюдов. Почти вся прибрежная территория страны покрыта растительностью.

Яркое солнце бросает из-за дождевой тучи на дорогу ослепительные лучи, и гладкое, наезженное полотно магистрали напоминает огненную реку. Мы въезжаем в длинную, зеленую эвкалиптовую аллею. За аллеей большие озера: это соляные промыслы. По длинному лабиринту дорог, проходящих между озерами, мы приближаемся к Бенгази.

Город Бенгази сильно разрушен. Груды кирпича и исковерканного железа придают ему мрачный вид. Нас поразили огромные массы немецких военнопленных, разгуливающих по улицам. Это одна из «деталей» английской оккупации.

Отремонтированные дома сплошь заняты британской военной администрацией. Свежестью покраски и архитектурной пышностью выделяется и резиденция эмира Киренаики, Саида Идриса эс-Синусси. Над нею поднят черный «государственный» флаг Киренаики. Тут же, над административными зданиями оккупационных властей, вывешены английские флаги. Британский флаг развевается и над пароходом, на который завтра будут погружены тысячи овец, скупленных по дешевке английскими агентами.

МИЧУРИНЕЦ БАХТАДЗЕ

С. БОРИСОВА

Чай — древняя и вместе с тем юная сельскохозяйственная культура. Древняя потому, что ее сотни и сотни лет возделывают на плантациях Китая и Индии; юная потому, что она сравнительно недавно выращивается на Черноморском побережье Кавказа.

Еще не так давно чайный куст считался консервативным, не поддающимся воздействию растением. Иноземные специалисты не раз пытались получить новые сорта чая. Над этой задачей бились и на Цейлоне, и в Индии, и на Яве. Бились и отступили, объявив: изменить это растение человеку не по силам. Единственное, что остается делать,— размножать уже существующие формы.

И когда доктор сельскохозяйственных наук, ныне лауреат Сталинской премии, Ксения Ермолаевна Бахтадзе решила создать новые селекционные сорта чая, многие с улыбкой качали головой и демонстрировали «солидные» зарубежные научные журналы, где подробно описывались многочисленные, но — увы!—безрезультатные опыты.

Однако разубедить советского селекционера не удалось. К. Е. Бахтадзе оказалась человеком неробкого десятка. Она тщательно исследовала капризное растение, упорно анализировала опыты, произведенные ранее с этой культурой, и скоро обнаружила ошибку своих неудачливых предшественников. Исходя из порочного учения Менделя, эти предшественники упорно цеплялись за так называемый метод «чистых линий»,— иначе говоря, старались изолировать один вид чая от другого, не допускали смешения пыльцы одного сорта с пыльцой других форм и сортов. Это положение, доказала Бахтадзе, совершенно неправильно, чай — перекрестник, он нуждается для своего развития в пыльце других сортов.

В 1938 году Ксения Ермолаевна побывала в Одесском институте селекции и генетики, где беседовала с академиком Лысенко.

— Трофим Денисович Лысенко, — говорит Бахтадзе, — первым указал мне и многим другим на учение Ивана Владимировича Мичурина, как на сокровищницу неисчерпаемых возможностей в области создания новых полезных форм растений.

Длительные наблюдения и кропотливые опыты окончательно убедили Бахтадзе в правильности избранного пути — пути, проложенного великим ученым-биологом И. В. Мичуриным. Его методы воспитания растений легли в основу работ Бахтадзе. Она отбирала лучшие чайные кусты, собирала и высевала семена самых ценных сортов. Требования, предъявляемые ею к растению, были очень высокими. Куст должен быть хорошо развитым, с нежной, мягкой и обильной листвой. Он должен слабо цвести и давать мало семян.

Затем на опытных участках чаквинских плантаций, под Батуми, Ксения Ермолаевна в течение многих лет смело скрещивала растения, привезенные из различных географически отдаленных пунктов. Она опыляла цветы по мичуринскому методу смесью пыльцы различных лучших сортов, а затем направленно воспитывала молодые растения.

И это принесло первый успех. Оказалось, что в раннюю пору своего развития чайный куст быстро приспосабливается к местным условиям. Внешняя среда формирует его. Свойства, приобретенные в юном возрасте, закрепляются и передаются потомству.

Лауреат Сталинской премии доктор сельскохозяйственных наук Ксения Ермолаевна Бахтадзе.

Гибрид, полученный при скрещивании индийского чая с китайским, оказался лучшим из всех. На нем и остановила свой выбор Бахтадзе. Она жестоко выбраковывала экземпляры хотя бы с малейшим изъяном и сохранила из многих тысяч высаженных кустов восемьсот, которые и послужили «родоначальниками» нового сорта чая. В свою очередь и эти избранники подверглись суровому экзамену — отбору. Выдержали испытания и перешли на следующий «курс» только 150 кустов-двухлеток.

Неутомимый исследователь-новатор, К. Е. Бахтадзе уделяет огромное внимание агротехнике. Чем лучше агротехника, тем выше урожайность.

Ксения Ермолаевна часто повторяет слова Мичурина, что при должном воспитании и от дикой яблони можно получить культурную. Без соответствующего воспитания и самая культурная яблоня способна быстро утерять все свои ценные, положительные качества. На передовой агротехнике основаны предложенные ею методы получения высококачественного семенного материала.

Грузинские чаи, выведенные К. Е. Бахтадзе, осенью прошлого года были утверждены государственной комиссией по сортоиспытанию. Но еще до этого началось широкое производственное размножение отечественных селекционных сортов. Плантации, заложенные в Натанебском чайном совхозе, в недалеком будущем дадут хороший урожай.

Так родились первые в мире новые селекционные сорта — Грузинский № 1 и Грузинский № 2. Они обладают многими замечательными качествами и по урожайности значительно превосходят мировые стандарты. Листья крупные и нежные. Кусты высокорослые, что весьма облегчает сбор чая. Новые сорта на плантациях Грузии нередко дают по 10—12 тысяч килограммов листа с гектара. Это в три с лишним раза больше того, что в лучшем случае снимают в старинных чайных районах Индии и Цейлона. Анализ показал, что новые сорта содержат таннина и экстрактивных, ароматических веществ больше, чем старые.

Когда Ксению Ермолаевну спрашивают, как ей удалось добиться столь блестящих показателей в то время, как за рубежом селекция чая зашла в тупик, она отвечает:

— Фундамент моей работы заложен исследованиями выдающихся биологов нашего времени — Мичурина и Лысенко.

Сталинская премия первой степени, присужденная Ксении Ермолаевне Бахтадзе за создание новых отечественных высокоурожайных сортов чая и за научные исследования по биологии, селекции и семеноводству чайного растения, — достойная награда за творческий, плодотворный труд. Работы Бахтадзе — яркое свидетельство действенности и силы советской агробиологии, смело переделывающей природу самых «упрямых» растений. Работы советского селекционера развивают мичуринское учение, открывают новые возможности перед сельским хозяйством.

Ксения Ермолаевна полна широких замыслов. Ее заветная цель — создать новые сорта чая для северных и высокогорных районов.

В Советской стране «древний» чай омолодился. В его «биографию» женщина-ученый вписала новую главу. И можно не сомневаться, что не за горами время, когда заморский гость, который обрел вторую родину на Черноморском побережье, двинется дальше, на север, в новые сельскохозяйственные районы нашей страны.

Звеньевая колхоза имени Сталина, Кобулетского района, Айше Жижавадзе (справа) и ее дочь Гулико ежедневно собирают по 100 — 150 килограммов чайного листа.

Грузинский ЧАЙ

На чайных плантациях горячая пора. С зари допоздна идет сбор молодого зеленого листа. На снимке № 1 запечатлен момент сдачи листа, собранного передовой сборщицей Галиной Чхартишвили.

Чайный лист взвешен, на машинах его везут с плантации на Чаквинскую фабрику (снимок № 2). Здесь конвейер подает лист на сушку в завялочный цех (снимок № 3).

Затем лист на сложных машинах-роллерах скручивается и раздавливается (снимок № 4). Отсюда он поступает в специальное ферментационное отделение, в котором он теряет свою зеленую окраску, приобретает коричневый цвет и становится ароматным.

В лаборатории (снимок № 5) качество чая определяют дегустаторы Э. Гуриелидзе и Т. Махарадзе.

В ящиках байховый чай доставляют на чаеразвесочную фабрику, где его расфасовывают в пачки со знакомой всем надписью — «Грузинский чай» (снимок № 6).

Фото М. КВИРИКАШВИЛИ

1

2

3

4

5

6

Жизнь песни

На пятой олимпиаде самодеятельного искусства Молдавской ССР. Вокально-хореографическая сюита «Дорога к счастью» в исполнении художественного коллектива бендерского Дома культуры.

Фото С. Гальперина

К. ОРЛОВСКИЙ

Как описать жизнь песни народной? Кто первый сложил ее, кто спел первые такты ее мелодии? Недавно мы не только услышали, но и увидели, как рождается народная песня.

Наша машина шла под ветвями могучих лип, ограждающих дороги в Сорокском районе Молдавии. Прекрасна эта земля между Днестром и Дунаем! Героичен и в прошлом многострадален народ правобережья Днестра, и слишком краток советский период его истории. Здесь еще внове колхозный строй.

Там, где мы увидели, как рождается песнь, — по левую сторону дороги, — словно обнажившееся дно прошлого, пестрели узко и часто нарезанные полоски земли с низкими, запоздалыми всходами. В глазах рябило от непривычной чересполосицы. А по правую сторону широко разлилось колхозное поле. Высокой золотой стеной колосилась пшеница, ростом едва не по плечо человеку. Стоял молдаванин у края дороги, опершись двумя руками на сучковатую палку, и пел. Остановили машину, разговорились, спросили, о чем поет. Он сказал, что поет о тяжелом колосе нового колхозного поля и о бедном колоске на мелко вспаханной полоске единоличника.

— Разве уже есть такая песнь? — удивился наш спутник, молдавский поэт.

— Нет,— покачал головой песнопевец. — Это — только начало...

— Он ее сочиняет, — сказал поэт, выслушав песнопевца.

Встреча на дороге вспомнилась нам, когда в Кишиневе мы слушали в Государственной Молдавской капелле «Колхозную рапсодию» на слова поэта Л. Корняну. Поэт рассказал нам, как узнавал свои стихи в песнях, распеваемых по колхозам, и как другие его стихи рождались из песен, услышанных им в народе. Так родились и слова «Колхозной рапсодии». Он слышал их где-то в народе, записал, заключил в поэтическую строфу, подобно тому как композитор С. Златов положил в основу «Рапсодии» мелодии одной из молдавских дойн.

Дойна — это песня. Дойн так много, что кажется, будто их столько же, сколько поющих девических уст в Молдавии. Они разнообразны, как полевые цветы. Мелодии их так тонки, неожиданны, искусны, словно каждая из дойн — плод вдохновения и труда великого мастера. Ни одна из них не повторяет другую. Но в каждой — и это неизменно во всех!— грустная, лирическая мелодия вступления сменяется солнечными звуками веселья.

Так и «Колхозная рапсодия», отдавая дань традиционной форме национальной молдавской песни, начинается лирической печальной мелодией. Спустился вечер и навеял грустные воспоминания о тяжелом прошлом народа. Но вот колхозная бригада возвращается с виноградников. Радуется душа при мысли, как много сделано за день. Сейчас соберутся парни и девушки, начнется веселый «жок» (общее игрище). Так приглашайте же, пар-

Государственная молдавская капелла «Дойна». Руководитель капеллы — заслуженный артист Молдавской ССР М. Брозденюк

Фото В. Евграфова

ни, девушек на веселую «сырбу» (танец)!

Национальная форма дойн осталась нетронутой. Но как изменилось их содержание! Как и прежде, вторая часть любой новой дойны сейчас радостна и весела, но раньше в ней певец призывал верить в грядущее, звал к борьбе и вселял надежду, а сейчас это мелодия настоящего, песнь о сегодняшнем радостном дне!

Государственная Молдавская капелла названа «Дойной». В будущем году ей исполнится двадцать лет. Она родилась в 1930 году на берегу пограничного Днестра, в Тирасполе, и ее первые песни перелетали через опаловые воды реки на сторону тогда еще подневольной части Молдавии. Но только в 1940 году ее впервые услышали в Кишиневе, услышали в освобожденных и возвращенных матери-родине районах правобережья.

Нынешний руководитель «Дойны», заслуженный артист Молдавской ССР М. Брозденюк связан с капеллой почти два десятилетия, с момента, когда из кружков художественной самодеятельности была создана хоровая студия. Брозденюк начинал тогда рядовым хористом.

Харлампий Урсаки играет на флуере.

Когда в Кишиневе мы расспрашивали о самых отдаленных, «глубинных» районах Молдавии, нам часто давали совет: «Об этом вам лучше всего спросить у кого-нибудь в «Дойне».

И впрямь, капелла оказалась настоящей сокровищницей любых сведений о жизни народа. Не было ни одного, самого малого села в этой республике, о котором мы не смогли бы услыхать подробный рассказ от того или другого артиста «Дойны». Удивляться не приходилось: ведь в «Дойне» собраны представители чуть ли не всех районов Молдавии! «Дойна» странствует из района в район, из колхоза в колхоз, из села в село — кому же, как не певцам «Дойны», вышедшим из народа, поющим и живущим среди него, знать его жизнь!

Странствуя по республике, «Дойна» не только несет высокую музыкальную культуру в народ, но и сама непрестанно впитывает в себя песни народа. Она как бы собранный воедино песенный глас Молдавии.

Правда, в ее репертуаре и мастерски исполнямые «9-я симфония» Бетховена, и «Александр Невский» Прокофьева, и «На поле Куликовом» Шапорина, и русские и украинские народные песни, но вершина ее чудесного творчества, но слава ее — «дойны»!

Композиторы и поэты Молдавской республики так тесно связаны с этой капеллой, что их не отделить от нее. Конечно, они пишут не только для «Дойны». Кроме песен, виднейший композитор Молдавии С. Няга создал симфоническую «Поэму о Днестре», «Дойну для гобоя», концерт для скрипки с оркестром, много других симфонических произведений. Композитор Н. Пономаренко, чьи песни занимают одно из важных мест в репертуаре капеллы, является автором «Сюиты Молдавской» и нескольких камерных концертных произведений, а старейший композитор Молдавии Е. Кока написал недавно симфонию «Поэма о Сергее Лазо» и работает над первой молдавской оперой «Борис Гловань» — о юном молдаванине-краснодонце, члене «Молодой гвардии»...

«Анул патру зечь ши ну» — «Год 1941-й» — так называется одна из дойн в обработке Пономаренко. Поэт Корняну перевел ее, и мы подивились стройности и завершенности поэтических строф. В строе стихов чувствовалось искусство поэта. Ритмическая красота строки буквально сверкала! Мы спросили об авторе.

— Народ, — ответил Корняну.— Имя автора никому неизвестно.

Другая виртуозно написанная веселая песенка «Вот так-так», искрящаяся, как золотое молдавское вино, казалась созданием большого мастера, безукоризненно владеющего техникой композиции. Музыку и этой песни сочинили в народе. Ее записали в одном селе в том самом виде, в каком мы только что ее слушали. Обнаружили ее в советской части Молдавии, когда правобережье было еще отторгнуто.

Но вот и на освобожденном правобережье открывают новые дойны. Одна из них, «Фоайеверде дерогоз» («Лист зеленый степной травы»), записана со слов сказителя Д. Карабуля из села Мерешень:

Лист зеленый этой степной травы,
Жизнь хорошая в этом степном колхозе,
Кто проворен в труде, кому люб труд,
Тому жить хорошо в колхозе...

Это уже — отражение трудовых процессов, новых для той части Молдавии, которая сейчас приобщается к строю колхозной жизни.

В Государственной молдавской «Дойне» поет 50 певцов, но скоро их будет 80.

Кем же пополняется этот талантливый хор, состоящий из артистов с чудесными голосами и богатой музыкальной культурой?

— Попросите Урсаки, — сказал директор Кишиневской филармонии С. Ковун.

Через некоторое время в комнату вошел хрупкий смуглолицый молодой человек. Это и был Харлампий Урсаки, чабан из села Рубленцы, Сорокского района Молдавии. В 1946 году он приехал в Кишинев на олимпиаду художественной самодеятельности со своим флуером — дудочкой из бузины, вроде свирели.

— Сыграй,—попросил С. Ковун.

Урсаки извлек из кармана флуер и быстро поднес к губам. Великолепный, сложнейший строй мелодических звуков, какое-то праздничное, волшебное многозвучье наполнило комнату. Трудно было поверить, что это чудо искусства совершено с помощью вырезанной из бузины дудочки! Перед нами был артист, художник, мастер, один из тех красивых людей, которые украшают землю нашей родной страны...

Урсаки оставили в Кишиневе, направили в Музыкальное училище обучаться игре на кларнете. Но со своим флуером Урсаки выступает и по радио и в концертах. Флуер его записан на пленку, на граммпластинки.

Когда Урсаки ушел, С. Ковун сказал:

— Вот вам ответ на вопрос, откуда мы черпаем кадры для «Дойны», для нашего симфонического оркестра или ансамбля пляски. Из кружков самодеятельности! Ведь в Молдавии не найти села, даже самого малого, в котором не было бы кружков — музыкального, хорового, пляски.

В справедливости слов С. Ковуна убедились мы позже, путешествуя по Молдавии.

В последней, пятой, республиканской олимпиаде художественной самодеятельности в июне этого года участвовало 2300 народных певцов, танцоров и музыкантов. Песни, которые входят в репертуар «Дойны», пел на этой олимпиаде сводный хор из 2 тысяч певцов в праздничных национальных костюмах, горящих самоцветами вышивок. Некоторые участники этого огромного хора посланы в музыкальные училища, техникумы. Затем они будут петь в «Дойне».

Вот и пополнение молдавской капелле!

До освобождения правобережья музыканты и художники порабощенной части Молдавии жили в унизительной атмосфере провинциального, жалкого подражательства искусству буржуазного Запада и преклонения перед ним. Но искусство не может быть там, где не слышен голос народа, где его не питает народ. Нужен советский строй жизни, чтобы народ стал самим собой, чтобы песнь его расправила крылья. Таков общий закон жизни искусства. Таков закон жизни песни.

«Дойна» — это крепнущий голос Советской Молдавии. Она напоминает поющее дерево из сказки: его ветви тем шире и его плоды тем сочнее, чем глубже его корни уходят в родную почву.

Глубоки и полны соков жизни крепкие корни молдавской «Дойны».

Прекрасны солнечные ее плоды — песни.

Увлекательный, волшебно-прекрасный мир русской народной сказки оживает на выставке произведений К. Кузнецова (1886 — 1943), открытой в Москве, в выставочном зале Союза советских художников СССР.

Создавая свои композиции, Кузнецов как бы в графической форме ведет рассказ, сказывает сказку, в которой живут, веселятся и грустят бурый Мишка и Серый Волк, Лиса Патрикеевна и Котинька-Коток, Царевна Несмеяна и Медведь Липовая Нога.

Поворотным пунктом в творчестве К. Кузнецова была встреча с писателем Алексеем Николаевичем Толстым, который сумел подметить в рисунках художника на темы сказок большую потенциальную силу. А. Н. Толстой привлек Кузнецова к иллюстрированию сборника народных сказок. В этих рисунках четко выявились истоки кузнецовского мастерства — народное творчество.

Любимым приемом Кузнецова было гравирование на картоне, оттиски с которого он обрабатывал акварелью или пастелью.

В годы Великой Отечественной войны художник успешно работал над политическим плакатом.

К. Кузнецов умер в 1943 году в расцвете творческих сил. Но его имя и теперь хорошо знакомо советской детворе. Издательство детской литературы уже несколько раз переиздавало произведения Кузнецова на темы русских народных сказок. Здесь использовались не только уже печатавшиеся работы, но и большое число неопубликованных рисунков, хранившихся в папках художника.

К. Кузнецов «Лиса Патрикеевна».

Мастер исторического портрета

Н. ВОЛКОВ

Когда смотришь артиста Скоробогатова в темном зале кино, где на экране проходит фильм «Пирогов», или в чудеснейшем здании Ленинградского театра имени Пушкина, в спектакле «Полководец Суворов», хочется воскликнуть: «Какой умный талант!»

И в самом деле, в каком бы облике ни предстал перед нами Скоробогатов: в облике ли великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова или «гения войны» Александра Васильевича Суворова,— мы прежде всего видим, как пристально и зорко вглядывается актер в самую суть воплощаемых образов.

Да, конечно, и его Пирогов и его Суворов внешне очень схожи и с суворовскими гравюрами и с пироговскими фотографиями, но для Скоробогатова это сходство лишь необходимая, но не главная часть его сценических портретов. Главное состоит в том, чтобы правильно и верно ответить на вопрос: почему же драгоценны для нас имена этих выдающихся деятелей прошлого, почему мы так досконально изучаем их жизнь и дела, почему они являются для нас вечными современниками?

И Скоробогатов в Суворове (о чем преимущественно идет наша речь) играет прежде всего того, кто создал свою знаменитую «науку побеждать» — этот ключ к пониманию тех блистательных побед, какие одерживал чудо-полководец со своими чудо-богатырями.

В спектакле (пьеса Бахтерева и Разумовского) события сосредоточены на последнем, седьмом десятилетии жизни Суворова, на годах 1790—1800. Но Скоробогатов в этих рамках времени передает не физическую старость Суворова, а его молодую духовную страстность. И совершенно неважно, сколько лет Суворову — 60 или 70. Так неутомима его энергия, широка и кипуча мысль, так быстр в своих движениях этот неугомонный человек. И когда такой Суворов появляется среди войск, осаждающих неприступный Измаил,— как будто сноп света прорезает пелену зимних декабрьских туч.

Всюду, где Скоробогатов играет Суворова в окружении солдат, он по-настоящему народен. Среди своих суворовцев он только первый суворовец. Народ и полководец — тут одно целое. И по-народному метко звучат суворовские короткие речения, подобные метким выстрелам, и, как крупные зерна, — его отрывочные слова.

А среди екатерининских генералов, где-нибудь в потемкинском дворце, скоробогатовский Суворов выделяется какой-то особой простотой и жизненностью. Как легко было бы сбиться и здесь и в других сценах на курьезность, на те всевозможные чудачества, о каких сохранились бесчисленные анекдоты. Скоробогатов эту «анекдотичность» решительно отбрасывает. Ему важна лишь человеческая естественность, которая еще больше подчеркивает окружающую Суворова придворную фальшь и напыщенность. Как язвительно смотрит он на лица раззолоченных интриганов и шаркунов. Насквозь видит он всю пустоту и бессодержательность тех, для кого войны — лишь ступени их личной карьеры, славы, ловли чинов и почестей.

Скоробогатов превыше всего ценит в Суворове основную черту деятельной натуры — волю к победе, веру в неиссякаемые силы русского народа, горячую любовь к просторам родной земли. И все это не показное, не нарядное, все это от чистого сердца, и потому одной из основных красок на палитре Скоробогатова является скромность.

«Полководец Суворов» в Ленинградском театре имени Пушкина. В роли Суворова К. В. Скоробогатов.

Фото А. Гладштейна

В 1796 году на российском престоле Екатерину II сменил Павел. Суворову назначена аудиенция у этого коронованного поклонника прусских воинских порядков, бездушной шагистики и муштры, куцых прусских мундиров.

Эти мундиры Суворов до сих пор видел только со спины, когда хваленые фридриховские полки бежали от сокрушительного натиска русских войск; и ему горько и тяжело мириться с бессмысленными и вредными «нововведениями». И Скоробогатов в разговоре с беснующимся Павлом как раз и рисует эту горечь Суворова, скорбь его дум. В эти минуты все в нем от щемящей грусти.

Вот он стоит перед Павлом в своем старинном екатерининском кафтане, и кажется, окаменела его обычно такая непоседливая фигура. Ломается и кривляется перед ним Павел, а Скоробогатов-Суворов смотрит куда-то мимо-мимо императора-марионетки и уже не слушает ни похвальбы пруссакам, ни царских выкриков. И кажется, что проходят перед его памятью Фокшаны и Рымники, Кинбурн и Очаков, штурм Измаила; блестит Дунай, развеваются знамена, и грохот орудий сливается с могучим русским «ура».

Там, на полях сражения, Суворов «у себя дома», а здесь — что делать ему в павловской клетке? И таким горестно-лишним стоит недвижный Скоробогатов-Суворов, когда, точно шаман, извивается вокруг него курносый деспот.

По-настоящему лирической задушевностью проникнута сцена в поместье Суворова — Кончанском, куда Павел сослал опального фельдмаршала. За окном бедно обставленной, дощатой комнаты бушует мятель, в печке трещат дрова, и, поеживаясь, сидит Суворов в своем вольтеровском кресле. Попрежнему задорно топорщится над бледным лбом непокорный хохолок, но бездеятельность как будто наложила лишние морщины на сухощавое лицо, и уже «ноют старые кости».

И снова взлет молодости. Победоносная итальянская кампания. Легендарный переход через Чортов мост. И снова какая легкость в суворовских движениях Скоробогатова, и снова «быстрота и натиск», и снова блеск глаз! Все эти переходы и переливы Скоробогатов играет не только по-актерски виртуозно, но глубоко передавая душевные переживания Суворова. И в этой духовной обусловленности сценической игры Скоробогатов идет от самых лучших традиций русской щепкинской школы. Все это, говоря языком Островского, «дорогого стоит».

Мы прощаемся с Суворовым в спектакле, когда жизнь полководца подошла к последней грани. Но Скоробогатов помнит, что последним словом Суворова было: вперед! И оттого таким светом жизнерадостности залита заключительная сцена спектакля, когда у его кресла стоят разные склянки и банки и все же никто не думает, что Суворов скоро умрет.

Так великий полководец нашел в лице превосходного советского артиста выдающегося портретиста и друга. И оттого почетная медаль высокой Сталинской премии в третий раз украсила грудь К. В. Скоробогатова, явившись заслуженной наградой за создание образа Суворова на сцене.

Кадр из фильма «Пирогов». В роли Пирогова К. В. Скоробогатов.

ПОДМОСКОВНАЯ РЫБА

Ив. ЗЫКОВ

Поезда, прибывающие на московские вокзалы, привозят обычно сотни пассажиров. Но нет, как известно, правил без исключения. Весной нынешнего года к перрону Ленинградского вокзала подошел поезд, доставивший в Москву двенадцать с половиной миллионов живых существ.

Правда, они не занимали плацкартных мест, не требовали у проводников постельных принадлежностей, не выбегали на станциях за кипятком. Они ехали без билетов и не считались даже пассажирами. Но это были все же живые существа, хотя жизнь теплилась в каждом из них крохотной искоркой.

Все двенадцать с половиной миллионов ехали в багажном вагоне и находились в девяти ящиках с четкими, старательно выведенными надписями: «Осторожно! Не толкать, не кантовать! Живая икра».

Икра была действительно живая. Прошлой осенью на Волховском рыборазводном заводе ее оплодотворили молоками и поместили в инкубационные аппараты, где икринки пролежали целую зиму в проточной воде.

Постепенно разгоралась в них жизнь. Весной в каждой икринке можно было заметить две черных точки. И если положить икринку под микроскоп, то станет очевидным, что точки эти — глаза будущей рыбки, а сама будущая рыбка двигается, ворочается внутри оболочки. Конурка явно становилась тесной.

Именно в эту пору, или, как рыбоводы говорят, в стадии «глазка», икру вынули из воды и уложили на влажную марлю икорных рамок. Рамки обернули бумагой, укрыли соломой, чтобы не тряско было, чтобы было мягко, не жарко, не холодно и чтобы икра дышала. Затем рамы уложили в ящики и с поездом послали в Москву.

В Москве икру проверили. Она хорошо перенесла перевозку и оказалась в прекрасном состоянии. Ее отправили в Акуловское водохранилище канала имени Москвы и через проруби весеннего подтаявшего льда опустили в воду, в заранее намеченных местах глубиной в два метра, с чистым песчаным грунтом. И когда падали в воду наиболее созревшие икринки, их оболочки лопались и из каждой икринки выходила рыбка длиной в сантиметр.

Так прибыли на новое местожительство десять миллионов икринок чудского сига и два с половиной миллиона рипуса.

Уже не впервые завозят икру ценных сиговых пород на московские водохранилища.

В прошлом году в Истринское и Акуловское водохранилища было выпущено больше тринадцати миллионов оплодотворенных икринок сига и ряпушки, той самой ряпушки, которую мечтал поесть гоголевский городничий, когда выдаст дочку за важного петербургского сановника Хлестакова и сам станет генералом.

Городничий-то мечтал, да не домечтался, а вот теперь ряпушка скоро в изобилии появится на столе у москвичей.

Не только рыб сиговых пород переселяют в водохранилища канала имени Москвы. Прошлым летом для Истринского и Клязьминского водохранилищ привезли из Астрахани семьдесят пять тысяч молодых сазанчиков-сеголеток и пятьсот взрослых производителей. Ехали они в живорыбных вагонах, наполненных водой. В начале июня этого года с Дальнего Востока прибыла крупная партия амурского сазана.

Предполагается также пустить судака и черного окуня в Истринское водохранилище, сильно засоренное мелкой плотвой и уклейкой. Судак с окунем и водоем прочистят и жирок нагуляют.

В прежнее время человек истреблял богатства природы, хищнически вырубал леса, вылавливал рыбу в пору нереста, не заботясь о будущем рыбном потомстве. И богатства природы заметно поубавились. По-иному, по-хозяйски подошел к природе человек социалистической эпохи.

Рыболовство вступает сейчас в новую стадию, становится культурным хозяйством, организованной отраслью животноводства.

...Просторно и величаво раскинулись московские водохранилища. Когда едешь на рейсовом катере из Тишкова в Химки, видишь сначала извилистые заливы, лесистые мысы, и кажется, что находишься не в Московской области, а где-нибудь на озере Селигер. Но потом катер входит в канал, и начинаешь с грустью думать, что так и будешь ехать теперь до самых Химок по узкой водной дорожке, сдавленной крутыми береговыми откосами с белыми тумбочками фонарей.

И вдруг опять разбегаются вширь берега: катер выходит на простор Клязьминского водохранилища. И снова видишь широкую, сверкающую гладь и далекие леса. А глянешь на восток, в сторону Пирогова,— там вдалеке виднеется над водой светлая полоска, какая-то прозрачная пустота. И над ней, как будто в воздухе, висят затуманенные сизой дымкой верхушки деревьев. А в одном месте и вовсе никаких лесов не видно: вода смыкается с небом.

...На гладкой поверхности залива вскипают, разбегаются широкие круги. Это играет рыба.

Стоят жаркие дни, громыхают грозы. Жизнь бьет ключом. Буйно растет каждая былинка. Согрелась вода, началась пора икрометания.

Лещ нерестится густыми косяками. По громким всплескам и по множеству кругов видно, какую возню затеяли там, внизу, лещи.

На воду пущены искусственные пловучие нерестилища—клетки из жердей, унизанные веничками из можжевельника. Лещ, всегда выпускающий свою клейкую икру на подводную растительность, охотно кидается на пловучие сооружения; он к тому же очень любопытен ко всему новому в водоеме, и его привлекает запах можжевельника. Лещ густо поливает веники икрой. Вероятность гибели икринок здесь значительно меньше, чем на естественных нерестилищах.

Период нереста — разгар рыболовства. Установлен надзор за тем, чтобы лов производился без ущерба для воспроизводства запасов рыбы:

— Ловите, но давайте воспроизводство!

У всех выловленных лещей, не успевших еще отнереститься, икра отжимается в тазы и перемешивается с молоками. Потом рыбаки окунают в оплодотворенную икру хвойные венички и вместе с прилипшей икрой втыкают их в дно залива...

— Мы в Красных Горках давно живем,—говорит рыбачка Наталья Зуек.— Огороды у нас тут были, болотца да текла речка Клязьма—ногой перешагнуть. Водились в речке пескари да уклейки. И вдруг весной 1937 года большая вода к нам на огороды и в овраги пришла. Чудно так получилось: ведь и не копали у нас ничего, рыли где-то в далеких местах, а к нам вода подошла. Вот теперь каких лещей ловим! Все как на подбор, все больше двух килограммов.

За один день бригада Натальи Зуек взяла неводом свыше полутора тонн лещей, а бригада Ульяны Шарай — 4 тонны.

На рыбозаводе в селе Красные Горки, на Клязьминском водохранилище, есть еще четыре ловецких бригады. Они тоже берут немалый улов, и директор завода Алексей Васильевич Мешалкин бегает озабоченный: погода жаркая — надо рыбу увозить немедленно.

Водохранилища канала имени Москвы занимают почти десять тысяч гектаров. Они могут давать до 4 тысяч центнеров рыбы в год.

Создание рыбного хозяйства под Москвой и переселение рыбы из одних водоемов в другие открывают широкие перспективы. В СССР число старых озер и новых водоемов, образующихся в связи с гидростроительством, колоссально. Огромно Московское водохранилище, названное за свою величину морем. Еще больше Рыбинское море.

Озера и новые водоемы, вместе взятые, могут при правильном ведении хозяйства заметно увеличить пищевые ресурсы страны.

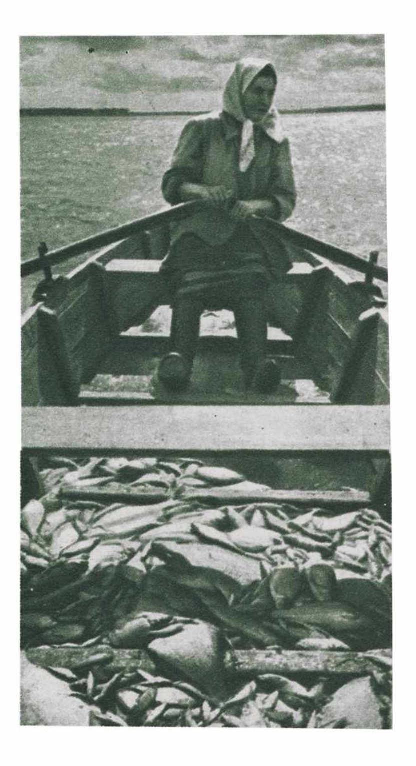
Если в естественных водоемах вмешательство человека в жизнь рыб пока ограничено и такие водоемы приносят примерно сорок килограммов улова с гектара, то есть разновидность рыбного хозяйства, где человек вмешивается в рыбью жизнь гораздо значительнее и добивается высокой продуктивности. Это — рыбоводство на искусственных прудах. Размеры прудов, возможность спуска воды, осушения дна и полного уничтожения сорной рыбы позволяют добиваться наиболее успешных результатов. Прудовое рыбоводство—высококультурная отрасль рыбного хозяйства. Рыба здесь превращается в домашнюю. Ее перемещают из пруда в пруд, ухаживают за нею, кормят, лечат от болезней. Наиболее подходящей породой для разведения в прудах служит зеркальный карп.

Обычно в пруду можно получать по два—три центнера рыбы с гектара, но при хорошем содержании и удобрении, правильном уходе и кормлении—вдвое, втрое больше. Трудно установить здесь строгий предел. Например, в Ленинском рыбхозе, Московской области, было получено по десять центнеров. А в колхозах Голованевского района, Одесской области, достигнута продуктивность в двадцать пять центнеров с гектара.

По сталинскому плану преобразования природы намечено построить для орошения полей десятки тысяч прудовых водоемов общей площадью до четырехсот тысяч гектаров. Вместе с уже существующими они составят огромный фонд для развития культурного рыбоводства.

Например, Курская, Харьковская области, где и воды и рыбы мало, могут превратиться в рыбном отношении из потребляющих в производящие. А главное—рыба своя, близкая, свеженькая. Не надо ее привозить с дальних морей за тридевять земель.

Так человек социалистической эпохи безмерно умножает богатства земли.

Бригадир Наталья Зуек возвращается с уловом.

Фото Г. Санько

НА СТАДИОНАХ Европы

(Спорт в странах народной демократии)

В. ЦВЕТКОВ

За последние четыре года произошли большие изменения в спортивной жизни стран народной демократии. И в маленькой Албании, где в былые годы о спорте знали лишь понаслышке, и в таких странах, как Чехословакия, Польша и Венгрия, где спорт в основном был привилегией «золотой молодежи», и в Болгарии, Румынии — всюду физическая культура становится массовой, всенародной. Огромную роль в перестройке физической культуры сыграл опыт советского спортивного движения и, в частности, введение единого комплекса типа «Готов к труду и обороне».

Массовость — отличительная черта развития спорта в странах народной демократии.

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Победа, одержанная демократическими силами в Чехословакии в феврале прошлого года, открыла большие возможности для развития физической культуры. В организацию «Сокол» влились все прогрессивные спортивные общества, союзы и клубы.

Благотворные результаты демократизации спортивной жизни сразу сказались. Так, например, в легкой атлетике, которую до войны нельзя было назвать ведущим видом спорта, за два года улучшено 15 рекордов страны. Чехословацкий спорт вправе гордиться такими легкоатлетами международного класса, как Эмиль Затопек — рекордсмен в беге на 5 тысяч и 10 тысяч метров, как Чевона, которому принадлежат рекорды республики в беге на средние дистанции, как прыгун Фикейш, как копьеметатель Кизеветтер, и многими другими.

Особенно выделяется Затопек — замечательный и неутомимый бегун, не имеющий себе равных среди бегунов на длинные дистанции. Это истина, которую вынуждены признать даже заклятые враги народно-демократического спорта. Выступая в Лондоне на олимпийских играх, Затопек завоевал золотую медаль (первое место) в беге на 10 тысяч метров и серебряную (второе место) в беге на 5 тысяч метров. Недавно Э. Затопек вписал блестящую страницу в историю международного спорта: он установил новый мировой рекорд, пробежав 10 километров за 29 минут 28,2 секунды.

Отличных успехов чехословацкие спортсмены добились и в теннисе. В этом виде спорта они справедливо претендуют на первое место в Европе. Несколько лет подряд теннисисты Чехословакии во главе с Ярославом Дробным выходят в финал розыгрыша «Кубка Дэвиса» по европейской зоне.

Текущий сезон футболисты Чехословакии открыли убедительной победой (5 : 2) над сильной сборной командой Венгрии. Ликвидация профессионализма и прекращение «экспорта» футболистов за границу положительно сказались на развитии чехословацкого футбола. Появилось много новых коллективов, в которых выступают молодые, способные игроки. Если в прежние годы борьба за первенство Чехословакии сводилась, по существу, к дуэли между «Спартой» и «Славией», то ныне картина изменилась. На звание чемпиона претендуют, наряду с этими двумя клубами, команды городов, крупных предприятий, профессиональных союзов, чехословацкой армии. Так, например, в 1949 году в розыгрыше первенства лидирует команда «Богемианс» (богемцы).

Высоким классом обладают чехословацкие баскетболисты. Заслуженной славой пользуются и хоккеисты, которые одержали убедительные победы над хвалеными канадцами и американцами. Чехословацкие «мастера шайбы» выиграли первенство мира в 1947 и 1949 годах и заняли второе место в олимпийском турнире 1948 года.

Эмиль Затопек (Чехословакия), установивший новый мировой рекорд.

Триумфом закончилось выступление чехословацких спортсменок на первенство мира по фигурному катанию на коньках, разыгранному зимой 1949 года в Париже; звание чемпионки мира завоевала Алена Неколова...

Мы привели лишь некоторые из многочисленных фактов, показывающих рост чехословацкого спорта.

В ПОЛЬШЕ

В довоенной Польше физкультура стояла на низком уровне. Первоклассных спортсменов можно было перечесть по пальцам. Перед правительством Народно-демократической республики возникла трудная задача: нужно было не только восполнить ущерб, причиненный спорту войной и оккупацией, но и добиться его развития.

Новая Польша имеет здесь значительные успехи. Укажем на некоторые из них.

В прошлом году польская спортивная газета «Пшеглонд спортови» опубликовала списки лучших легкоатлетов за 1947 год. Нет ни одного номера легкоатлетической программы, по которому результаты, указанные в списке, не были бы уже в последующем, то есть прошлом, году улучшены. Примерно такую же картину мы наблюдаем и в плавании, гимнастике, спортивных играх и т. д.

Особенно убедительны достижения польских футболистов. Довоенный польский футбол, как известно, не мог похвастаться своими успехами. А вот полтора года тому назад в Стокгольме сборная команда Швеции (олимпийский чемпион 1948 года) победила Польшу лишь после упорной борьбы со счетом 5 : 4. Недаром шведские газеты, предсказывавшие своим футболистам победу с «разгромным» счетом, вынуждены были признать, что «польский футбол представляет собой величину, с которой нужно считаться сильнейшим футболистам мира».

Вслед за этим Польша выиграла у Финляндии со счетом 4 : 1. В розыгрыше балканского и центрально-европейского первенства польские футболисты сыграли вничью с Болгарией и Румынией и добились победы над Чехословакией.

В ВЕНГРИИ

Задолго до войны венгерское профашистское правительство всячески притесняло демократические спортивные клубы. В венгерском спорте, особенно в футболе, процветал дух наживы и стяжательства. В те годы Венгрия была одним из основных поставщиков футболистов для заграничного рынка. Дело доходило до того, что, составляя сборную команду Венгрии, приходилось «одалживать» венгерских футболистов у других стран.

Теперь трудящиеся Венгрии коренным образом перестроили спортивную жизнь страны. Результаты этого не замедлили сказаться. Блестящим свидетельством их достижений может служить успех венгерских спортсменов на прошлогодней олимпиаде в Лондоне: 10 золотых, 5 серебряных, 11 бронзовых медалей и общее третье место. Никогда в прошлом страна не добивалась подобных успехов на международных соревнованиях.

Почти по всем видам спорта венгерские физкультурники превзошли довоенный уровень. Недавно метатель молота Немет вписал свое имя в список мировых рекордсменов. Он же был победителем в этом номере на олимпийских играх в Лондоне.

Изо дня в день растут показатели спортсменок, среди которых следует отметить многостороннюю и талантливую легкоатлетку Ольгу Диармати.

Венгерские пловцы считаются одними из сильнейших не только в Европе, но и в мире. Перед нами список десяти лучших пловцов. Видное место в этой международной классификации по плаванию занимают представители Венгрии, в том числе Кадаш, Митро Ниеки, Чордаш, Ева Новак, Ева Секей, Илона Новак. Нельзя не напомнить о том, что Венгрия располагает сильнейшими в Европе игроками в водное поло.

Среди победителей олимпийского турнира по фехтованию — три представителя новой Венгрии: Геревич и Ковач (эспадрон) и Елек (рапира). Все они были, разумеется, серьезными претендентами на выигрыш первенства мира 1949 года в Каире. Но венгерская победа никак не устраивала организаторов этого соревнования, ярых противников народно-демократического спорта. Поэтому был придуман трюк: в Каир пригласили фехтовальщиков франкистской Испании. Расчет был ясен: венгерские спортсмены не будут выступать в одном турнире с фашистами. Таким образом, была устранена «венгерская опасность»...

Спортсмены и спортсменки Венгрии добились крупных успехов и в зимнем спорте. В прошлом году имя Корнеля Пайора было известно лишь узкому кругу спортсменов. Теперь он новый абсолютный чемпион мира по скоростному бегу на коньках и мировой рекордсмен на дистанции в 5 тысяч метров (8 минут 13,5 секунды). Его соотечественники Кекеки и Кирали завоевали в Париже первенство мира по фигурному катанию в парном разряде.

Новая Венгрия вправе гордиться своими шахматистами. На недавнем матче Москва—Будапешт венгры хотя и проиграли, но, выступая против советских шахматистов, они добились лучших результатов, чем американцы или англичане.

Развивается и венгерский футбол. Об этом свидетельствуют победы венгерских футболистов в 1948 году над Австрией (2 : 1) и Швейцарией (7 : 4) и в текущем сезоне — с разгромным счетом (6 : 1) — над Австрией.

Команда «Ференцварош», чемпион Венгрии, считается одной из сильнейших в мире клубных команд.

В БОЛГАРИИ

Болгарский спорт сейчас на подъеме. На это указывают многочисленные поправки, которые болгарские спортсмены ежегодно вносят в таблицы своих рекордов. Так, например, в плавании в 1947 году было установлено 19 новых рекордов. За прошлый сезон цифра эта удвоилась. Десятки личных рекордов, пять рекордов страны — таков итог последнего первенства Болгарии по легкой атлетике, в котором участвовало больше двухсот человек, в том числе и женщины (до войны кадры болгарских легкоатлетов исчислялись несколькими десятками спортсменов).

Сильно выросли и болгарские футболисты. В прошлом году они добились победы над Чехословакией и Венгрией.

В 1948 году количество болгарских физкультурников достигло полумиллиона человек. Спорт в Болгарии стал действительно массовым, общенародным делом.

В РУМЫНИИ

При монархо-фашистском правительстве в Румынии насчитывалось несколько тысяч спортсменов, состоявших членами буржуазных клубов. Созданная в 1946 году всерумынская «Организация народного спорта» охватывает уже до 150 тысяч человек.

Только в прошлом году в стране было проведено свыше 10 тысяч соревнований. В них участвовали десятки тысяч физкультурников, начиная от чемпионов и кончая новичками. Непрерывно растет мастерство румынских легкоатлетов. Среди физкультурников стран народной демократии они занимают третье место, уступая лишь венграм и спортсменам Чехословакии. Румынский спринтер Мойна, как и советский спортсмен Н. Каракулов, является одним из сильнейших бегунов Европы.

В нынешнем году механик полиграфической фабрики Думитру Параскивеску установил мировой рекорд в ходьбе на 15 километров.

172 новых национальных рекорда — вот итог спортивного сезона в Румынии.

Рекордсменка Чехословакии в плавании на 100 и 200 метров стилем «брасс» В. Прашилова.

Фото Э. Гутгарца

В АЛБАНИИ

До войны в Албании спорт был очень слабо развит. Теперь спортивная жизнь страны бьет ключом. Об этом красноречиво говорят следующие факты: до войны в футбол играли здесь мало, а в 1946 году албанские футболисты выиграли балканский футбольный турнир; в течение лета прошлого года было проведено около тысячи футбольных, волейбольных и баскетбольных матчей, 135 турниров по настольному теннису, первенство страны и отдельных районов по легкой атлетике, плаванию, боксу, борьбе и другим видам спорта. Активное участие в спортивной жизни страны принимают албанские женщины, недавно еще ходившие в чадре, стоявшие далеко от общественной и политической жизни страны.

☆ ☆ ☆

Растут и крепнут дружеские связи между спортсменами стран народной демократии и Советского Союза. Ярким проявлением этой дружбы служат выступления советских гимнастов, футболистов, шахматистов, боксеров, штангистов, баскетболистов, легкоатлетов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании и недавние визиты в СССР чехословацких теннисистов, хоккеистов, пловцов и легкоатлетов, венгерских шахматистов и теннисистов, польских хоккеистов.

Рука об руку с многомиллионной армией советских физкультурников спортсмены стран народной демократии борются за прочный мир, за свободу и независимость своих стран, за социализм.

Момент футбольного матча между командами Польши и Чехословакии.

НА ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ФУТБОЛУ

ВТОРАЯ ГРУППА

Как и в прошлые годы, в розыгрыше на первенство страны по футболу, кроме команд мастеров первой группы, участвуют 84 команды второй группы, которые представляют 14 союзных республик. Эти коллективы разбиты на шесть зон: Центральную, Украинскую и четыре зоны РСФСР.

Во всех зонах разгорелась упорная борьба за первое место. Наиболее интересные соревнования происходят в Центральной и Украинской зонах.

В первой из них участвуют 14 команд. Больших успехов добился дружный коллектив тбилисского «Спартака» (тренер — заслуженный мастер спорта А. Жордания). Команда составлена из молодых, способных игроков, среди которых следует отметить вратаря Пираева, защитника Квариани, нападающих — Ломая, Бургуладзе и Автандила Пайчадзе (брат известного футболиста Бориса Пайчадзе). Тбилисский «Спартак» выиграл 14 встреч подряд, вбил 31 мяч и пропустил в свои ворота лишь 5. Команда получила 28 очков из 28 возможных. Это своеобразный рекорд.

Очень хорошо зарекомендовал себя коллектив вильнюсского «Спартака» (тренер — заслуженный мастер спорта Г. Глазков). Команда набрала 23 очка из 28 возможных. Молодой состав игроков, лишь второй год выступающий в ответственных соревнованиях, показал хорошую, вполне современную тактику. В команде выделяются нападающие Пенкускас и Рилис, а также полузащитник Ганускаускас.

Третье место в розыгрыше первенства по Центральной зоне занимает ташкентский Дом офицеров (тренер — Н. Федорченко). Команда славится линией нападения, в которой выделяются Вартазаров, Гусаров, Худяков.

Очень напряженные соревнования происходят в Украинской зоне. В ней участвуют 18 команд Киева, Львова, Одессы, Закарпатья, Донбасса, Запорожья, Харькова, Николаева, Херсона, Черновиц, Днепропетровска.

Наибольшего успеха добилась команда общества «Большевик» (г. Мукачево). После 14 туров мукачевцы набрали 25 очков. Команда забила 35 мячей и пропустила в свои ворота лишь 6. Отличительной чертой закарпатских футболистов является быстрый темп и умение превосходно играть головой. Команда хорошо подготовлена к длительной и напряженной борьбе.

Отстав всего лишь на одно очко, второе место занимает львовский «Спартак» (тренер — заслуженный мастер спорта Вик. Соколов). Форварды этой напористой команды, среди которых выделяется Гавриленко, вбили рекордное число мячей — 40.

Львовцы одержали одиннадцать побед, свели две игры в ничью и лишь одну проиграли. Это большая удача молодого коллектива.

На третьем месте зонального розыгрыша находится старая опытная команда общества «Пищевик» (Одесса). Она имеет в своем активе 10 побед.

Далее с одинаковыми показателями идут киевский Дом офицеров и ужгородский «Спартак». Донбасские команды занимают серединное положение в турнирной таблице, а замыкают список участников этого интересного соревнования футболисты Львова и железнодорожники Запорожья.

Как упоминалось выше, в Российской федерации розыгрыш первенства страны по второй группе происходит в четырех зонах. В первой из них лидирует ростовское «Динамо». Команда не понесла ни одного поражения. Она одержала 7 побед и сделала две ничьи. На второе место вышли футболисты Военно-Морских Сил (ВМС) и на третье — обладатель «Кубка РСФСР» — краснодарское «Динамо».

Во второй зоне первенствуют челябинский «Дзержинец», свердловские футболисты Дома офицеров и коллектив новосибирского Дома офицеров.

В третьей зоне соперничают МВО (команда Московского военного округа), футболисты города Ижевска и ленинградского Дома офицеров. В четвертой зоне большого успеха добились коллектив Орехово-Зуева и дулевские футболисты.

Соревнование футболистов второй группы в самом разгаре. Еще предстоит много упорных схваток. Победители зон осенью встретятся для того, чтобы решить между собой спор: какая из команд получит право играть в первой, высшей группе мастеров футбола?

НА ОЗЕРЕ

Очерк-задача

Мы были на рыбалке. В озере, заросшем и коряжном, кроме карасей, иной рыбы не было.

Ловили мы вершами. Это цилиндрической формы нитяная сетка, натянутая на металлические кольца, с узкой входной горловиной.

При первом осмотре снастей в одной из верш оказалась зеленая, с выпученными глазами лягушка. Вытаскивать ее было неприятно, и мы забросили вершу обратно.

Через час снова ее осмотрели. В ней между пойманными карасями попрежнему прыгала лягушка, ища выхода.

— Плохая примета,— сказал Кузьмич.— Редко, когда такая тварь попадает в вершу.

— Во-первых, не тварь, а лягушка,—поправил Володя,— а во-вторых, суеверный вы человек, Кузьмич!..

— Народная примета такая, сынок, а не суеверие,— обидевшись, ответил Кузьмич.

На озере раздавалось многоголосое квакание лягушек. Володя хорошо знал их жизнь: по их кваканию он легко отличал самца от самки.

— А это квакание? — спросил с ехидством Кузьмич.— Тоже, по-твоему, ни к чему? Гроза будет.

— Смешной вы, — заметил Володя,— на небе ни облачка, солнце палит во-всю,— папа, вон видите, через лупу от него прикуривает, а вы грозу пророчите.

Лов удался неплохой: карасей наловили более половины корзины. Надо было спустить рыбу на дно озера, но не нашли груза, и корзина упорно плавала в теплой воде. Только к вечеру, когда мы опустили в корзину еще килограмма три карасей, она пошла ко дну. За сохранность рыбы беспокоиться теперь было нечего.

К ночи подготовились мы заранее: поставили палатку, набрали траву для постели, нарубили дров.

Перед тем, как разжечь костер, я решил освежиться. Мы с Затейкой пошли купаться. Кузьмич с Володей отправились собирать землянику к чаю.

Затейка первая бросилась в воду. Она заплывала вперед, повертывала обратно и, стремясь лизнуть меня в лицо языком, снова плыла вперед.

Вот мы на другом берегу озера.

Я не заметил, когда скрылось солнце, как надвинулась на нас туча. Сразу потемнело и затихло. Вдруг налетела сшибающая с ног буря.

Ослепительный фейерверк и оглушительный удар! Небо беспрерывно разрезали огненные змеи с громыханием и раскатистым грохотанием...

Словно по сигналу, пошел проливной дождь — сразу, без предупредительных капель.

Излив свою злобу, туча прошла. Наступила необычайная тишина, а затем вокруг залетало, защебетало, зашевелилось, зашуршало, запрыгало...

Грозы как не бывало. Только одно озеро долго не могло успокоиться.

Мы поплыли к себе. Когда мы вышли из воды, я ужаснулся: палатка была снесена, одежда промокла, хлеб и сахар раскисли.

Пришли Кузьмич с Володей. Они успели спрятаться в охотничью избушку и возвратились сухими.

Самое худшее было впереди: Кузьмич не курил, а мои спички промокли. О папиросе и о костре можно было только мечтать.

Подул северный ветер, тягучий, пронизывающий. Заморосил не по-летнему холодный дождик. Лечь было невозможно. Мы выбрали себе толстые ели и, усевшись возле них с подветренной стороны, задремали.

Но вот стало светло. Дождь прошел. На небе ни облачка. Я с нетерпением ждал восхода солнца. Папироса и лупа были наготове. Минуты казались часами.

Наконец появилось солнце, я закурил и разжег костер.

— Посмотрите, — крикнул Володя. — Какое маленькое солнце! Днем оно значительно больше.

— Это от стыда оно,— пояснил Кузьмич.— Оставило нас вчера на произвол грозы и, не подсушив, скрылось.

Отогревшись, мы занялись чисткой одежды. Долго возились с мохом, приставшим к спинам наших пиджаков, когда мы сидели у елей.

— Какой вкусный завтрак! — восторгался Володя.— Как ароматен чай!

— На чистом воздухе все вкусно,— поучительно сказал Кузьмич.

За перенесенные невзгоды мы были вознаграждены полной корзиной крупных карасей.

Прочтите очерк еще раз и найдите в нем ошибки, противоречащие жизни и законам природы (таких ошибок шесть).

М. БЕЛОУСОВ

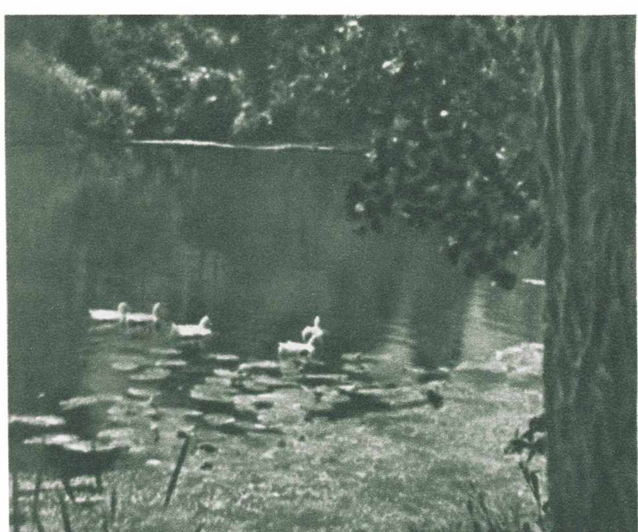

Фото С. Яропольского

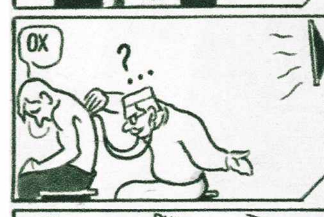
СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Рис. А. Зубова

Домой пришел сам не свой, упадок сил, стонет: «Помогите!»

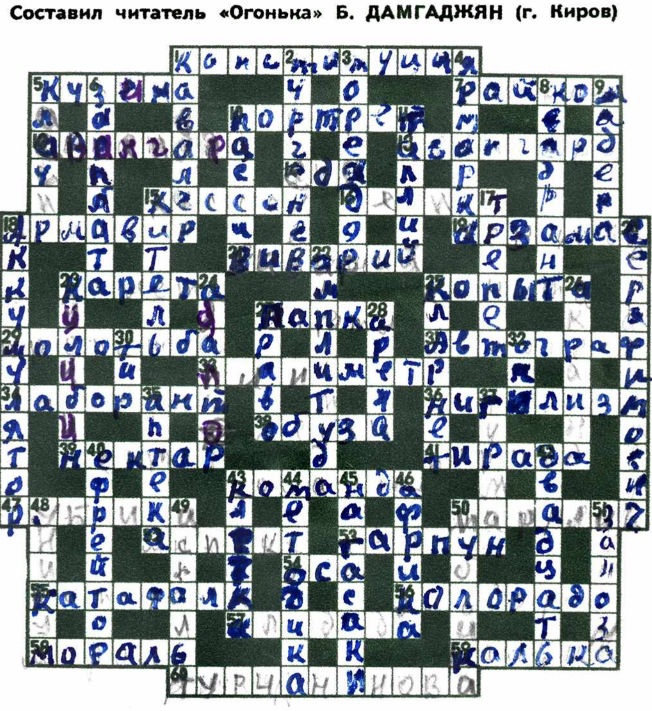

— ВЫЛЕЧИЛИ! ТЕПЕРЬ «ПОБОЛЕЕМ»!

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Б. ДАМГАДЖЯН (г. Киров)

По горизонтали:

1. Основной государственный закон. 5. Двоюродная сестра. 7. Районный комитет. 10. Живописное изображение человека. 12. Музыкальное произведение. 13. Передовой отряд. 14. Пища. 15. Камера для подводных работ. 16. Противозаконное действие. 18. Город на Северном Кавказе. 19. Город в Горьковской области. 21. Помещение для животных. 23. Закрытый экипаж. 25. Роговое образование на конечностях животных. 27. Канцелярская принадлежность. 29. Сельскохозяйственная работа. 31. Собственноручная подпись. 33. Измерительный прибор. 34. Сотрудник лаборатории. 36. Течение в русской общественной жизни в 60-е годы. 38. Бремя. 39. Цветочный сок. 41. Длинная фраза. 43. Экипаж судна. 47. Графа, раздел. 50. Болезнь. 52. Точка зрения. 53. Метательное орудие для охоты на морских животных. 54. Насекомое. 55. Погребальная колесница. 56. Штат в США. 57. Линейка в угломерных приборах. 58. Нравоучение. 59. Прозрачная бумага для чертежей. 60. Народная артистка СССР.

По вертикали:

1. Награжденный орденом. 2. Русский писатель. 3. Участник боя быков. 4. Торжище. 5. Специальность. 6. Вознаграждение за труд. 8. Четверть круга. 9. Сорт вина. 10. Бухгалтерский термин. 11. Металл. 15. Летняя форменная куртка. 17. Сильное волнение. 18. Прибор для накопления энергии. 20. Советский писатель. 22. Размах колебания. 23. Русский изобретатель. 24. Деталь патефона. 25. Духовой инструмент. 26. Часть города. 27. Юридический термин. 28. Часть цирка. 30. Стрельбище. 32. Глаза. 35. Заведение, где приготовляются и продаются лекарства. 37. Любитель тонких блюд. 40. Воинское звание в старой армии. 42. Двухзначное число. 43. Помещение для птиц. 44. Часть педагогики. 45. Город в Японии. 46. Часть света. 48. Единственное в своем роде. 49. Минеральная смола. 50. Посетители спектаклей, концертов. 51. Непереводимое выражение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 30

По горизонтали:

1. Сироп. 4. Пролог. 5. Лозунг. 9. Отечество. 10. Энтузиазм. 13. Наиб. 14. Агрономия. 17. Одер. 20. Окоп. 22. Вето. 23. Софизм. 24. Мелодия. 25. Стимул. 27. Оса. 28. Турист. 29. Эталон. 30. Том. 34. Качели. 36. Анекдот. 38. Истина. 40. Зима. 41. Заяц. 42. Тема. 43. Хронометр. 46. Икра. 49. Торжество. 50. Преамбула. 52. Недруг. 53. Плеяда. 54. Аорта.

По вертикали:

1. Сговор. 2. Рак. 3. Пленум. 4. Плебисцит. 5. Отец. 7. Уезд. 8. Гражданин. 9. Огниво. 11. Марабу. 12. Унисон. 15. Гном. 16. Идея. 18. Коммунизм. 19. Пословица. 21. Персона. 22. Виртуоз. 23. Свояк. 26. Лемма. 31. Декамерон. 32. Эконом. 33. Структура. 35. Апатит. 36. Амур. 37. Такт. 39. Навага. 44. Отвага. 45. Европа. 47. Рейд. 48. Змея. 51. Бор.

ПОДУМАЙ!

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Из Москвы разговаривали с областным центром по телефону. Слышимость исключительная, хотя расстояние было в несколько тысяч километров.

— Надо обязательно сделать сегодня,— говорили из Москвы.

— Безусловно, сделаем,— отвечали из областного центра.

— Когда же успеете? — сомневались из Москвы.— До конца суток осталось совсем немного — сейчас 21 час.

— Успеем. За двадцать один час многое что можно сделать.

С каким городом говорили из Москвы?

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление **Л. Шумана.**

А — 09503. Подписано к печати 26/VII—49 г. Изд. № 535. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1571. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ГЛАВПАРФЮМЕР

ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА №3 - МОСКВА.

Цена
3 руб.